

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА»
ОРЕНБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)**

**ТРУДЫ
ОРЕНБУРГСКОГО ИНСТИТУТА
(филиала) МГЮА
(выпуск шестнадцатый)**

ОРЕНБУРГ – 2012

УДК 34
ББК 67
Т – 78

Учредитель: Оренбургская областная организация «Попечительский совет Оренбургского института (филиала) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московская государственная юридическая академии им. О.Е. Кутафина»

Рекомендовано к печати Редакционным советом института

Рецензенты: ректор МГЮА им. О.Е. Кутафина, профессор, заслуженный юрист РФ В.В. Блажеев
проректор по научной работе МГЮА им. О.Е. Кутафина, профессор И.М. Мацкевич

Редакционный совет:

ПОЛШКОВ М.И.	директор института, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права и криминалистики, к.ю.н., профессор, председатель совета (главный редактор)
ШНИТЕНКОВ А.В.	заместитель директора по научной работе, профессор кафедры уголовного права и криминологии, д.ю.н. (ответственный редактор)
АРХИПКИН С.В.	доцент кафедры экологического и природоресурсного права, к.ю.н.
БОРИСОВ Я.Е.	заведующий кафедрой конституционного и международного права, к.ю.н.
ЕФИМЦЕВА Т.В.	заведующий кафедрой трудового и предпринимательского права, к.ю.н., доцент
ЗАЙЦЕВА О.Б.	заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения, д.ю.н., доцент
КОВАЛЕВ М.В.	заведующий кафедрой гражданского права и процесса, к.ю.н., доцент
КОЛОТОВ А.Ф.	заведующий кафедрой теории государства и права, к.ю.н., доцент
КОНОВАЛОВ В.А.	заведующий кафедрой административного и финансового права, к.ю.н., доцент
ПЛОТНИКОВ А.И.	заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, к.ю.н., доцент
ПОПОВ Е.Б.	заведующий кафедрой иностранных языков, д.п.н., профессор
СОЛОДКАЯ М.С.	заведующая кафедрой общегуманитарных, социально-экономических, математических и естественно-научных дисциплин и управления, д.ф.н., профессор
ЧЕРНЯЕВ В.С.	заведующий кафедрой истории государства и права, к.и.н., доцент
ЧЕРНЯЕВ С.В.	доцент кафедры общегуманитарных, социально-экономических, математических и естественно-научных дисциплин и управления, к.т.н.

Т 78 Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА (выпуск шестнадцатый). – Оренбург, 2012. – 140 с.

ISSN 2073-8838

Журнал «Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА» рекомендуется Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал состоит из научных материалов, предложенных преподавателями, аспирантами, соискателями.

В статьях рассматриваются проблемы, связанные с функционированием государственно-правовой организации общества России и зарубежных стран.

ББК 67

ISSN 2073-8838

© Оренбургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московская государственная юридическая академия имени О.Е. Кутафина»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел первый ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА, ПРАВА, ОБЩЕСТВА И ПОЛИТИКИ

ЖОЛОбОВА Г.А.

Механизм правового регулирования торговли гражданским огнестрельным оружием
в Оренбургской губернии на рубеже XIX – XX веков 6

ПАЛКИН А.Г.

«Великая Яса» как древнейший источник Евразийского права и
великой степи (к 850-летию со дня рождения Чингисхана) 19

Раздел второй ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

БУЯНОВА Е.В.

Производство по делам об административном надзоре за лицами,
освобожденными из мест лишения свободы: новелла ГПК РФ 22

ГАБИТДИНОВ Р.Ф.

Некоторые вопросы реализации вещных прав при применении принципа добросовестности
в свете развития гражданского законодательства 30

ЛОМАКИНА Е.В.

Перспективы развития нотариата 36

МАРЧЕНКО Т.В.

Право потребителя на информацию 42

САТТАРОВА З.З.

Новеллы ГПК РФ о пересмотре судебных постановлений 46

Раздел третий УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

АБРАМЯН А.А.

Использование графологической экспертизы при раскрытии и расследовании преступлений 51

АДИЛЬШАЕВ Э.А., ШАМАРДИН А.А.

Дифференциация процессуальной формы и место судебного
санкционирования в системе уголовно-процессуальных производств 53

БЕРЕЖКО Е.В.

Проблемы законодательной регламентации международного
сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства 58

БУКАЕВ Н.М.

К вопросу о криминалистической характеристике преступлений 62

ВАССАЛАТИЙ Ж.В.

Криминалистические проблемы расследования преступлений
террористического характера на завершающем этапе расследования 65

ВАСЯКИНА Е.В.

Предпосылки создания первых институтов реализации международного уголовного права 67

ВЕТОШКИН А.А., ПАНКРАТОВА Е.Д.

К вопросу о совершенствовании уголовного законодательства о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних 73

ВЛАСЮК Е.И.

Особенности взаимодействия следователя с органами внутренних дел при решении вопроса о возбуждении уголовного дела 76

ГРЕБНЕВА Н.Н.

Вопросы совершенствования уголовно-процессуального законодательства в сфере защиты прав потерпевших 80

КОЩЕВА Е.С.

Пределы судебной защиты 82

МЕДУНОВ В.В.

О необходимости криминалистической характеристики преступлений по ст. 170 УК РФ 86

НАЗАРОВА О.В.

Субъекты апелляционного производства 88

ПЛОТНИКОВ А.И., ЛОПАТКИН А.П.

Объективные и субъективные признаки неоконченного преступления 92

РЕЗЕПКИН А.М.

Суд и его процессуальная роль в уголовном судопроизводстве 98

СИДЯКОВ А.Н.

Уголовно-правовая и криминалистическая характеристики нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов 101

ТАРНАВСКИЙ О.А.

Концептуальная модель участия пострадавшего по уголовным делам частно-публичного обвинения 103

ХМЕЛЕВСКАЯ Т.А.

Основные направления реформирования системы органов и учреждений, исполняющих лишение свободы в России 108

**Раздел четвертый
ВОПРОСЫ ТРУДОВОГО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА
И ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ**

БЛАГОДИР А.Л.

К вопросу о совершенствовании законодательства о социальной адаптации в системе социального обслуживания граждан 116

ИЩЕНКО Е.А.

Международные правовые стандарты социального партнерства и их значение в Российской Федерации 121

КУЛЕНКО Т.Н.

Правовое регулирование инвестиционной деятельности в Оренбургской области 126

ПОСТНИКОВ Н.

История становления и развития российского трудового законодательства об отпусках 130

РАХМАТУЛЛИНА О.В.

Правовая сущность специального налогового режима 134

Раздел пятый
ВОПРОСЫ ПЕДАГОГИКИ И ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА
В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

НАСРЕТДИНОВА Р.Р.

Этнокультурные стереотипы и их отражение в английских пословицах
и поговорках 138

Раздел первый

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА, ПРАВА, ОБЩЕСТВА И ПОЛИТИКИ

ЖОЛОВА Г.А.,

к.ю.н., доцент кафедры истории государства и права,
Оренбургский институт (филиал) МГЮА имени О.Е. Кутафина,
460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, тел.: 8 (3532) 72-22-77,
post@oimsla.edu.ru

МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТОРГОВЛИ ГРАЖДАНСКИМ ОГНЕСТРЕЛЬНЫМ ОРУЖИЕМ В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ

Ключевые слова: огнестрельное оружие, правовое регулирование, правила, торговля, ограничения, революция, Свод законов Российской империи, Циркуляр Департамента Полиции МВД, инструкция, обязательное постановление, Оренбургская губерния, губернатор, полиция, надзор, свидетельство, торговец, оружейный магазин, архивные документы.

В статье подняты актуальные проблемы истории законодательства Российской империи на этапе развития буржуазных отношений, сопровождавшимся ростом революционных настроений и совпавшим с моментом стремительного совершенствования ручного огнестрельного оружия. Анализ текущего законодательства, неопубликованных Циркуляров и Инструкций Департамента Полиции МВД, обязательных постановлений Оренбургского губернатора, принятых в условиях предоставления губернаторам права локального нормотворчества, а также архивных документов, позволили выявить особенности формирования механизма правового регулирования частной торговли гражданским огнестрельным оружием в Оренбургской губернии.

Key words: firearms, legal regulation, rules, trade, restrictions, revolution, Code of laws of Russian Empire, Circulars of Police Department Internal Affairs, instruction sheets, ordinance, Orenburg province, governor, police, supervision, certificate, trader, arms shop, archival documents.

The article raises the actual historical problems of Russian empire legislation at the stage of bourgeois relations development, accompanied by growth of revolutionary spirits and coincided with the moment of swift improvement of manual firearms. The analysis of the current legislation, unpublished Circulars and Instructions of Police Department Internal Affairs, ordinances of Orenburg governor, adopted in the conditions to be permitted to make local laws. The analysis of the archival documents also allows the author to reveal features of the formation of legal regulation mechanism of private trade firearms in Orenburg province.

До начала XX века действовали правила оборота огнестрельного оружия, установленные еще в XVIII – первой половине XIX в. и относящиеся, главным образом, к его ввозу из-за границы, производству, а также ношению и применению. Свод законов Российской империи не содержал специальных норм, регламентирующих торговлю гражданским огнестрельным оружием внутри России. Однако в конце XIX в. происходит качественное усовершенствование ручного огнестрельного оружия, повышается технологичность производства; налаживается массовое изготовление многозарядного автоматического оружия, которое быстро занимает прочные позиции на мировом рынке и активно проникает в Россию. Значительное улучшение боевых характеристик оружия, его удобство в использовании и доступность для населения при сохранении относительной свободы

торговли увеличивало опасность роста нарушений общественного порядка, создавая тем самым потенциальную угрозу как личной безопасности граждан, так и «государственному порядку и общественному спокойствию». Потому вопросы торговли огнестрельным оружием в конце XIX века становятся предметом особого внимания государства.

Именно в этот период намечается **стремление правительства максимально ограничить свободную торговлю** ручным огнестрельным оружием, которая к 1903 г. процветала в 42 городах и 1 селении империи и производилась из 96 торговых помещений.² Не внося существенных изменений в действующие законы, такие ограничения первоначально стали проводиться путем принятия подзаконных актов – Циркуляров Министерства Внутренних Дел, издаваемых

Департаментом Полиции и рассылаемых на места под грифом «Конфиденциально» или «Секретно». Одним из таких актов за № 5009 от 17.07.1899 г. для искоренения злоупотреблений с огнестрельным оружием была запрещена «продажа ручного оружия казенного образца кому бы то ни было, а патронов к нему всем, кроме строевых офицеров. Отпуск такого оружия посторонним ведомствам предположено производить не иначе, как с особого каждый раз разрешения Военного Министра». ³ Только через год, 10 июня 1900 г. Николай II утвердил закон ⁴ «О запрещении изготовления и привоза из-за границы огнестрельного оружия образцов, употребляемых в войсках».

В условиях обострения социально-политических противоречий, приведших к революционным потрясениям 1905 – 1907 гг. торговля огнестрельным оружием была еще более ограничена. 24 ноября 1905 г. Николай II утвердил положение Совета Министров «О порядке хранения и продажи огнестрельного оружия», в соответствии с которым усиливался надзор местных властей за его оборотом. В частности, Генерал-Губернаторам, Губернаторам и Градоначальникам в местностях, не объявленных на исключительном положении, при наличии чрезвычайных обстоятельств, угрожающих общественному порядку и спокойствию, предоставлялось право: «1) Издавать на срок, не более трех месяцев, обязательные постановления относительно порядка хранения и продажи огнестрельного оружия, кроме охотничьих образцов, а также припасов к нему и взрывчатых веществ; 2) Налagать собственной властью за нарушение означенных постановлений в административном порядке взыскания, не превышающие трехмесячного ареста или денежного штрафа в пятьсот рублей». ⁶ Тем самым была заложена юридическая основа для локального правового регулирования оборота оружия на отдельных территориях Российской Империи.

Существенное ограничение свободы торговли оружием содержалось во второй части закона. Ввоз оружия и огнестрельных припасов из-за границы и из Великого Княжества Финляндского запрещался как для личного пользования, так и для продажи. Исключение составляли лишь случаи предоставления в таможенно-особого разрешительного свидетельства, полученного в Министерстве Внутренних Дел. ⁷

Вскоре, 27 ноября под грифом «Секретно» на места были разосланы Циркуляры Департамента Полиции № 5936 и № 5939. В первом из них Министерство Внутренних Дел сообщало Губернаторам, Градоначальникам и Варшавскому Обер-Полицмейстеру о Высочайшем утверждении 24 ноября особых мероприятий относительно порядка хранения и продажи огнестрельного оружия и прилагало образец правил о пользовании оружием, выработанный в Министерстве Внутренних Дел. Во втором Циркуляре давалось обоснование мотива вышеуказанных мероприятий – «необходимость предупредить по возможности распространение злонамеренными лицами огнестрельного оружия в целях организации возможно больших вооруженных масс», и высказывались пожелания «...чтобы огнестрельное оружие было изъято от лиц, не имеющих надлежащее свидетельство, но чтобы, вместе с этим, отобрание такового про-

изводилось исподволь, с должной осмотрительностью и осторожностью».

8 декабря в дополнение к первым двум последовал третий Циркуляр Департамента Полиции № 6048, присланный за подписью Управляющего Министерством Внутренних Дел П. Дурново под грифом «Совершенно конфиденциально». В нем Губернаторам и Градоначальникам, а также Варшавскому Обер-Полицмейстеру разъяснялось, что «издаваемые на срок не более 3-х месяцев, на основании последовавшего в 24 день Ноября сего года Высочайшего повеления, обязательные постановления относительно порядка хранения и продажи оружия могут быть особым постановлением Вашим в последний день каждого третьего месяца возобновляемы еще на тот же срок при наличии чрезвычайных обстоятельств, угрожающих общественному порядку и спокойствию, как это обусловлено выше означенным Высочайшим повелением». ⁹ Т. о., этот циркуляр заложил юридическую основу для фактического превращения временных правил, принятых на короткий срок, в постоянно действующие.

Во исполнение первой части положения от 24 ноября 1905 г. на основе предложенного Министерством Внутренних Дел образца ¹⁰ в большинстве регионов России были изданы «Временные Правила о порядке хранения, продажи и пользования огнестрельным оружием и припасами к нему».

В Оренбургской губернии, которая также относилась к «местностям, не объявленным в исключительном положении», такие правила вступили в силу уже 17 декабря 1905 г. Хочется обратить внимание на то, что по точному смыслу положения Совета Министров, утвержденного Императором 24 ноября 1905 г., право издавать временные правила предоставлялось местным властям при условии «наличия чрезвычайных обстоятельств, угрожающих общественному порядку и спокойствию». В этой связи, официальная версия необходимости их принятия, представленная Оренбургским Губернатором во вводной части Правил, выглядела так: «В виду участвовавших за последнее время случаев стрельбы из огнестрельного оружия в пределах поселений со стороны пьяных компаний, хулиганов и других празднично шатающихся и злонамеренных лиц, а также весьма многочисленных случаев всевозможных насилий, чинимых под угрозой этим оружием, нахожу необходимым в ограждение общего спокойствия и безопасности населения губернии, в силу Высочайше предоставленного мне права, издать временные, сроком на 3 месяца, нижеследующие правила о порядке хранения, продажи и пользования огнестрельным оружием и припасами к нему, распространив правила эти на все населенные пункты Оренбургской губернии». ¹¹

Правила торговли оружием заключались в следующем:

«I. Воспрещается всем без особого на то разрешения полиции иметь и носить при себе огнестрельное оружие и патроны к нему.

Примечание 1. Правило это не распространяется на охотничьи ружья и патроны.

Примечание 2. Лица, состоящие на военной, полицейской и гражданской службе, а равно получившие разрешение на ношение оружия, при отправ-

лении службы руководствуются установленными для них на этот предмет правилами.

II. Продажа огнестрельного оружия и патронов допускается только из магазинов и складов, имеющих при том на право торговли оружием надлежащее разрешение.

III. Огнестрельное оружие и патроны, а равно и другие к нему припасы, могут быть продаваемы только лицам, представляющим именное свидетельство на право покупки, выданное начальником местной полиции, и при том в количестве, в свидетельстве сем обозначенном.

Примечание 1. Свидетельства на право покупки оружия и припасов к нему отбираются от покупателя и хранятся при магазинах и складах, по истечении года передаются в местное полицейское управление.

Примечание 2. Продажа оружия, патронов и пороха малолетним, а равно воспитанникам и воспитанницам средних и низших учебных заведений, не допускается.

Примечание 3. Лица, состоящие на действительной военной службе, могут приобретать огнестрельное оружие, патроны и прочие к нему припасы по разрешительным свидетельствам подлежащих войсковых начальств или комендантских управлений.

IV. Владельцы магазинов и складов оружия обязаны вести особые, за печатью местного полицейского управления, шнуровые книги, в которые должны вносить все имеющееся у них и получаемое огнестрельное оружие и припасы, отмечая подробно: когда, кому и какое оружие и припасы проданы, а также и адрес покупателя. Огнестрельное оружие, патроны и порох могут быть по распоряжению Губернатора во всякое время отобраны из магазинов и складов, в видах надлежащего охранения их, с передачею для временного хранения в помещения, указанные Губернатором. В таких случаях оружие, патроны и порох сдаются полиции по описи и Правительство отвечает за утрату или порчу сданных предметов вооружения.

V. Управления оружейных заводов, хозяева оружейных мастерских, лица, выдывающие огнестрельное оружие, а равно владельцы магазинов и складов оружия, получив иногородний заказ с приложением установленного свидетельства или сведений, удостоверяющих право заказчика на производство торговли оружием, представляют о сем с приложением присланных документов, начальнику полиции по месту принятия заказа и отправляют подлежащее оружие и припасы по принадлежности по получении на то разрешения; начальник полиции, выдавший разрешение, со своей стороны незамедлительно уведомляет об этом полицию той местности, куда оружие или припасы направлены.

VI. Свидетельства на право владения оружием, выданные до обнародования настоящих правил, сохраняют свою силу.

VII. Передача оружия и огнестрельных припасов от одного лица к другому допускается не иначе, как с разрешения того же начальства, коему предоставлено давать право на хранение его.

VIII. Лица, утратившие разрешенное им к хранению оружие, обязаны заявить о том местной полиции в течение трех дней.

IX. Воспрещается без разрешения подлежащих начальств или полиции иметь и хранить у себя порох, за исключением необходимого для охоты, динамит и другие взрывчатые вещества.

X. Виновные в нарушении настоящих правил, а равно задержанные полицией с оружием, приобретенным до издания сих правил, но не испросившие по объявлении этих правил указанного в п. I свидетельства, подвергаются в административном порядке, по постановлению Губернатора денежному штрафу до 500 руб. или аресту до 3 месяцев... отобранное оружие, огнестрельные припасы, порох и взрывчатые вещества уничтожаются.

XI. Тем же взысканиям подвергаются торговцы оружием, если в их магазинах и складах по проверке полиции, не окажется наличности количества оружия и огнестрельных припасов, показанных в книгах, и не будет представлено соответствующее недостатку число разрешений на продажу, или же оружие и припасы окажутся в большом против указанного в книгах количестве.

XII. Настоящие правила входят в силу немедленно по их опубликовании.

Оренбургский Губернатор, Генерал-Лейтенант Барабаш¹².

Аналогичные правила, повсеместно изданные губернаторами на три месяца, неоднократно принимались вновь, и на практике превратились в постоянно действующие. Этому в дальнейшем способствовали ежегодные Высочайшие указы, издаваемые с 1906 года. Так, 11 июня 1907 г. Именным Высочайшим указом, данным Сенату, для обеспечения порядка и спокойствия в губернии Оренбургскому Губернатору, наряду с другими главами администрации, было предоставлено право «в виде временной меры, сроком на один год: а) издавать обязательные постановления по предметам, относящимся к предупреждению нарушения государственного порядка и общественной безопасности, для жителей всех тех местностей вверенных им губерний и областей, кои ни в каком исключительном положении не состоят; б) устанавливать за нарушение таковых постановлений взыскания, не превышающие трехмесячного ареста или денежного штрафа в пятьсот рублей, и в) разрешать в административном порядке дела о нарушениях, изданных ими, согласно пункту а, обязательных постановлений...». ¹³ В дальнейшем эти полномочия продлялись Высочайшими Указами, данными Правительствующему Сенату 6 июня 1908 г., ¹⁴ 2 июня 1909 г., ¹⁵ 30 мая 1910 г., ¹⁶ 18 августа 1911 г. ¹⁷

Основания для их продления, как правило, для большинства губерний были универсальными, и после революции уже связывались не с «чрезвычайными обстоятельствами», а осуществлялись «в видах поддержания порядка и спокойствия». Это подтверждается и нижеследующей перепиской Оренбургского Губернатора с Департаментом Полиции. 4 мая 1909 г. из Департамента Полиции МВД было направлено письмо Оренбургскому Губернатору № 29827 под грифом «Секретно», в котором, в связи с истечением срока предоставленных ему в июне 1908 г. полномочий по изданию обязательных постановлений, Департамент Полиции просил Губернатора сообщить,

признает ли он необходимым сохранить за собой и впредь эти полномочия.¹⁸ В ответном уведомлении Губернатора от 19 мая 1909 г., направленном в Департамент Полиции под тем же грифом, сообщалось следующее: «хотя среди населения вверенной мне губернии наступило заметное успокоение и случаи беспорядков, имеющих политический характер, наблюдались весьма редко, тем не менее я признавал бы необходимым действие обязательных постановлений... продлить на один год, так как в данный момент по обстоятельствам переживаемого времени, едва ли можно быть уверенным, что в будущем с прекращением действия этих постановлений, поступки, клонящиеся к нарушению государственного порядка и общественного спокойствия, не будут повторяться; привлечение же виновных в совершении такого рода поступков к ответственности в установленном законом порядке не оказывает в большинстве случаев нужного воздействия, а потому и видится недостаточным для осуществления стремлений Правительства, направленных к водворению порядка и полного успокоения населения».¹⁹

Поскольку о наличии чрезвычайных обстоятельств как непременном условии издания обязательных постановлений, в Высочайших указах уже ничего не говорилось, ограничения торговли оружием наряду с другими мероприятиями, необходимыми в целях «предупреждения нарушений государственного порядка и общественной безопасности», становились нормой. При этом полномочия губернаторов еще более расширились.

Анализ обнародованных законодательных актов позволяет заключить, что в условиях революционного кризиса и последующий период Генерал-Губернаторам, Губернаторам и Градоначальникам в пределах подведомственной им территории Императором были предоставлены необычайно широкие полномочия, включая самостоятельное формирование локальной правовой базы оборота огнестрельного оружия. Однако завершенная картина реальной действительности открывается лишь при более глубоком исследовании. Факты, установленные нами в ходе изучения обнародованных Циркуляров МВД, изданных под грифом «Совершенно секретно», свидетельствуют о том, что при издании обязательных постановлений местные власти должны были руководствоваться указаниями Министерства Внутренних Дел. Такой порядок позволял сохранять относительное единство в правовом регулировании оборота оружия на всей территории Российской Империи (в местах, не объявленных на исключительном положении):

1. Обязательные постановления Генерал-Губернаторов, Губернаторов и Градоначальников должны были издаваться на основе образцов, выработанных Министерством Внутренних Дел и направленных на места в качестве приложения к Циркулярам.

2. Срок действия этих временных постановлений устанавливался Императором, а возможность его продления в годы революции 1905 – 1907 гг. местным властям предоставлялась Министром Внутренних Дел в циркулярном порядке, а после ее окончания – самим Императором путем принятия соответствующих указов.

3. Изменения правил хранения и продажи огнестрельного оружия, необходимость которых выявлялась в ходе реализации норм, производились на основе циркулярных рекомендаций Министра Внутренних Дел повсеместно.

7 апреля 1910 г. последовал Циркуляр Департамента Полиции МВД № 15462, из содержания которого следовало, что «Переработанные, согласно указаниям опыта, правила о пользовании оружием утверждены Г. Министром Внутренних Дел 22 Марта сего года и, по приказанию Его Высокопревосходительства, препровождаются при сем к Вашему Превосходительству, в виде образца взамен сообщенных при циркуляре от 27-го Ноября 1905 года за № 5936».²⁰

4. Изданные на местах обязательные постановления должны были направляться в Департамент Полиции на согласование.

Это требование вытекало из ст. 426 Общего Губернского Учреждения и особо подчеркивалось в Циркулярах Департамента Полиции МВД № 6026 от 14 июня 1906 г. (п. 3), № 34778 от 7 октября 1909 г. и № 20970 от 3 сентября 1910 г.²¹

Однако на практике обязанность направлять местные постановления в Департамент Полиции зачастую выполнялась несвоевременно, что вызывало соответствующие нарекания со стороны Директора Департамента. Об этом ярко свидетельствует письмо от 18 июля 1908 г., обращенное к Оренбургскому Губернатору, в котором указывалось на то, что в делах Департамента нет ни одного экземпляра изданных им действующих обязательных постановлений. В виду того, что это «часто замедляет разрешение тех или иных вопросов и различного рода жалоб просителей, Департамент Полиции покорнейше просит Ваше Превосходительство сообщить экземпляры всех действующих во вверенной Вам губернии обязательных постановлений и вместе с тем уведомить, было ли издано Вами в порядке положения об охране обязательное постановление, воспреещающее продажу охотничьего оружия, и в утвердительном случае, сообщить и текст означенного постановления».²²

Что же касается административных и надзорных функций, включая право преследования нарушителей норм обязательных постановлений Губернатора в административном (внесудебном) порядке, то таковые у губернских властей были действительно широки.

Разрешение на право приобретения и содержание револьверов, пистолетов автоматических усовершенствованных систем,²³ а также ружей тех же систем можно было получить только у Губернатора (или лица его заменяющего), за его подписью. Для этого частными лицами и организациями на имя Губернаторов писались соответствующие прошения. Вот один из его примеров: «Октября 4 дня 1907 г. № 8203. Общество предохранения дерева от преждевременной порчи и гниения. Правление Общества. С-Петербург, Фонтанка, 64. Его Превосходительству Господину Оренбургскому Губернатору. Прошение. Один из принадлежащих Обществу передвижных шпалопропиточных заводов находится с прошлого 1906 года на станции «ЭМБА» Ташкентской железной дороги, где производится пропитка шпал для названной дороги. Ме-

стность эта, мало заселенная, лишена военного поста; вся охрана состоит из одного станционного жандармского нижнего чина; вследствие чего заводская администрация, вынужденная постоянно иметь на заводе известную сумму денег для производства платежей состоящим при заводе рабочим и служащим, подвержена опасности. Кроме того, Заведующему заводом и заместителю его часто приходится ездить за деньгами в Оренбург. В виду вышеизложенного и принимая во внимание участвовавшие в последнее время в Оренбурге «экспроприации», Правление Общества имеет честь покорнейше просить ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬНОСТЬВО не отказать в выдаче заведующему заводом и заместителю его разрешительных свидетельств на право приобретения каждого и ношение при себе револьвера. Заведующим заводом состоит дворянин Люциан Рафаилович Керсновский, а заместителем его Яков Флорианович Ситкевич. При сем прилагаются 2 гербовые марки 75-и копеечного достоинства. Правление Общества предохранения дерева от преждевременной порчи и гниения».²⁴

Причем, в необходимости обращения к Губернатору за разрешением не делалось исключений даже для городской полиции, о чем свидетельствует следующий документ. 17 октября 1907 г. из Оренбургской Городской Управы за подписью Городского Головы, Членов Управы и Столоначальника на имя Оренбургского Губернатора было направлено письмо № 12815 такого содержания: «Предполагая сделать заказ Императорскому Тульскому оружейному заводу на изготовление 65 револьверов для нижних чинов городской полиции, Городская Управа имеет честь покорнейше просить, Ваше Превосходительство, о высылке разрешительного свидетельства на приобретение револьверов, требуемого начальником означенного завода и отдельно от такового свидетельство на приобретение до 1000 штук револьверных патронов».²⁵

На право приобретения и содержание револьверов барабанных систем, ружей неавтоматических систем и припасов к ним, а также холодного оружия также требовалось разрешение, которое Инструкции Департамента Полиции МВД предписывали получать у Исправников, или соответствующих им по должности лиц. Однако в ряде губерний, в том числе и Оренбургской, действовало распоряжение Губернатора о возможности покупать и ввозить в губернию подобного рода оружие только с его особого разрешения.²⁶

В Инструкциях Департамента Полиции МВД специально оговаривалось, что «Свидетельства на право содержания автоматических усовершенствованных револьверов всем вообще лицам выдаются в виде исключения».²⁷ Выдаче разрешений на право приобретения и содержание огнестрельного оружия должно было предшествовать:

- 1) собрание сведений о нравственных качествах просителя,
- 2) о политической его благонадежности,
- 3) выяснение необходимости оружия для данного лица («для личной самозащиты, для промышленных или спортивных надобностей и т.п.»²⁸). Согласно Инструкции МВД, приложенной к Цирюляру Департамента Полиции № 20378 от 8 декабря 1911 г., изданной под грифом «Секретно» и не пуб-

ликуемой во всеобщее сведение, еще раз подчеркивалось, что такие разрешения не должны были выдаваться вовсе «проживающим в сельских местностях крестьянам и лицам других сословий, находящимся в условиях крестьянской обстановки».²⁹ Если же разрешения на покупку и содержание револьверов и пистолетов им и выдавались, то только в исключительных случаях и не иначе как самим Губернатором.

Свидетельства, выдаваемые на право содержания оружия, должны были включать следующие сведения: «1) кроме имени, отчества и фамилии, также звание, чин, занимаемая по службе государственной или общественной должность или род занятий, 2) какое именно оружие – род его, вид, образец, калибр и по возможности №». Правда, последний пункт был внесен позднее и предусмотрен Инструкцией 1911 г.,³⁰ свидетельства же, выдаваемые прежде, содержали такие сведения: «МВД. Оренбургский Полицеймейстер. Май 31 дня 1907 г. № 4252. г. Оренбург. Свидетельство. Дано сие свидетельство на основании изданных Г. Оренбургским Губернатором временных правил о порядке хранения, продажи и пользования огнестрельным оружием продавцу казенной винной лавки № 13 Ивану Степановичу Фролову в том, что ему разрешается иметь и носить при себе огнестрельное оружие, что и удостоверяется Гербовый сбор уплачен».³¹ Патроны к огнестрельному оружию надлежало отпускать из магазинов только после предъявления покупателем свидетельства на право содержания именно того оружия, для которого приобретаются эти патроны, и соответствующего разрешения на их покупку. Вот пример разрешения, выданного на основании первого свидетельства за подписью Полицеймейстера и Секретаря и скрепленного печатью Оренбургского Городского полицейского управления: «МВД. Оренбургский Полицеймейстер. Май 31 дня 1907 г. № 4253. г. Оренбург. Свидетельство. Дано сие свидетельство на основании изданных Г. Оренбургским Губернатором временных правил о порядке хранения, продажи и пользования огнестрельным оружием продавцу казенной винной лавки № 13 Ивану Степановичу Фролову в том, что ему разрешается приобрести покупкою в магазине патронов к револьверу, что и удостоверяется».³² При этом в магазинах должна была вестись строгая отчетность в шнуровых книгах о том, кому, когда, сколько, каких патронов и по какому свидетельству отпущено (с указанием кем, кому и когда выдано это свидетельство).

Разрешения на содержание оружия «повсеместно в пределах Империи» должны были выдаваться только в Министерстве Внутренних Дел по Департаменту Полиции. Там же, и только в исключительных случаях, выдавались разрешения на содержание оружия казенного образца и припасов к нему (даже в пределах отдельной местности).

Таким образом, ограничения торговли оружием, введенные в ходе обострения революционной ситуации «в виду³³ чрезвычайно тревожного настроения населения», не были отменены в последующий период его «сравнительного успокоения». Более того, со временем правовые ограничения были еще более расширены. Так 29 апреля 1913 г. Департаментом Полиции МВД на места был разослан Цирюляр № 14153,³⁴ распространивший ограничения, предус-

мотренные для торговли огнестрельным оружием неохотничьего образца, на «детские пистолеты Пугач» и пистолеты системы Флобера и Монтекристо, которые прежде можно было купить совершенно свободно, причем не только в специальных магазинах, но «даже в посудных лавках».³⁵ Правда в Циркуляре оговаривалось, что Министр Внутренних Дел не видит оснований для чрезмерного стеснения публики в выдаче свидетельств на право приобретения таких пистолетов и патронов к ним. Тем не менее, спрос на эти «детские пистолеты» резко упал.³⁶

Изменения криминальной обстановки в государстве влекли за собой неоднозначное отношение Министерства Внутренних Дел и к вопросу о возможности свободной **продажи охотничьих ружей**.³⁷ На протяжении периода 1905 – 1913 годов Департамент Полиции не раз изменял свое решение о ее сохранении или ограничении; только в одном 1911 году диаметрально противоположные нормы принимались дважды. Так, 1 сентября 1911 г. на места был разослан Циркуляр Департамента Полиции МВД № 16787 под грифом «Совершенно секретно», в котором говорилось следующее: «Согласно примечаний к пункту I-му правил о пользовании оружием, препровожденных при циркулярном предложении от 7 апреля 1910 года за № 15462, означенные правила не распространяются на охотничьи ружья и патроны.

Принимая во внимание, что за последнее время участились случаи противоправительственных выступлений со стороны неблагонадежных элементов населения и в виду крайнего развития так называемого хулиганства во многих местностях Империи, представляется соответственным при переиздании, после 4-го сего Сентября, в порядке охраны, обязательных постановлений об оружии исключить означенные примечания и таким образом установить, что без особого разрешения воспрещается хранение и ношение всякого огнестрельного оружия, т.е. и охотничьих образцов».³⁸ А уже 20 ноября 1911 г. из Петербурга Оренбургскому Губернатору (как и другим местным начальникам) была отправлена телеграмма: «В отмену циркуляра 1 сентября нр 16787 Министерством признано возможным допустить пользование и попытку охотничьего оружия на прежних основаниях и свободную продажу этого оружия и огнестрельных к нему припасов. Лица, имеющие уже или вновь приобретающие охотничье оружие, обязуются лишь сообщать о сем ближайшему классному полиции или уряднику для бесплатного зарегистрирования в особую шнуровую книгу. Означенную регистрацию прошу произвести постепенно при отсутствии каких либо стеснений для населения. Нр 416. За Министра Внутренних Дел Товарищ Министра Золотарев».⁴⁰

Отмена решения о разрешительном порядке покупки охотничьего оружия спустя лишь 2,5 месяца после его введения и замена его регистрационным порядком была вызвана, прежде всего, многочисленными жалобами отечественных оружейников и торговцев оружием, доводы которых были признаны заслуживающими внимания.⁴¹ Столь скорый пересмотр первоначально принятого решения свидетельствует о том, что порой мероприятия Министерства Внутренних Дел проводились, скорее «на ощупь», нежели

были до конца продуманными и взвешенными.

Циркуляром Департамента Полиции МВД от 8 декабря 1911 г. № 20378 была подтверждена повсеместная отмена ограничений, о которой было чуть ранее сообщено в телеграмме: «Что же касается оружия охотничьих образцов, то ныне Министерством Внутренних Дел признано несоответственным устанавливать какие-либо ограничения в пользовании этого рода оружием и лишь в целях регистрации последнего устанавливается обязанность каждого лица, имеющего или вновь приобретающего предметы вооружения и этих образцов, заявлять об этом чинам полиции, которые выдают заявителю отрывной талон из особой книги на записку охотничьих ружей, удостоверяющий сделанную держателем ружья записку».⁴² В прилагаемой к Циркуляру Инструкции говорилось: «На приобретение оружия охотничьих образцов особого разрешения не требуется, но каждое лицо, имеющее охотничье ружье, должно быть снабжено бесплатно, взамен свидетельства на право содержания оружия, особою справкою из книги ближайшего классного чина полиции или урядника, на записку охотничьих ружей».⁴³

Таким образом, подтверждалась свобода торговли охотничьими ружьями, но при этом был организован надзор за их хранением. Однако Инструкция содержала примечание, согласно которому по усмотрению Губернатора или Градоначальника могло быть допущено издание обязательных постановлений о порядке пользования охотничьим оружием и припасами к нему и продажи таковых, но «в тех исключительных случаях, если по местным условиям в этом явится настоятельная необходимость». При этом оговаривалось условие: чтобы установленный порядок «не был стеснителен для малообеспеченных классов населения».⁴⁴ Проект таких правил с подробным обоснованием необходимости его принятия должен был получить предварительное одобрение Министра Внутренних Дел.

Свобода торговли охотничьим оружием повсеместно не применялась в отношении «учащихся обоюбого пола в средних и низших учебных заведениях всех ведомств». Охотничьи ружья им можно было приобретать только при наличии разрешения, для получения которого необходимо было представить письменное дозволение «Начальника учебного заведения и родителей, опекунов или лиц, их заменяющих».⁴⁵ В этой связи подобные разрешения учащимся выдавались очень и очень редко. Разрешение на приобретение и содержание иных видов оружия им вовсе не выдавалось.

Впервые те или иные меры ограничения свободы торговли охотничьим оружием в регионах Российской империи были введены в 1907 году, после издания 11 августа 1906 г.⁴⁶, а затем 3,⁴⁷ 5⁴⁸ и 11 июня⁴⁹ 1907 г. Высочайших Указов, расширивших соответствующие полномочия местных властей.

В Оренбургской губернии действие ограничительных правил распространялось на охотничьи дробовые гладкоствольные ружья и ружья «Монтекрис-то», охотничий порох и другие припасы к этим родам оружия с 15 июня 1907 г. по 18 марта 1909 г.⁵⁰ и с 29 сентября по 24 ноября 1911 г.⁵¹ Причем, местные

власти, как и в период революционных волнений 1905 – 1907 гг., весьма неохотно и с большой осторожностью подходили к выдаче разрешений на покупку любого вида огнестрельного оружия. Об этом ярко свидетельствует уведомление Оренбургского Уездного Исправника, направленное Оренбургскому Губернатору 10 декабря 1907 г. в связи с рассмотрением очередного прошения: «С препровождением сего, уведомляю Канцелярию г. Оренбургского Губернатора, что при докладе Его Превосходительству о массовых требованиях разных лиц о разрешении иметь огнестрельное оружие, изволил мне приказать, как можно осторожнее и осмотрительнее выдавать подобные разрешения, по возможности отклоняя эти ходатайства. Выдавать же всем без исключения лицам, возбуждившим эти ходатайства, разрешения на право имения оружия под предлогом иметь оружие для охоты, тогда придется вооружить весь уезд, что я нахожу безусловно опасным, ввиду такого настроения населения, что при малейшей вспышке под руководством, в особенности теперь насланных более 100 ч. под надзор административно-ссылных за политические преступления, – может выйти очень серьезное осложнение.

Разрешения мною выдаются только лицам, которым действительно необходимо иметь оружие по своим служебным или торговым делам, остальным же в большинстве случаев их ходатайства отклоняются, что и буду делать на будущее время».

Не случайно новые ограничения, «наносщие большой урон торговле», вызвали обеспокоенность у торговцев оружием, которые стали предпринимать попытки обойти их. Так, в составленном 9 февраля 1908 г. владельцем оружейного магазина в г. Оренбурге «женой поселанина селения Сарепты Александрой Осиповной Гейнке» прошении на имя Оренбургского Губернатора было возбуждено ходатайство о разрешении ей продавать гладкоствольные охотничьи ружья и порох без представления покупателями разрешительных свидетельств, выданных полицией. Свою просьбу она мотивировала тем, что «в нынешнее время в столицах и других губерниях торговля вышеупомянутыми предметами разрешается и торговые фирмы публикуют о продаже охотничьего пороха и ружей без разрешительных свидетельств».⁵³ Тогда на этом прошении Губернатор наложил свою резолюцию «Разрешить вольную продажу нельзя», но спустя год новым обязательным постановлением эти ограничения были сняты для всех.⁵⁴

Особыми правилами регулировалась **внешняя торговля** огнестрельным оружием. До конца 1905 года, согласно разъяснениям Товарища Министра Финансов В. Тимирязева, действовали следующие нормы: особые правила торговли оружием существовали только в местностях, объявленных «в положении усиленной охраны /Прим. I к ст. I Устава о Препрожд. и Пресеч. Прест., т. XIV Св. Зак., изд. 1890 г./, и то лишь в тех из них, в коих изданы о торговле оружием местным Начальством обязательные постановления. Кроме того, на провоз оружия в Россию по западной границе, на основании ст. 606 Уст. Тамож. /т. VI Св. Зак., изд. 1892 г./, требуется разрешение главного местного Начальства, а с ходатайством о выдаче

свидетельства на право провоза оного по России, в случае надобности, надлежит обращаться к Начальству той губернии, в коей⁵⁵ предположено производить торговлю оружием», «если только указанные выше предметы не представляют собою оружия образцов, употребляемых в войсках, которое вовсе запрещено к привозу на основании закона 10 июня 1900 года».⁵⁶ В соответствии с этими положениями, Министерство Финансов, по соглашению с Министерством Внутренних Дел вплоть до октября 1905 г., как правило, удовлетворяло ходатайства иностранных фирм о разрешении их коммивояжерам «разъезжать по Российской Империи с образцами огнестрельного оружия».⁵⁷

Ситуация изменилась после октября 1905 года, когда первая русская революция достигла своего «наивысшего подъема». Напомним, что на основании части II Высочайше утвержденного положения Совета Министров «О порядке хранения и продажи огнестрельного оружия» от 24 ноября 1905 г. выписывать оружие (кроме охотничьего) из-за границы и ввозить его в Империю владельцы оружейных магазинов и частные лица могли только после получения соответствующего разрешения в Министерстве Внутренних Дел.⁵⁸ Инструкции Департамента Полиции требовали при ввозе оружия неохотничьих образцов на Кавказ или в Привислинский Край получения предварительного разрешения у Наместника Его Императорского Величества на Кавказе или Варшавского Генерал-губернатора – соответственно. Оружие охотничьих образцов, так же как и холодное оружие, выписывалось из-за границы по разрешению Губернаторов в порядке примечания к ст. 554 Устава Таможенного.⁵⁹

В период революционных событий 1905 – 1907 годов большинство ходатайств, кроме «самых исключительных случаев», министерством отклонялось. Сложность делопроизводства, являвшегося обязательным в каждом конкретном случае для получения искомого разрешения, наглядно демонстрирует переписка, которую можно отнести лишь к среднему звену всей цепи необходимых документов. 16 сентября 1907 г. из Департамента Полиции МВД на имя Оренбургского губернатора был отправлен запрос № 134547 следующего содержания: «Препровождая при сем, вместе с 3 приложениями, отношение Канцелярии Варшавского Генерал-Губернатора по делу о разрешении Евгению Чевскому получить из таможни револьвер, Департамент Полиции просит Ваше Превосходительство сообщить, с возвращением приложений, не имеется ли неблагоприятных в политическом отношении сведений о Чевском и не встречается ли с Вашей стороны каких-либо препятствий, в виду настоящего тревожного времени, к удовлетворению изложенного ходатайства просителя».⁶⁰

После цепочки направляемых в таких случаях запросов, 3 октября 1907 г. от Оренбургского Полицмейстера в Канцелярию Оренбургского губернатора поступил ответ, составленный Приставом I части г. Оренбурга: «С представлением сего, имею честь донести Г. Оренбургскому Полицмейстеру, что дворянин Евгений Евгеньевич Чевский имеет в Оренбурге собственный дом в районе I части. Зубной врач пользуется общим уважением и ни в чем предосудительном замечен не был».⁶¹ На основе полученной информации в Департамент Полиции

был направлен ответ о том, что для выдачи Евгению Чевскому разрешения на получение револьвера Оренбургский Губернатор препятствий не встречает.

Вводя столь сложную систему получения разрешений и часто отказывая просителям, Министерство Внутренних Дел исходило из того, что «в виду обстоятельств тревожного времени, представлялось небезопасным допускать к пропуску из-за границы оружие усовершенствованных, дальнобойных и скорострельных систем, как то: Маузера, Браунинга, особенно в большом количестве, для надобностей частных лиц, так как при широком допущении водворения огнестрельного оружия новейших систем явилась бы возможность получения такового и лицами неблагонадежными или путем законного приобретения или даже посредством грабежей и разбоев».⁶²

Однако в 1908 г. губернские власти некоторых регионов страны обратили внимание министерства на то, что «стеснения в приобретении благонадежными фирмами и частными лицами оружия усовершенствованных систем, а равно по выписке такового из-за границы, не вызываются действительной необходимостью и лишают благонадежных лиц возможности защищать свою жизнь и имущество против злоумышленников, обязанных своими постоянными успехами именно усовершенствованному оружию, которое приобретается ими без разрешения властей на выписку его».⁶³ Поэтому дальнейшее запрещение ввоза оружия было признано нецелесообразным, и Министерство Внутренних Дел с 1908 г. «в целях предоставления обществу способов борьбы с разбойными нападениями и грабежами» начинает выдавать искомые разрешения «благонадежным фирмам и частным лицам». Причем Оренбургский губернатор продолжал соблюдать осторожность и, следуя соответствующим распоряжением Министерства Внутренних Дел, как правило, разрешал местным торговцам приобретать у крупных фирм, непосредственно занимающихся поставкой оружия из-за рубежа, лишь часть запрашиваемого ими товара. Удовлетворение же прошения в полном объеме было скорее исключением из правила. Коммерсанты же, в свою очередь, желая сократить затраты на частую доставку товара, с завидной настойчивостью в новых прошениях указывали прежнее количество, и вновь и вновь получали удовлетворение на право приобретения лишь части оружия. Такая «игра» продолжалась до конца 1911 г., пока вопрос о количестве разрешаемого к закупке оружия не был решен Министерством Внутренних Дел в циркулярном порядке.

Инструкция Департамента Полиции МВД от 8 декабря 1911 г. предписывала при выдаче разрешений оружейным торговцам на выписку из-за границы оружия соблюдать следующий порядок: «а) каждый раз выясняется наличность в магазине и складе как общего количества оружия, так и особенно предположенных к выписке образцов; б) в зависимости от наличности оружия в данном магазине ходатайство или удовлетворяется или отклоняется; в) должно наблюдать, чтобы: 1) в больших оптовых оружейных фирмах запас оружия не превышал: автоматических револьверов и пистолетов – 300 шт. разных систем, автоматических ружей – 300 шт. разных систем, оружия

неохотничьих образцов – 1000 шт. разных образцов и калибров; 2) в оружейных магазинах среднего размера – не свыше 1/3 того количества, которое допускается в крупных оптовых фирмах и 3) у мелких оружейных торговцев – не свыше 1/6 того количества, что в крупных оптовых фирмах».⁶⁴ Разрешительное свидетельство на покупку оружия и припасов к нему за границей выдавалось как торговым фирмам, так и частным лицам сроком на один год.

Кроме того, в Инструкции еще раз особо указывалось на то, что «Разрешения на выписку автоматических усовершенствованных револьверов и пистолетов оружейным торговцам или фирме данного города от такого же иногороднего торговца внутри Империи выдаются только Департаментом Полиции по получении отзывать местных властей тех городов». «Разрешение на выписку из-за границы оружия оружейными торговцами должно, по возможности, соответствовать имеющимся у этих торговцев заказам учреждений или лиц, получивших разрешения на приобретение».⁶⁵

Последнее правило в более подробном изложении впервые было доведено до сведения региональных властей чуть ранее – Циркуляром Департамента Полиции МВД № 20129 от 14 августа 1910 г., согласно которому местные торговцы оружием могли получить разрешение Губернатора на закупку усовершенствованных автоматических револьверов и пистолетов, а равно скорострельных ружей неохотничьего образца иностранного производства лишь при наличии у них конкретных заказов лиц или учреждений, имеющих право на приобретение этого рода оружия (последнее подлежало тщательной проверке на местах). Только на основании этих документов, выданных местным торговцам за подписью Губернатора, крупные оптовые фирмы могли получить разрешение в Министерстве Внутренних Дел на исполнение конкретных заказов на поставку из-за границы указанного в них рода оружия.⁶⁶ Для самих же крупных фирм, по свидетельству Товарища Министра Внутренних Дел, это положение стало «установленной практикой, применяемой повсеместно», еще годом ранее – к октябрю 1909 г.⁶⁷

Отношение местных властей к этим нововведениям в какой-то степени иллюстрирует переписка, состоявшаяся в ноябре-декабре 1910 года между Московским Градоначальником и Оренбургским Губернатором по поводу свидетельства на покупку оружия, выданного Оренбургскому предпринимателю А.Н. Захо. В своем «отношении» от 25 ноября 1910 г. Московский Градоначальник просил Оренбургского Губернатора «не отказать в сообщении ... сведений о том, были ли представлены Вам владельцем оружейного магазина в г. Оренбурге А.Н. Захо, при ходатайстве его о разрешении приобретения в г. Москве, у Торгового Дома «Н. Феттер и Е. Гинкель» различного оружия и, в том числе, автоматических пистолетов, заказы должностных или частных лиц, или учреждений, – имеющих право на покупку подобного рода оружия...». В ответном письме от 21 декабря 1910 г. Оренбургский Губернатор сообщал, что «при выдаче владельцу оружейного магазина в г. Оренбурге А.Н. Захо свидетельства от 28 ноября 1909 г. за № 7042, на выписку разного рода оружия, в том числе, автоматичес-

ких пистолетов, предпринятая Департаментом Полиции мера проверки у местных торговцев наличия заказов на покупку автоматического оружия мною не применялась, так как распоряжение Департамента по этому предмету последовало лишь в циркуляре от 14 августа 1910 г. за № 20129. Всякое огнестрельное оружие, на покупку которого от торговых фирм, мною выданы свидетельства местным торговцам, продается последними в силу изданного мною для Оренбургской губернии обязательного постановления, исключительно учреждениям и лицам, имеющим разрешение от чинов полиции на право покупки этого оружия и припасов к нему, а для контроля за правильностью поступления оружия, а равно и за продажей по разрешительным свидетельствам, все торговцы, в силу того же обязательного постановления, обязываются иметь шнуровые книги, выданные начальниками полиции. В книгах указывается наличность и поступление оружия, с ссылками на свидетельства, по которым разрешается выписка того или иного рода оружия; в эти же книги записывается на основании какого разрешения, кому, когда и какого рода оружие и припасы к нему отпущены и по каждой статье у торговцев хранятся все разрешения, выданные на право покупки и продажи оружия. Означенные шнуровые книги, разрешительные документы на покупку оружия, а равно и наличность самого оружия в магазинах периодически проверяются чинами полиции и за допущение малейших отступлений от постановления по продаже и хранении оружия владельцы магазинов, как и частные лица, подвергаются штрафу до 500 руб., или аресту до 3-х месяцев».⁶⁹

Тем не менее, губернские власти, несмотря на достаточную с их точки зрения эффективность существовавшей и прежде системы контроля, в дальнейшем вынуждены были при выдаче разрешений на право покупки оружия требовать у коммерсантов представления списка лиц, сделавших им соответствующий заказ «с указанием номеров, чисел, месяца и года выданных этим лицам чинами полиции удостоверений на право хранения и ношения при себе пистолетов означенной системы»⁷⁰ и проверку их полицией, обеспечивая тем самым исполнение циркулярных распоряжений. Таким образом, введение «предварительного контроля», возложенного на губернские власти и призванного усилить надзор за оборотом огнестрельного оружия, при сохранении и «последующего контроля», еще более ограничивало торговлю этим опасным товаром. Губернатор лично отвечал за порядок и следил за использованием огнестрельного оружия в губернии, на его имя уездными исправниками направлялись протоколы об изъятии⁷¹ оружия для рассмотрения и вынесения наказания.

Чтобы **открыть оружейный магазин** и начать торговлю огнестрельным оружием также необходимо было получить специальное разрешение Губернатора. Для этого коммерсант писал соответствующее прошение. «Оренбургскому Губернатору Оренбургского мещанина Михаила Васильевича Шубина Прошение. Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить мне в моем магазине железно скобяных товаров, находящихся в Оренбурге на углу Гостинодворской и Троицкой улиц в доме

В.М. Деева, продажу охотничьих ружей, револьверов и патронов к ним, а так же и охотничьего пороха. При сем прилагаю 2 гербовых марки в 1 р. 50 коп. Оренбургский мещанин, торгующий по свидетельству, Михаил Васильевич Шубин. Оренбург 5 Августа 1909 года».⁷² Далее Губернатор через Полицмейстера делал запрос о поведении и нравственных качествах будущего продавца, включая информацию о том, состоял ли он под судом или под следствием, был ли замечен в политической неблагонадежности.⁷³ Так, Пристав I части г. Оренбурга, которому было поручено представить такие сведения в отношении М.В. Шубина, сообщал: «Имею честь донести Господину Оренбургскому Полицмейстеру, что Оренбургский мещанин Михаил Васильевич Шубин поведением и нравственности хороших, в политической неблагонадежности не замечался и под судом не состоял и не состоит, и на разрешение продажи охотничьих ружей, револьверов и принадлежностей к ним с моей стороны препятствий не имеется. Августа 10 дня 1909 № 7552».⁷⁴ На основании этого Полицмейстер давал свое заключение, что «к удовлетворению ходатайства просителя с моей стороны препятствий не встречается»,⁷⁵ о чем и сообщалось Губернатору.

По рассмотрению этого рапорта Губернатор принимал решение. Если резолютивная часть его решения свидетельствовала о том, что со стороны Губернатора «препятствий нет», то выдавалось свидетельство на право торговли оружием, что и имело место в данном случае. Разрешительный документ гласил: «Свидетельство № 4945 20 Августа 1909 г. Дано владельцу железно-скобяного магазина в г. Оренбурге мещанину Михаилу Васильевичу Шубину вследствие его ходатайства в том, что ему, Шубину, разрешается производить из магазина торговлю охотничьими ружьями, порохом, револьверами и патронами к последним с соблюдением установленных для сего законом правил и изданных мною для Оренбургской губернии 11 Марта С. г. обязательного положения о порядке хранения, продажи и пользования оружием и припасами к нему. Гербовым сбором оплачено. Губернатор».⁷⁶

Однако нередки были и случаи отказов просителям. Так, в ходе дознания по поступившему 24 сентября 1910 г. от Актюбинского мещанина Я.С. Демина прошению о выдаче Свидетельства «на право торговли оружием, револьверов, патронов, пороха и оружейных принадлежностей, при ...железно-скобяном магазине в городе Орске»⁷⁷ было установлено, что «Демин живет в гор. Актюбинске. Имеет здесь дом и магазин, на имя жены – крымской еврейки. Образ жизни ведет как вообще большинство купцов. Проводит время большею частью в гостиницах и увеселительных заведениях, занимается карточной игрой. В период времени 1906 – 1907 гг., – революционного движения в г. Актюбинске, был, по рассказам местных жителей, в коротких отношениях с главарями левых партий, как например Бакониным, сосланным теперь в Сибирь за революционную пропаганду. В общем, можно сказать, что Демин – левых убеждений и вполне политически неблагонадежным, назван быть не может». Орским же складом на основании договора и его нотариальной доверенности⁷⁸ заведует еврей Иуда Гершиков Айзинович. На осно-

вании полученных сведений Орскому Уездному Исправнику 11 декабря 1910 г. из Канцелярии Оренбургского Губернатора было направлено предписание № 6028 за подписью Губернатора «объявить актюбинскому мещанину Якову Сергееву Демину под расписку, в ответ на поданное им прошение, что ходатайство его о выдаче свидетельства на право торговли огнестрельным оружием и припасами к нему, при железно-скобяном магазине в г. Орске, признано мною неподлежащим удовлетворению. Расписку Демина в выслушании сего представить затем мне».

При получении прошений об открытии оружейных магазинов на территории губернии, Губернатор также выяснял у чинов местной полиции «действительно ли является потребность в открытии просимого... оружейного магазина и не имеется ли к открытию такового каких либо препятствий».⁸⁰ Лишь при удостоверении наличия такой потребности и при условии всех положительных характеристик личности заявителя его прошение могло быть удовлетворено, о чем ему и сообщалось. Примером такого решения может служить следующий документ. «МВД. Оренбургского Губернатора Канцелярия. 3 Декабря 1910 г. № 6218. Троицкому уездному Исправнику. Предлагаю Вашему Высокоблагородию объявить проживающему в г. Троицке, Челябинскому мещанину Василию Александровичу Ибрекову, в ответ на поданное им прошение, что к разрешению ему открытия в г. Верхнеуральске оружейного магазина с моей стороны препятствий не встречается, но при том условии, что на выписку им, Ибрековым, от оптовых фирм нарезного пультного оружия, как то: револьверов, винтовок и т.п., для продажи таковых из магазина, он должен испрашивать каждый раз от меня разрешения, с подробным указанием: названия оружия, систем такового, калибров и количества выписываемых патронов. Прилагаемое при сем удостоверение за № 1984 и аттестацию за № 182 выдать Ибрекову под расписку, которую доставить в мою Канцелярию, а копию настоящего предписания моего сообщить Верхнеуральскому уездному исправнику для сведения. Губернатор».⁸¹ На соответствующие чины местной полиции при этом возлагалось строгое наблюдение за правильностью ведения торговли.

Если же потребность в открытии нового оружейного магазина не была ощутимой, следовал отказ. Так, 5 февраля 1911 г. из Канцелярии Оренбургского Губернатора был направлен запрос № 629 Челябинскому Уездному Исправнику, подписанный самим Губернатором, следующего содержания: «Препровождая при этом два прошения: 1/ сельского обывателя Ижевского завода Ивана Иванова Петрова и 2/ Торгового Дома «И.Д. Петрова» в г. Барнауле, с приложениями, ходатайствующих о разрешении им открытия в гор. Челябинске оружейных магазинов, с правом продажи всевозможного огнестрельного оружия и припасов к нему, предписываю Вашему Высокоблагородию, с возвращением прошений, донести мне является ли потребность в открытии просимых оружейных магазинов в г. Челябинске и вообще заслуживают ли означенные ходатайства удовлетворения».⁸² В донесении Челябинского Уездного Исправника от 26 февраля 1911 г. № 432 значилось: «...доно-

шу Его Превосходительству, что в гор. Челябинске имеется достаточно для местного населения разрешенных оружейных магазинов, каковых в увеличении по местным условиям надобности не встречается, почему и ходатайство Петрова я признаю не подлежащим удовлетворению». В результате Губернатором по данному делу была наложена короткая резолюция: «Отказать».

Под грифом «секретно» губернатора уведомили о следовании в его губернию или через нее огнестрельного оружия. Вот пример такого уведомления, направленного из Москвы 22 марта 1908 г. № 1339: «МВД Московского Градоначальника Канцелярия. Секретно. Оренбургскому Губернатору. Уведомляю Ваше Превосходительство, что мною вместе с сим выдано оружейному магазину Меера Иосифовича Смозберг в Москве свидетельство на беспрепятственное отправление в гор. Челябинск, на имя Михаила Алексеевича Будакова 150 револьверов и 5000 патронов к ним, по удостоверению Челябинского Уездного Полицейского Управления от 25 Января сего года за № 93».⁸⁴ Затем из Губернской Канцелярии такая информация передавалась по месту назначения товара.

Таким образом, в условиях революционного кризиса и последующий период Генерал-Губернаторам, Губернаторам и Градоначальникам действительно были предоставлены необычайно широкие полномочия, позволяющие им самостоятельно принимать решения по всем важнейшим вопросам организации торговли огнестрельным оружием на подведомственной территории и осуществлять пристальный надзор за ее ходом.

Правовые особенности торговли оружием в этот период наглядно демонстрирует объявление, вывешенное в магазине Р.Р. Рогена (г. Москва, Неглинный проезд, дом Дебре): «К сведению гг. покупателей!!! Вследствие Постановления г-на Московского Градоначальника, продажу револьверов и всевозможных винтовок и карабинов с патронами к ним я имею возможность производить только лицам, представившим мне разрешение г-на Московского Градоначальника или Московского Губернатора. Иногородние свидетельства, выданные Губернатором, Исправником, Полицейским или Акцизным Управлениями, должны быть представлены мною при прошении г-ну Московскому Градоначальнику и только по получении от него подтверждения и разрешения на право отправки, указанных в разрешении револьверов или винтовок с патронами к ним, таковые могут быть высланы. Разрешение на отставку получаю через 5-6 дней после подачи прошения г-ну Московскому Градоначальнику. Прошение оплачивается гербовым сбором в 1 р. 50 к. за счет покупателя. Лица, состоящие на действительной военной службе, могут приобретать револьверы и прочее нарезное оружие с патронами к ним по разрешительным свидетельствам подлежащих войсковых начальств или комендантских управлений. Свидетельства их гербовым сбором не оплачиваются.

Прошу обратить внимание!!! Лица, желающие приобрести автоматические пистолеты системы «Браунинга», работы Национальной фабрики военного оружия в Герсталь-Льеже, Веблея и Скотта,

Кольга, Пипера, Маузера, или «Парабеллум», непременно должны представить разрешение на приобретение, в котором желаемая система из числа вышеуказанных, обязательно должна быть упомянута. Продажа охотничьих ружей (гладкоствольных), патронов к ним, пороха, и всевозможных припасов, производится без представления разрешения»⁸⁶.

Таким образом, в Российской Империи на рубеже XIX – XX веков механизм правового регулирования торговли огнестрельным оружием был направлен на обеспечение интересов «охраны государственного порядка и общественной безопасности». В результате, внешняя и внутренняя торговля оружием была существенно ограничена и подчинена жесткой системе надзора, что было обусловлено необходимостью пресечения незаконного его использования.

Если до принятия новой редакции Основных Государственных Законов 23 апреля 1906 г. большая часть вопросов ввоза и вывоза оружия решалась в законодательном или подзаконном порядке, путем принятия нормативно-правовых актов, исходящих от верховной власти, то после начала работы Государственной Думы все более распространенной формой нормативно-правового регулирования этой сферы становятся ведомственные инструкции. Ответственность за надлежащее их исполнение и организацию надзора за торговлей оружием на местах возлагались на Губернаторов, наделенных широкими полномочиями. В годы революционных потрясений начала XX века местным губернским властям была предоставлена возможность быстрого реагирования на нарушения правил торговли оружием путем административного (внесудебного) воздействия. Эта возможность юридически подкреплялась правом локального нормотворчества губернаторов: издавать в соответствии с образцами Министерства Внутренних Дел обязательные постановления об обороте оружия на территории губернии.

Задачи Циркуляров и инструкций МВД, а также принятых в соответствии с ними на местах обязательных постановлений губернаторов, заключались в следующем:

1) более подробно, чем в законе, регламентировать порядок приобретения, сбыта и хранения предметов вооружения;

2) установить наиболее точную регистрацию огнестрельного оружия, находящегося в частной продаже и у отдельных лиц;

3) свести к минимуму обращение оружия (особенно нарезного и усовершенствованных автоматических систем) среди неблагонадежного населения и

4) ограничить возможность приобретения оружия контингентом лиц, действительно в нем нужда-

ющихся по роду своей деятельности и по месту жительства.

Архивные документы свидетельствуют о том, что Оренбургские власти отнюдь не формально, а индивидуально и взвешенно подходили к принятию каждого решения по вопросам привоза из-за границы и торговли огнестрельным оружием на подведомственной им территории. Губернатор лично вникал во все тонкости организации такой торговли, учитывая как целесообразность в дополнительном ее развитии, так и политические настроения в конкретном регионе Оренбургской губернии, а также «политическую благонадежность» участвующих в торговле огнестрельным оружием лиц. Именно губернатор обеспечивал надзор за оборотом оружия на территории губернии.

Введенные в виде временных мер, ограничения торговли оружием не были сняты и после окончания революции 1905 – 1907 гг. Напротив, к началу Первой Мировой войны в большинстве регионов Российской Империи в торговле оружием, производимой как государственными, так и частными учреждениями и предприятиями, наблюдалось стремление властей к расширению таких ограничений. Причем, эта тенденция проявилась и в регулировании торговли оружием охотничьих образцов. Порой это повсеместно вызывало к жизни не вполне последовательные правовые меры, связанные, например, с реализацией в сентябре 1911 г. плохо продуманного первоначального решения Министерства Внутренних Дел об ограничении свободы торговли таким оружием, а затем скорой его отменой в ноябре того же года. Издание разновременных локальных нормативно-правовых актов привело к тому, что в отдельных регионах Российской империи в определенный период времени правовой режим торговли охотничьим оружием весьма различался.

При этом значительные категории лиц: офицеры армии и флота, классные чины полиции и жандармерии, пограничной стражи, а также органов государственного управления могли приобретать оружие для служебной надобности (разрешенное к ношению с формой одежды), либо во вне служебное время в достаточно развитой специализированной торговой сети.

Следует признать, что созданный в Российской Империи на рубеже XIX – XX веков механизм правового регулирования торговли огнестрельным оружием, при всем своем несовершенстве, позволял, однако, исключить такие крайности, как недоступность оружия с одной стороны, и вседозволенность в его использовании – с другой.

1. До 1906 года «Наган» или «Браунинг» можно было приобрести практически свободно (ношение – это уже другой вопрос) и по вполне доступной цене (16 – 20 руб., что составляло минимальную месячную зарплату, «Парабеллум» же стоил 40 рублей, «Маузер» К-96 – 43 рубля, были и более дешевые образцы: по 2 – 5 рублей, не отличавшиеся особым качеством). См. Полозов В. П. Оружие в гражданском обществе [WWW-документ] // URL: <http://www.samooborona.ru/Book4.htm> [воспроизведено по: Полозов В. П. Оружие в гражданском обществе. Политико-правовое исследование (издание третье исправленное и дополненное). М., 2001] (2011. 1 августа).

2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Фонд 23 (Министерство Торговли и Промышленности). Опись 25. Дело 50. Лист 274.

3. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 10 (Канцелярия Оренбургского губернатора). Оп. 1. Д. 143. Л. 93.

4. Здесь и далее под законами, принятыми до 23 апреля 1906 г., когда вступила в силу новая редакция Основных Государственных Законов, автор понимает Высочайше утвержденные мнения Государственного Совета. Подробнее см.: Жолобова Г. А. Правовое регулирование торгово-промышленных отношений в пореформенной России 1881 – 1913 годов. – М, 2007. – С. 21 – 28.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (ПСЗ – III). Т. XX. № 18793. С. 695.
6. ПСЗ – III. Т. XXV. № 26963. С. 840. Еще в 1901 г. подобные права на 5 лет были предоставлены Приамурскому Генерал-Губернатору. См. ПСЗ – III. Т. XXI. № 20830. С. 1182.
7. ПСЗ – III. Т. XXV. № 26963. С. 840.
8. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 13. Л. 3 об.
9. Там же. Л. 7 – 7 об.
10. Там же. Л. 5 – 6.
11. ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 253. Л. 54.
12. Там же. Л. 54 – 55.
13. ПСЗ – III. Т. XXVII. № 29273. Именной Высочайший указ, данный Сенату 11 июня 1907 г. «О предоставлении Астраханскому, Бессарабскому, Казанскому, Оренбургскому и Пермскому Губернаторам, Войсковому Наказному Атаману войска Донского и Военным Губернаторам Уральской и Тургайской областей издавать обязательные постановления по предметам, относящимся к предупреждению нарушения государственного порядка и общественной безопасности». С. 352.
14. Именной Высочайший указ, данный Сенату 6 июня 1908 г. «О продлении срока действия предоставленных Начальникам Архангельской, Вологодской, Новгородской, Олонейской, Псковской, Рязанской, Смоленской, Тверской, Ярославской, Астраханской, Бессарабской, Казанской, Оренбургской и Пермской губерниях, а также областях Тургайской, Уральской и войска Донского, указами Правительствующему Сенату 3 и 11 июня 1907 года, полномочий». ПСЗ – III. Т. XXVIII. № 30405. С. 305.
15. Именной Высочайший указ, данный Сенату 2 июня 1909 г. «О продлении срока действия полномочий, предоставленных Начальникам Архангельской, Вологодской, Новгородской, Олонейской, Псковской, Рязанской, Смоленской, Тверской, Ярославской, Астраханской, Бессарабской, Казанской, Оренбургской и Пермской губерний и областей Тургайской, Уральской и войска Донского, по предметам, относящимся к предупреждению нарушения государственного порядка и общественной безопасности». ПСЗ – III. Т. XXIX. № 31965. С. 405. Во исполнение этих норм «на основании Высочайше предоставленных ...Указом ЕИВ прав...» в марте 1909 г. Оренбургский губернатор вновь постановил издать правила «О порядке хранения, продажи и пользования холодным и огнестрельным оружием и припасами к нему, распространив действие сих правил на всю Оренбургскую губернию». ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 274. Л. 359, а через год 21.03.1910 г. подобные правила были утверждены вновь: ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 13. Л. 45 – 46 об.
16. Именной Высочайший указ, данный Сенату 30 мая 1910 г. «О продлении действия особых полномочий, предоставленных Начальникам губерний: Архангельской, Астраханской, Бессарабской, Владимирской, Вологодской, Казанской, Новгородской, Олонейской, Оренбургской, Пермской, Псковской, Рязанской, Смоленской, Тверской и Ярославской и областей Тургайской, Уральской и войска Донского». ПСЗ – III. Т. XXX. № 33596. С. 642.
17. Именной Высочайший указ, данный Сенату 18 августа 1911 г. «О продлении срока действия положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, о дальнейшем оставлении в исключительном положении некоторых местностей Империи и о сохранении за некоторыми губернскими начальствами предоставленных им особых полномочий по охранению общественного порядка и безопасности». ПСЗ – III. Т. XXXI. № 35746. С. 890 – 892.
18. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 13. Л. 16 – 16 об.
19. Там же. Л. 17 – 18.
20. Там же. Л. 60.
21. Там же. Л. 82.
22. ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 274. Л. 172 – 172 об.
23. Согласно Инструкции, приложенной к Циркуляру Департамента Полиции МВД № 20378 от 8 декабря 1911 г., автоматическими признавались пистолеты Браунинга и Маузера, а также «подходящие к сим пистолетам» системы Бергмана 1894 г., 1897 г., 1901 г. и 1903 г., Борхардта-Люгера, Габбет-Фейерфакса, Кольба-Браунинга, Манлихера 1901 г., 1904-1905 гг., Рита 1901 г., 1904 г., Скоуба, Дрейзе, Веблей-Скотта, Шварцлозе, Парабеллум, Пипер и др. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 13. Л. 133 об.
24. ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 266. Л. 436.
25. Там же. Л. 442.
26. Об этом свидетельствует Циркулярное письмо № 7165, направленное 3 декабря 1909 г. Московскому Градоначальнику из Канцелярии Оренбургского Губернатора с просьбой отдать «распоряжения о том, чтобы торговые фирмы и отдельные лица, занимающиеся продажей огнестрельного оружия, впредь не допускали высылки этого оружия во вверенную мне губернию без предъявления моих удостоверений на право выписки оружия, за исключением охотничьих гладкоствольных ружей, которые изданным мною обязательным постановлением допущены к использованию без особых разрешений». ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 299. Л. 92. В соответствии с этим письмом из Московских оружейных магазинов: Товарищества на паях «Охотничий вестник», Специального оружейного магазина В. Тарнопольского и др. просителям в последующий период 1910 – 1911 гг. неоднократно возвращались их свидетельства на покупку оружия, выданные Уездными Исправниками, с указанием на необходимость «прислать свидетельство от Губернатора». ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 299. Л. 138 – 140, 267 – 268, 453 – 454.
27. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 13. Л. 134.
28. Там же. Л. 133 об.
29. Там же. Л. 133 об.
30. Там же. Л. 133 об.
31. ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 266. Л. 73.
32. Там же. Л. 74.
33. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 13. Л. 33.
34. Там же. Л. 221.
35. РГИА. Ф. 23. Оп. 25. Д. 51. Л. 154.
36. Там же. Л. 156 – 156 об.
37. Охотничьим ружьем признавалось только «гладкоствольное, безразлично к тому имеется на нем прицел, или нет. Гладкоствольные ружья центрального боя, а также переделанные на гладкие из винтовок Бердана № 2 для стрельбы дробью относятся к охотничьим ружьям. Укороченные же ружья Бердана, переделанные под револьверные патроны и имеющие нарезной ствол, равно как револьверы и пистолеты, ни в каком случае к охотничьему ружью не относятся». Обязательное постановление Оренбургского Губернатора на 28 ноября 1910 г. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 13. Л. 116 – 116 об.
38. Там же. Л. 112.
39. Здесь и далее текст телеграммы приведен в соответствии с содержанием оригинала, но с учетом орфографии и пунктуации современного русского языка.

40. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 13. Л. 122. В соответствии с содержанием этой телеграммы 24 ноября, в отмену недавно изданного обязательного постановления от 29 сентября 1911 г., Оренбургский Губернатор издал Циркуляр местного значения, сообщающий о соответствующих изменениях и подготовке к их опубликованию. Там же. Л. 123.
41. РГИА. Ф. 23. Оп. 25. Д. 51. Л. 1, 6 – 8, 15 – 16.
42. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 13. Л. 132 об.
43. Там же. Л. 134 об.
44. Там же. Л. 133.
45. Там же. Л. 134.
46. Именной Высочайший указ, данный Сенату 11 августа 1906 г. «О предоставлении Владимирскому Губернатору права издавать для жителей Муромского и Юрьевского уездов обязательные постановления по предметам, относящимся к предупреждению нарушения государственного порядка и общественной безопасности». ПСЗ – III. Т. XXVI. № 28231. С. 795.
47. Именной Высочайший указ, данный Сенату 3 июня 1907 г. «О предоставлении Архангельскому, Вологодскому, Новгородскому, Олонекскому, Псковскому, Рязанскому, Смоленскому, Тверскому и Ярославскому Губернаторам издавать для жителей вверенных им губерний обязательные постановления по предметам, относящимся к предупреждению нарушения государственного порядка и общественной безопасности». ПСЗ – III. Т. XXVII. № 29244. С. 336.
48. Именной Высочайший указ, данный Сенату 5 июня 1907 г. «О предоставлении Владимирскому Губернатору, в виде временной меры, издавать для жителей Владимирского, Вязниковского, Гороховецкого, Меленковского, Переславль-Залесского, Судогодского и Суздальского уездов вверенной ему губернии обязательные постановления по предметам, относящимся к предупреждению нарушения государственного порядка и общественной безопасности». ПСЗ – III. Т. XXVII. № 29251. С. 339.
49. Именной Высочайший указ, данный Сенату 11 июня 1907 г. «О предоставлении Астраханскому, Бессарабскому, Казанскому, Оренбургскому и Пермскому Губернаторам, Войсковому Наказному Атаману войска Донского и Военным Губернаторам Уральской и Тургайской областей издавать обязательные постановления по предметам, относящимся к предупреждению нарушения государственного порядка и общественной безопасности». ПСЗ – III. Т. XXVII. № 29273. С. 351 – 352.
50. ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 266. Л. 71 – 71 об.; Оренбургские губернские ведомости. № 22. 18 марта 1909 г.
51. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 13. Л. 121. 24 ноября 1911 г. торговля охотничьим гладкоствольным оружием и припасами к нему была снова допущена в Оренбургской губернии «без особого разрешения чинов полиции, но при том условии, чтобы лица, имеющие означенное оружие или вновь приобретающие таковое, непременно сообщали о сем ближайшему классному чину полиции для бесплатного зарегирирования в специальные шнуrowые книги...». ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 13. Л. 123.
52. ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 274. Л. 561.
53. Там же. Л. 130.
54. Оренбургские губернские ведомости. № 22. 18 марта 1909 г.
55. РГИА. Ф. 23. Оп. 25. Д. 50. Л. 105.
56. Там же. Л. 109.
57. Там же. Л. 167.
58. ПСЗ – III. Т. XXV. № 26963. С. 840.
59. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 13. Л. 134.
60. ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 266. Л. 423 – 423 об.
61. Там же. Л. 426.
62. Циркуляр Департамента Полиции МВД № 121217 от 4 января 1908 г. под грифом «Секретно». ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 274. Л. 8.
63. Там же. Л. 8 – 8 об.
64. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 13. Л. 134 – 134 об.
65. Там же. Л. 134 об.
66. Там же. Л. 81 – 81 об.
67. РГИА. Ф. 23. Оп. 25. Д. 50. Л. 332 – 333.
68. ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 299. Л. 399.
69. Там же. Л. 400 – 401.
70. Там же. Л. 560 – 560 об.
71. Только в течение 1906 года были изъяты десятки тысяч револьверов и пистолетов, приобретенных россиянами до принятия новых правил. Полозов В. П. Некоторые сведения о законодательном обеспечении оборота гражданского оружия в некоторых странах мира. Приложение № 2 к докладной депутатам – 5. 17.09.2007. [WWW-документ] // URL: <http://www.saiga.ru> (2011. 20 марта).
72. ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 299. Л. 47.
73. Еще в Циркуляре Министра Внутренних Дел от 29 ноября 1891 г. за № 4910 особо подчеркивалось требование предварительно устанавливать сведения о политической благонадежности, поведении, нравственных качествах и судимости предпринимателя при выдаче ему разрешения на право торговли огнестрельным оружием и припасами к нему. Это требование оставалось неизменным и в начале XX в. ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 299. Л. 377.
74. Там же. Л. 47 об – 48.
75. Там же. Л. 48.
76. Там же. Л. 49 – 49 об.
77. Там же. Л. 374.
78. Там же. Л. 375 об.
79. Там же. Л. 464.
80. Там же. Л. 407 – 407 об.
81. Там же. Л. 439 – 439 об. Делопроизводство, возбужденное по прошению Ибрекова, содержится там же, правда во всех документах имеет место орфографическая ошибка при написании фамилии заявителя Ибракова (как указано в прошении и следует из его личной подписи). Л. 405 – 412.
82. Там же. Л. 507 – 507 об.
83. Там же. Л. 511.
84. ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 274. Л. 131 – 131 об.
85. 28 апреля 1908 г. Челябинскому Уездному Исправнику было направлено соответствующее письмо «для сведения». Там же. Л. 132.
86. Полозов, В. П. Некоторые сведения о законодательном обеспечении оборота гражданского оружия в некоторых странах мира. Приложение № 2 к докладной депутатам – 5. 17.09.2007. [WWW-документ] // URL: <http://www.saiga.ru> (2011. 20 марта).

ПАЛКИН А.Г.,

к.ю.н., научный сотрудник лаборатории природного
и историко-культурного наследия,
Институт степи УрО РАН,
460000, г. Оренбург, ул. Пионерская, д. 11
тел. раб.: 8 (3532) 77-62-47, palkin-alex@yandex.ru

«ВЕЛИКАЯ ЯСА» КАК ДРЕВНЕЙШИЙ ИСТОЧНИК ЕВРАЗИЙСКОГО ПРАВА И ВЕЛИКОЙ СТЕПИ (К 850-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЧИНГИСХАНА)

Ключевые слова: Чингисхан, Великая Яса, Великая степь, евразийство, кочевники, Туран.

В статье исследуется вопрос об историко-правовом значении евразийской империи Чингисхана. Показана роль степи, как ландшафтно-экологической основы данной империи. Рассмотрена концепция евразийцев о том, что именно Россия является геополитическим наследником империи Чингисхана.

Key words: Genghis Khan, the Great Yasa, the Great Steppe, Eurasianism, nomads, Turan.

The question about the historical meaning of the Eurasian Empire of Genghis Khan is analysed in the article. The role of the steppe as the basis for the Empire is shown. The article deals with the conception of the Eurasians that the Russian Federation exactly is the geopolitical successor of the Genghis Khan Empire.

Чингисхану (1162-1227) принадлежит заслуга в объединении кочевников и создании сильного монгольского государства. Он объединил Монголию и расширил ее пределы, создав крупнейшую империю в истории человечества. Сборник законов Чингисхана «Великая Яса» долгое время оставался правовой основой кочевых народов Азии.

В 1206 году на курултае была принята «Великая Яса». Большинство ученых-монголоведов и историков отдают должное тому огромному значению, которое имело последовавшее на том же курултае обнаружение свода военных и гражданских законов под общим названием «Великая Яса» для становления государственности в империи Чингисхана, установления на огромной территории Монгольской империи твердого правопорядка, несоблюдение законов которого каралось смертью, а также благотворного влияния на нравы кочевых племен и на развитие законодательства в последующие царствования (издание уставов Юаньской (монгольской) династии в Китае).

«Великий Джасак» – законодательство Чингисхана наиболее полно сохранилось в летописях Рашид ад-Дина¹. «Большая Яса» делилась на два крупных раздела: «Билик» – сборник изречений самого Чингисхана, который содержал в себе мысли, наставления и решения законодателя как общего, теоретического характера, так и высказанные им по поводу различных конкретных случаев; собственно «Яса» – это свод положительных законов, военных и гражданских, обыкновенно с установлением соответствующих кар за неисполнение. Отличительной особенностью «Ясы» было утверждение о необходимости почитания Единого Бога («Тэнгри», «Иисус», «Будда» или «Магомет»). Вера в монгольском государстве охранялась законом. «Великая Яса» запре-

щала ссоры среди монголов, неповиновение детей родителям, кражу коней, регламентировала воинскую обязанность, правила поведения в бою, распределение военной добычи.

В империи был установлен строгий порядок, который становился обязательным благодаря мессианскому духу, которым он был пропитан. Чингисхан действительно осознал, насколько важна упорядоченная администрация. Политико-административная централизация способствовало расцвету сухопутной торговли. Впервые в истории трансконтинентальные караванные пути были абсолютно безопасны. Централизм – это реализация в политическом плане, т.е. на практике, органического всеединства нации на основе религиозной легитимации. Таким образом, можно считать Монгольскую империю в высшей степени современной моделью для построения будущего, а не модели прошлого.

Законы «Ясы» созданы на основе туранской этики. Акцент в них сделан именно на морали верности и чести, которая является основой, тогда как остальные нормативы гражданского общежития выступают в качестве второстепенных.

Туранское единобожие очень конкретно. «Бог – на небе, Ха-хан – Могущество Божие – на земле». Нельзя помыслить одновременно верность Богу и предательство начальника, который есть подчиненный другого начальника, и так вплоть до самого Чингисхана. Следовательно, верность и дисциплина являются основными критериями благочестия. Но главный акцент сделан на реальный становой хребет евразийской государственности – на пассионариев, служилый класс, воинов-организаторов.

В таком порядке благополучие и защищенность «горожан», «индивидуумов», «родов», «семей» хотя признается и гарантируется, но все же подчиняется

высшей цели, ставится на второе место. Права человека в «Ясе» второстепенны перед лицом прав имперостроительной евразийской иерархии, которая призвана не только сохранять достигнутое, но и приумножать, воспроизводя снова и снова великий завет «Царя царей и Владыки человечества». Н.С. Трубецкой писал про Чингисхана: «Поэтому главный завет, который он дал своим потомкам и всем кочевникам, состоял в том, чтобы они всегда сохраняли свой кочевой быт и остерегались становиться оседлыми... Отличительным признаком государства Чингисхана являлось то, что это государство управлялось кочевниками...»².

Многие представители уникального идеологического движения евразийцев, к которому относился и Н.С. Трубецкой, призывали изучать кочевничество и представляли физические описания кочевников и свойственных им морфологических особенностей, расхваливали их умение ориентироваться, здоровую пищу, свежий воздух, великолепную приспособляемость к окружающей среде и их единение с природой³. Культ кочевничества и кочующих стад, присутствующий во всех работах евразийцев, представлял собой типичный пример переоценки талассократических ценностей, их ниспровержение и создание идеалов иной человеческой психологии. Туранская «психика» отличается такими ценными качествами, как храбрость, сила и мужественность. Например, смелость «есть добродетель чисто степная, понятная тюркам, но непонятная... романогерманцам...»⁴. Для евразийцев кочевничество проявлялось, главным образом, в истории человечества, благодаря почти сверхчеловеческой военной доблести: «Ни одна историческая среда не может, пожалуй, дать такого подбора образцов военной годности и доблести, какие дает кочевой мир»⁵.

Н.С. Трубецкой отмечал: «Туранская психика сообщает нации культурную устойчивость и силу, утверждает культурно-историческую преемственность и создает условия экономии национальных сил»⁶.

Таким образом, степную полосу Евразии – можно представить как геополитическим и культурно-историческим ядром Евразии, ее первоначалом, основным принципом. Евразийская степь является самым континентальным пространством мира, выражаясь в удаленности от океана более чем на 2400 километров. Следовательно, степи Северной Евразии должны стать территорией крайней континентальности. Чрезвычайную континентальность необходимо развивать как одну из основ самобытности.

Характерными особенностями усиленной степени континентальности Великой степи являлась, является и должна являться традиционная система ценностей, военная система, а также идеократический строй и приоритет духовного начала. П.Н. Савицкий признавал: «Исход к Востоку – это и есть возврат к себе»⁷.

Отметим основные характеристики евразийского менталитета – это, прежде всего, открытость (принесенная кочевниками оседлым народам); это духовная, этническая, социальная, религиозная и

бытовая терпимость; это характерный для жителей Азии приоритет духовных ценностей над материальными; это преобладание коллективных принципов общественного устройства над индивидуализмом.

Одной из ключевых характеристик евразийских народов является преобладание коллектива над частно-индивидуальной формой деятельности в любой сфере. Как известно, данная черта связана с выживанием человека в особых географических и климатических условиях центральной части Евразии. Анализируя данную черту евразийских народов, в ней можно выделить три характерные черты. Во-первых, большие пространства лесостепи, степи, полупустынь можно освоить только в составе больших коллективов. Во-вторых, закрепляются общинные формы организации хозяйственной деятельности. В-третьих, унифицирована трайбалистская модель организации социальных и политических систем, характерная для кочевых народов.

В силу географических условий у казахов, русских, кыргызов, украинцев, белорусов, жителей Кавказа, Сибири и многих других этносов Евразии сформировался принцип коллективного труда, основанного на невысокой эффективности производства. В этом случае община (у кочевых народов – родовая община) по происхождению представляла собой единый производственный организм. Коллективный труд неизбежно порождал такой феномен, как общая (родовая) собственность, а на его основе происходило совместное потребление произведенного продукта – ключевой фактор выживания людей. Складывался механизм круговой поруки и общинной взаимопомощи. В результате исторического данного признака у евразийских народов становится нормой ориентация на коллективный труд и совместное потребление⁸. Таким образом, на протяжении тысячелетий складывалась уникальная, своеобразная и неповторимая мировоззренческая, экономическая и правовая система Великой Степи.

«Внутренний голос» поведал Чингисхану, что он станет счастливым избранником богов. Империя была замыслена как орудие Вечного Неба для установления порядка во всей вселенной. Завоевание мира было обязанностью Великого хана, а установление всеобщего мира было его конечной целью. Итак, империя воплощала волю «справедливого» правления в истинном смысле этого слова, основанном на религиозном, этическом и особенно универалистском идеале: «Идеалом Чингисхана было создание Единого Царства Человечества»⁹. В теории Москвы – Третьего Рима можно увидеть продолжение данной концепции.

«Яса» утверждала подчиненных в убеждении, что царство «идеи» принесет в мир смысл и порядок как для нации в целом, так и для каждого индивида. Это царство представляет собой единственно возможный ответ на хаос и анархию Запада, на его поверхностную юриспруденцию.

В отличие от западного, римского права, монгольское законодательство представляется абсолютным, выразившимся в форме религиозной, в противоположность механическому и «вне-идеологическому» регулированию отношений между индивидами.

Монгольская империя подтверждала, таким образом, стремление к принципу идеократии, к власти, основанной на высших ценностях – идее, религии в качестве объяснения мира и политической практики одновременно. Благодаря своему всемирному призванию и роли мессии, монгольское, а затем и русско-евразийское пространство должно выражать как свою географию, так и свою политическую систему в форме религиозной, юридической или научной «истины».

Монгольское законодательство не оказало прямого влияния на формирование русского права. Однако влияние ордынской системы правления можно наблюдать в некоторых принципах, а также духе нового Московского права, так в русском законодательстве появились черты жестокости (увечачие наказания), коллективная ответственность за преступления, ранее ему несвойственные. В области административного, финансового, военного законодательства также было заметно монгольское влияние (понятия «казны», регламентация подушных сборов, переписи населения, ямской службы и т.п.). Но наиболее это влияние проявилось в сфере государственного управления, усилив в нем черты централизации и авторитарности.

Законы Чингисхана не были одной теорией. Он умел дать им силу и заставить исполнять их. Этого Чингисхан достиг строгостью и умением выбирать людей. Законность пускает в народе корни только тогда, когда он видит, что закон обязывает не только сам народ, но и его правителей. В этом отношении сам Верховный Правитель представлял живое воплощение безусловного подчинения изданным им самим законам. Не подлежит сомнению, что такой пример, подаваемый самим ханом, должен был оказать благотворное влияние на нравы всей монгольской администрации, что, в свою очередь, воспитывало народ в духе строгой законности.

Монгольская империя в свете истории представляется совершенно отличной от тех восточных деспотий, в которых высшим законом является произвол верховного правителя и его ставленников. Империя Чингисхана управлялась на строгом основании закона, обязательного для всех, начиная от главы государства и заканчивая последним подданным¹⁰.

«Яса была для потомков Чингисхана ненарушимым законом, от ее предписаний они ни в чем не отступали»¹¹. Сам Чингисхан учреждению «Ясы» и строгому ее соблюдению всеми придавал большое значение. Чингисхан говорил: «Если государи, которые явятся после этого (самого Чингисхана), вельможи, багадуры и нойоны... не будут крепко соблюдать Ясы, то дело государства потрясется и порвется. Опять будут охотно искать Чингисхана и не найдут...»¹².

«Яса» соблюдалась довольно долго и после смерти Чингисхана. Но все меняется, все проходит. Кодекс Чингисхана не только не действует теперь в мире, но даже монголы не руководствуются им. От собственно «Ясы» остались лишь некоторые фрагменты, по которым трудно представить законодательство в целом. Но несомненно, что «Яса» Чингисхана сыграла огромную роль в жизни созданной им империи и долго служила монголам основным кодексом права, влияя на все стороны их жизни, а также на жизнь покоренных им народов. Но постепенно этот чистый туранский закон утратил свое значение, забылся. Евразийский дух стал искать иные формы. Но именно «Яса» является чистой парадигмой того, что можно назвать евразийским правом.

Э. Хара-Даван делал вывод: «Стремление к объединению если не всех, то больших групп наций в одно государство есть проблема XX века. То, что едва не осуществилось в XIII веке силой оружия, возможно, состоится путем мирного соглашения народов в XX веке»¹³.

1. Рашид, ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. – М., 2002.

2. Хара-Даван, Э. О кочевном быте // Тридцатые годы (Утверждение евразийцев). – Париж, 1931. – С. 233-235.

3. Там же. – С. 83-86.

4. Трубецкой, Н. С. Взгляд на русскую историю не с запада, а с востока // Наследие Чингисхана. – М., 2000. – С. 133.

5. Савицкий, П. Н. О задачах кочевниковедения // Континент Евразия. – М., 1997. – С. 350.

6. Трубецкой, Н. С. Взгляд на русскую историю не с запада, а с востока // Наследие Чингисхана. – М., 2000. – С. 154.

7. Садовский, Я. Оппонентам евразийства // Евразийский временник III. 1923. – С. 155.

8. Народы Евразии: культура и общество: Третий Международный Евразийский научный форум: Тезисы докладов и сообщений / Под ред. С. А. Абдыманапова. – Астана, 2004. – С. 42.

9. Хара-Даван, Э. Чингисхан как полководец и его наследие // Русь монгольская. – М., 2002. – С. 163.

10. Трубецкой, Н. С. Взгляд на русскую историю не с запада, а с востока // Наследие Чингисхана. – М., 2000.

11. Березин, Н. И. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева // Труды восточного отделения Русского археологического общества. Т. VIII. – СПб., 1864.

12. Козин, С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. – Москва–Ленинград, 1941.

13. Хара-Даван, Э. Чингисхан как полководец и его наследие // Русь монгольская. – М., 2002. – С. 163.

Раздел второй

ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

БУЯНОВА Е.В.,

к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса,
Оренбургский институт (филиал) МГЮА имени О.Е. Кутафина,
460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, тел.: 8 (3532) 72-22-77,
ekbuyanova@yandex.ru

ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ НАДЗОРЕ ЗА ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: НОВЕЛЛА ГПК РФ

Ключевые слова: административный надзор, административное ограничение, поднадзорное лицо, лишение свободы, уголовная ответственность.

06.04.2011 г. был принят Федеральный закон № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», который вступил в силу с 01.07.2011 г. Это повлекло за собой включение в ГПК РФ новой главы - 26.2, и, как следствие, появление новой категории дел, возникающих из публичных правоотношений. В статье проанализированы основные особенности рассмотрения данной категории дел, с опорой на судебную практику и судебную статистику.

Keywords: administrative supervision, administrative controls, the supervised person, imprisonment, criminal liability.

06.04.2011g. the Federal Law № 64-FZ «On the administrative supervision of persons released from prison,» which came into force on 01.07.2011. This led to the inclusion in the Code of Civil Procedure of the Russian Federation of a new chapter - 26.2, and as a result, the emergence of a new category of cases arising out of public relations. The paper analyzes the main features of the consideration of this category of cases, relying on case law and judicial statistics.

Основной целью уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, как и большинства других европейских государств, является исправление осуждённых и предупреждение совершения ими новых преступлений. О том, что именно цель защиты общества от угрожающих ему преступлений служит оправданием применения государством наказания в виде лишения свободы, говорится и в принятых ООН «Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными». При этом Организацией Объединенных Наций отмечается, что данной цели можно добиться только в том случае, если по отбытии срока наказания и по возвращении к нормальной жизни в обществе правонарушитель оказывается не только готовым, но и способным подчиниться законодательству и обеспечить свое существование. Не секрет, что длительная физическая изоляция в местах лишения свободы нередко способствует возвращению в общество озлобленного, психически неуравновешенного человека с высокой склонностью к правонарушениям¹.

Во многом именно поэтому 25 марта 2011 года Государственной Думой принят и 30 марта 2011 года одобрен Советом Федерации, Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 66-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

Федеральный закон от 06.04.2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» вступил в силу с 01.07.2011 г.² (далее – Закон). Частью 3 ст. 6 указанного закона подраздел III раздела II Гражданского процессуального кодекса РФ дополнен новой главой 26.2. «Производство по делам об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». Правовой основой для появления новой категории дел, возникающих из публичных правоотношений, является норма статьи 6 данного Закона, согласно которой административный надзор ус-танавливается судом на основании заявления испра-

вительного учреждения или органа внутренних дел, продлевается судом на основании заявления органа внутренних дел, досрочно прекращается судом на основании заявления органа внутренних дел или поднадзорного лица либо его представителя, прекращается по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 9 Закона.

В свою очередь, статья 1 Закона раскрывает ключевые понятия, используемые в главе 26.2 ГПК РФ:

административный надзор – это осуществляемое органами внутренних дел наблюдение за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом в соответствии с законом временных ограничений его прав и свобод, а также за выполнением им обязанностей, предусмотренных Законом;

административное ограничение – временное ограничение прав и свобод лица, освобожденного из мест лишения свободы, установленное судом в соответствии с Законом;

поднадзорное лицо – лицо, в отношении которого осуществляется административный надзор.

Теперь обратимся непосредственно к процессуальному порядку рассмотрения данной категории дел.

Прежде всего, следует указать на лиц, уполномоченных законом инициировать производство по данной категории дел. По смыслу ч. 1 ст. 261.5 ГПК РФ, в зависимости от характера требования, их можно разбить на три группы:

1) заявление об установлении административного надзора подаётся исправительным учреждением или органом внутренних дел;

2) заявление о продлении административного надзора и о дополнении ранее установленных административных ограничений подаётся органом внутренних дел;

3) заявление о досрочном прекращении и частичной отмене административных ограничений подаётся органом внутренних дел или лицом, в отношении которого установлен административный надзор, либо его представителем.

Так, ФКУ ОУХД ИК обратилось в суд с заявлением об установлении административного надзора в отношении осужденного П.С.М. Требования мотивированы тем, что ДД.ММ.ГГГГ Киселевским городским судом Кемеровской области П.С.М. осужден по ч. 4 ст. 111 УК РФ к 8 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима. Постановлением от ДД.ММ.ГГГГ осужденный П.С.М. освобожден *условно-досрочно*. В целях предупреждения совершения осужденным, освобожденным из мест лишения свободы, преступлений и других правонарушений, оказания на него профилактического воздействия в целях защиты государственных и общественных интересов, необходимо установить административный надзор в отношении осужденного, поскольку П.С.М. при освобождении из мест лишения свободы будет иметь непогашенную и неснятую судимость за совершение преступления, совершенного им при опасном рецидиве преступлений. Осужденный П.С.М. суду пояснил, что против установления

в отношении него административного надзора не возражает.

Решением Таштагольского городского суда Кемеровской области от 16 февраля 2012 года Федеральному казенному учреждению с особыми условиями хозяйственной деятельности Исправительная колония ГУФСИН России по Кемеровской области в установлении административного надзора в отношении осужденного П.С.М. отказано. Прокурором было подано апелляционное представление, однако, суд апелляционной инстанции не нашёл оснований для отмены вынесенного решения, ввиду следующего. В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 06.04.2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», административный надзор устанавливается судом при наличии оснований, предусмотренных частью 3 настоящей статьи, в отношении совершеннолетнего лица, освобождаемого или освобожденного из мест лишения свободы и имеющего непогашенную либо неснятую судимость за совершение: 1) тяжкого или особо тяжкого преступления; 2) преступления при рецидиве преступлений; 3) умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего. Исходя из толкования указанной нормы закона, административный надзор может быть установлен только в отношении *лица, освобождаемого или освобожденного из мест лишения свободы*. Однако, как правильно пришел к выводу суд первой инстанции, на момент рассмотрения заявления ФКУ ОУХД ИК об установлении административного надзора, П.С.М. не является лицом, освобождаемым или освобожденным из мест лишения свободы, поскольку постановление об условно-досрочном освобождении, вынесенное ДД.ММ.ГГГГ, то есть в день рассмотрения настоящего заявления, не вступило в законную силу. Таким образом, суд первой инстанции правомерно отказал в удовлетворении заявления, поскольку в случае отмены постановления об условно-досрочном освобождении самостоятельное исполнение решения об установлении административного надзора будет невозможно, а принятие решения под условием вступления в силу иного постановления суда недопустимо. Кроме того, согласно ст. 261.5 ГПК РФ, при вступлении в силу постановления об условно-досрочном освобождении от ДД.ММ.ГГГГ в отношении П.С.М., имеется возможность обращения с заявлением об установлении над ним административного надзора.

Представляет интерес и другой пример из судебной практики. Решением Грачёвского районного суда Ставропольского края от 17 января 2012 года в удовлетворении заявления начальника отдела МВД России по Грачёвскому району об установлении административного надзора П. отказано по следующим основаниям. Из копии приговора Грачёвского районного суда Ставропольского края от 20.03.2009 года следует, что П. осужден к 3 годам 6 месяцам лишения свободы без штрафа, с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. Обстоятельством, отягчающим наказание П., суд признал в его действиях наличие опасного рецидива. Однако, согласно копии постановления Георгиевского городс-

кого суда от 18.11.2011 года, осужденному П. неотбытая часть наказания по приговору Грачёвского районного суда от 20.03.2009 года заменена более мягким видом наказания – исправительными работами на срок 7 месяцев 18 дней с удержанием 20% заработка в доход государства ежемесячно. Таким образом, в судебном заседании установлено, что наказание, назначенное приговором Грачёвского районного суда от 20.03.2009 года, осужденным П. фактически неотбыто, а заменено более мягким видом наказания, а именно исправительными работами, определяемыми органами местного самоуправления по согласованию с органом, исполняющим наказания с удержанием 20% заработка в доход государства ежемесячно на срок 7 месяцев 18 дней. При таких обстоятельствах суд счел необходимым в удовлетворении заявления начальника отдела МВД России по Грачёвскому району об установлении административного надзора и административных ограничений в отношении осужденного П. отказать, поскольку П. *не освобожден и не освобождается от отбывания наказания из мест лишения свободы, а продолжает отбывать наказание, назначенное приговором Грачевского районного суда от 20.03.2009 года, т.е. не подпадает под требования Федерального закона от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы».*³

Предметный характер данной категории дел позволяет сделать вывод о том, что данные дела не подлежат рассмотрению мировыми судьями. Территориальная подсудность по данной категории дел носит исключительный характер, и зависит от «статуса» лица, к которому применяются меры административного надзора. Так, в отношении лица, освобождаемого из мест лишения свободы, заявление подается в суд по месту нахождения исправительного учреждения (ч. 2 ст. 261.5 ГПК РФ), а в отношении лица, освобожденного из мест лишения свободы – в суд по месту жительства или пребывания этого лица (ч. 3 ст. 261.5 ГПК РФ).

Срок, в течение которого должно быть подано заявление, процессуальным законом не регламентируется.

В заявлении об установлении, о продлении, досрочном прекращении административного надзора, частичной отмене либо о дополнении ранее установленных административных ограничений указываются основания подачи такого заявления и обстоятельства, имеющие значение для принятия решения по делу. К заявлению прилагаются имеющие значение для правильного рассмотрения и разрешения дела документы и материалы.

Кроме того, указываются предлагаемые к отмене или установлению виды административных ограничений.

В заявлении исправительного учреждения об установлении административного надзора также указываются сведения о поведении лица, в отношении которого предлагается установить административный надзор, в период отбывания им наказания в исправительном учреждении. К заявлению прилагаются ко-

пия приговора суда и постановление начальника исправительного учреждения о признании осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания.

В заявлении органа внутренних дел об установлении, о продлении административного надзора или дополнении ранее установленных административных ограничений указываются также сведения об образе жизни и о поведении лица, в отношении которого решается вопрос об установлении, о продлении административного надзора или дополнении ранее установленных административных ограничений. К заявлению прилагаются документы и материалы, свидетельствующие о совершении данным лицом административных правонарушений.

К заявлению о досрочном прекращении административного надзора или частичной отмене ранее установленных административных ограничений прилагаются документы и материалы, содержащие сведения, характеризующие лицо, в отношении которого установлен административный надзор.

Суд при необходимости может затребовать иные документы и материалы (ст. 261.6 ГПК РФ).

Дело об административном надзоре рассматривается и разрешается судьей единолично с обязательным участием лица, в отношении которого подано заявление, а также с участием представителей исправительного учреждения или органа внутренних дел, которыми подано заявление, и прокурора. Неявка в судебное заседание заявителя или прокурора, надлежащим образом извещенных о времени и месте судебного заседания, не является препятствием к рассмотрению и разрешению дела. Кроме того, практике известен случай, когда судом кассационной инстанции был признан несостоятельным довод жалобы М.Е. о том, что суд неправоммерно отказал в удовлетворении его ходатайства об участии в деле адвоката, поскольку действующее гражданское процессуальное законодательство не предусматривает обязанности суда при рассмотрении дела в порядке главы 26.2 ГПК РФ по обеспечению участия адвоката для представления интересов лица, в отношении которого решается вопрос об установлении административного надзора.⁶

При рассмотрении дела суд должен обязательно установить по какой статье УК РФ осужденный был привлечен к уголовной ответственности; тяжесть совершенного им преступления; совершено ли преступление при опасном или особо опасном рецидиве; подпадает ли лицо к категории лиц, в отношении которых судом может быть установлен административный надзор. Все эти обстоятельства будут входить в предмет доказывания по данной категории дел.

Лицо, освободившееся из мест лишения свободы и в отношении которого установлен административный надзор, обладает юридически всеми правами человека и гражданина РФ лишь за некоторыми ограничениями.

При рассмотрении дел об установлении административного надзора лицу, в отношении которого ведется производство по делу, суд обязан разъяснить его права и обязанности, предусмотренные ГПК РФ,

а также ст. 10 ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», а именно:

Поднадзорное лицо имеет право:

1) обращаться в суд с заявлением о досрочном прекращении административного надзора, а также о частичной отмене установленных судом административных ограничений;

2) обжаловать решения суда об установлении или о продлении административного надзора либо об установлении связанных с ним административных ограничений;

3) обращаться в орган внутренних дел с заявлением о получении разрешения на пребывание вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания, и (или) на краткосрочный выезд за установленные судом пределы территории в связи с исключительными личными обстоятельствами, предусмотренными частью 3 статьи 12 Закона;

4) обжаловать действия (бездействие) органа внутренних дел при осуществлении административного надзора.

Также при вынесении решения судом должны быть разъяснены лицу, в отношении которого устанавливается административный надзор, его обязанности, предусмотренные ст. 11 ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», а именно:

Поднадзорное лицо обязано:

1) прибыть в определенный администрацией исправительного учреждения срок к избранному им месту жительства или пребывания после освобождения из мест лишения свободы;

2) явиться для постановки на учет в орган внутренних дел в течение трех рабочих дней со дня прибытия к избранному им месту жительства или пребывания после освобождения из мест лишения свободы, а также после перемены места жительства или пребывания;

3) явиться для постановки на учет в орган внутренних дел по месту временного пребывания в течение трех дней в случае получения по исключительным личным обстоятельствам, предусмотренным частью 3 статьи 12 Закона, разрешения органа внутренних дел на пребывание вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания, и (или) на краткосрочный выезд за установленные судом пределы территории;

4) уведомить орган внутренних дел по месту временного пребывания о выезде к месту жительства или пребывания, если поднадзорное лицо находилось по месту временного пребывания по исключительным личным обстоятельствам, предусмотренным частью 3 статьи 12 Закона;

5) уведомить орган внутренних дел по месту жительства или пребывания в течение трех рабочих дней о перемене места жительства или пребывания, а также о возвращении к месту жительства или пребывания, если поднадзорное лицо отсутствовало по исключительным личным обстоятельствам, предусмотренным частью 3 статьи 12 Закона;

6) уведомить орган внутренних дел в течение трех рабочих дней о трудоустройстве, перемене места работы или об увольнении с работы;

7) допускать сотрудников органов внутренних дел в жилое или иное помещение, являющееся местом жительства либо пребывания, в определенное время суток, в течение которого этому лицу запрещено пребывание вне указанного помещения.

Поднадзорное лицо обязано также являться по вызову в орган внутренних дел по месту жительства или пребывания в определенный этим органом срок, давать объяснения в устной и (или) письменной форме по вопросам, связанным с соблюдением им установленных судом административных ограничений и выполнением обязанностей, предусмотренных Законом.

В случае несоблюдения установленных судом административных ограничений или невыполнения обязанностей, предусмотренных Законом, поднадзорное лицо несет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации. Так, Шаховской районный суд Московской области вынес приговор в отношении 20-летнего местного жителя Александра Овсенко, совершившего преступление, предусмотренное ст. 314.1 УК РФ (уклонение от административного надзора).

Установлено, что Овсенко в 2009 году уже был осужден по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ (грабеж, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия). После условно-досрочного освобождения Овсенко, в отношении него по месту жительства был установлен административный надзор сроком на 1 год и введены административные ограничения, предусмотренные Федеральным законом «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». Например, Овсенко обязан был являться 2 раза в месяц в ОМВД России по Шаховскому району. Ему запрещалось пребывание в барах, ресторанах и других заведениях, в которых осуществляется торговля алкогольной продукцией в розлив, запрещалось нахождение с 22 часов вечера до 6 часов утра вне жилого помещения, являющегося местом пребывания, а также пребывание в местах проведения массовых мероприятий и участие в них.

Несмотря на это, будучи предупрежденным о порядке и условиях соблюдения установленных административных ограничений, Овсенко неоднократно, без уважительных причин и без разрешения надзорного органа оставлял место своего жительства в ночное время. Указанные действия образуют состав преступления, предусмотренный ст. 314.1 УК РФ (уклонение от административного надзора), поэтому 11 июля 2012 года отделом дознания ОМВД России по Шаховскому району в отношении Александра Овсенко было возбуждено уголовное дело. С учётом смягчающих обстоятельств суд назначил ему наказание в виде обязательных работ сроком на 180 часов.⁷

Отдельно законом указывается на распределение обязанностей по доказыванию обстоятельств по делу об административном надзоре, которые ложат-

ся на заявителя (ч. 3 ст. 261.7 ГПК РФ). В частности, в одном случае суд кассационной инстанции не согласился с доводом жалобы о необоснованном отказе суда в допросе названных М.Е. свидетелей по факту законности наложенных на осужденного администрацией исправительного учреждения взысканий, поскольку постановления о применении взыскания в виде водворения в штрафной изолятор в установленном законом порядке М.Е. не обжаловались.⁸ В другом случае, суд кассационной инстанции счел доводы жалобы о том, что суд первой инстанции не дал оценки представленным Д. документам по его запросам о трудоустройстве и участии в общественной жизни колонии, не имеющими правового значения, поскольку основанием для установления административного надзора послужили: осуждение его за совершение тяжкого преступления и признание его зло⁹стным нарушителем порядка отбывания наказания.

Процессуальное законодательство не исключает возможности отказа заявителя от заявления по рассматриваемой категории дел. В частности, практике известны случаи отказа прокурора от поданного им апелляционного представления.¹⁰ Как известно, в этом случае суд должен вынести определение о прекращении производства по делу. При этом необходимо учитывать, что повторное обращение в суд по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям не допускается. Однако, вынесение такого определения суда не препятствует в дальнейшем подаче заявления ОВД об установлении административного надзора в отношении того же лица после его освобождения из мест лишения свободы, если имеются основания предусмотренные ч. 3 ст. 3 ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

Судебная практика также свидетельствует о фактах передачи дел для рассмотрения по подсудности в суды по месту жительства лица, в отношении которого подано заявление об установлении административного надзора.¹¹ Передача гражданских дел по подсудности связана с тем, что после освобождения лица из мест лишения свободы заявление об установлении административного надзора подается по месту жительства или месту пребывания лица.

Суд, рассмотрев заявление по делу об административном надзоре, принимает решение об удовлетворении или отказе в удовлетворении соответствующего заявления. В случае, если суд принимает решение об установлении или о продлении административного надзора, он одновременно устанавливает и административные ограничения. Суд вправе установить одно или несколько административных ограничений.

В своем решении об установлении или о продлении административного надзора суд указывает срок административного надзора. На практике весьма часто лицами, в отношении которых установлен административный надзор, подаются апелляционные жалобы с требованием об изменении срока административного надзора.¹²

Решение суда по делу об административном надзоре может быть обжаловано в апелляционном по-

рядке. Копия решения суда по делу об административном надзоре направляется судом лицам, участвующим в деле, в течение пяти дней со дня вступления этого решения в законную силу (ст. 261.8 ГПК РФ).

При вынесении решения суду необходимо руководствоваться положениями ст. 3 ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», согласно которой административный надзор устанавливается судом при наличии оснований, предусмотренных частью 3 данной статьи, в отношении совершеннолетнего лица, освобождаемого или освобожденного из мест лишения свободы и имеющего непогашенную либо неснятую судимость, за совершение:

- 1) тяжкого или особо тяжкого преступления;
- 2) преступления при рецидиве преступлений;
- 3) умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего.

В отношении совершеннолетнего лица, освобождаемого или освобожденного из мест лишения свободы и имеющего непогашенную либо неснятую судимость за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего, а также за совершение преступления при опасном или особо опасном рецидиве преступлений, административный надзор устанавливается независимо от наличия оснований, предусмотренных частью 3 статьи 3 Закона.

В отношении указанного в части 1 статьи 3 Закона лица административный надзор устанавливается, если:

- 1) лицо в период отбывания наказания в местах лишения свободы признавалось злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания;
- 2) лицо, отбывшее уголовное наказание в виде лишения свободы и имеющее непогашенную либо неснятую судимость, совершает в течение одного года два и более административных правонарушения против порядка управления и (или) административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и (или) на здоровье населения и общественную нравственность.

В свете сказанного, интерес представляет следующий пример из практики. Так, Начальник ФКУ ЛИУ-7 УФСИН России по Тамбовской области обратился в Кирсановский районный суд Тамбовской области с заявлением об установлении административного надзора и административных ограничений в отношении осужденного К.С.В., освобождаемого из мест лишения свободы. В обосновании заявления указал, что К.С. осужден 06.04.2001 г. Ленинским районным судом г. Тамбова по п. «в» ч. 3 ст. 132 УК РФ к 12 годам лишения свободы в ИК особого режима. На основании ч. 1 ст. 97, ст. 99 УК РФ назначено принудительное лечение от алкоголизма. Постановлением Рассказовского районного суда Тамбовской области от 04.02.2002 года принудительное лечение было отменено, К.С. переведен в ИК строгого режима. Постановлением Рассказовского районного суда Тамбовской области от 18.05.2004 года приговор от

06.04.2001 года изменен, постановлено считать К.С. осужденным по п. «в» ч. 3 ст. 132 УК РФ (в редакции от 01.01.1997 года) – к 11 годам 6 мес. лишения свободы с отбыванием наказания в ИК строгого режима. Из вышеназванного приговора следует, что К.С. совершил умышленное особо тяжкое преступление против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего. За время отбывания наказания осужденный зарекомендовал себя с отрицательной стороны, имеет одно взыскание, которое не погашено. На мероприятия воспитательного характера реагирует отрицательно. Просил удовлетворить заявление в полном объеме и установить К.С. административный надзор сроком на три года, установить ему следующие ограничения: обязать являться два раза в месяц, на период установленного судом срока административного надзора, в органы внутренних дел по месту жительства для регистрации; обязать не посещать места употребления наркотических и алкогольных средств; запретить выезды за установленные судом пределы территории; запретить пребывание вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства, с 21 часа до 06 часов утра.

Решением Кирсановского районного суда Тамбовской области от 17 апреля 2012 года установлен К.С. административный надзор сроком на 2 года. Установлены К.С. дополнительные административные ограничения на срок административного надзора в виде: обязательной явки один раз в месяц в органы внутренних дел по месту жительства или пребывания для регистрации; запрещено пребывание вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства с 22 ч. 00 мин. до 06 ч. 00 мин. В остальной части заявления ФКУ УФСИН России по Тамбовской области было отказано.

Не согласившись с данным решением суда, К.С. подана апелляционная жалоба о его отмене и принятии по делу нового решения. В жалобе К.С. указывает, что считает решение суда неправомерным, так как оно не отвечает законности и обоснованности. В частности, данным решением нарушаются конституционные основные права и свободы, такие как право на свободу и личную неприкосновенность. Данное нарушение обусловлено тем обстоятельством, что приговор Ленинского районного суда г. Тамбова от 04.04.2001 года, определяя ему наказание в виде лишения свободы, не содержит никаких дополнительных ограничений его прав и свобод. Ссылка судьи на применение в отношении него Федерального закона от 06.04.2011 года № 64-ФЗ, содержащего ограничения основных прав и свобод в отношении лиц, освобождающихся из мест лишения свободы, по концу срока, считает неправомерной, так как это запрещено ч. 1 ст. 54 Конституции РФ, в силу которой, закон устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет, что также соответствует принципу законности, закрепленным ст. 3 ч. 1 УК РФ.

В целях защиты прав и законных интересов неопределенного круга лиц и публичных интересов, охраны правопорядка, суд апелляционной инстанции, проверив обжалуемое решение в полном объеме, при-

шел к выводу о необходимости его отмены ввиду неправильного определения судом обстоятельств, имеющих значение для дела и неправильного применения норм материального права и принятии по делу нового решения по следующим основаниям.

Поскольку преступление, за которое был осужден К.С., относится к категории преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетней, установление К.С. административного надзора является обязательным независимо от наличия оснований, предусмотренных частью 3 ст. 3 Федерального закона от 6 апреля 2011 года № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 5 Федерального закона административный надзор устанавливается в отношении лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего на срок, установленный законодательством Российской Федерации для погашения судимости за вычетом срока, истекшего после отбытия наказания.

В соответствии с ч. 5 ст. 15 УК РФ преступление, предусмотренное п. «в» ч. 3 ст. 132 УК РФ, относится к категории особо тяжких преступлений, за совершение которых судимость, согласно п. «Д» ч. 3 ст. 86 УК РФ, погашается по истечении 8 лет после отбытия наказания. Срок отбытия наказания К.С. истекает 16 июля 2012 года. Таким образом, судимость К.С. за совершение указанного преступления погашается 16 июля 1920 года.

Принимая решение по делу и определяя срок установления административного надзора в отношении осужденного К.С., освобождаемого из мест лишения свободы, суд первой инстанции неправильно установил значимые для разрешения дела обстоятельства и неправильно применил нормы материального права, ошибочно исходил из положений п. 1 ч. 3 ст. 3 Федерального закона от 6 апреля 2011 года № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами освобожденными из мест лишения свободы», предусматривающего порядок установления административного надзора в отношении указанных в части 1 настоящей статьи лиц, при условии, если лицо в период отбывания наказания в местах лишения свободы признавалось злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, определив срок административного надзора на основании п. 1 ч. 1 ст. 5 Федерального закона. Тогда как должен был применить положения п. 2 ч. 1 ст. 5 Федерального закона, определяющей срок установления административного надзора в отношении лиц, указанных в части 2 статьи 3 данного Федерального закона, то есть в отношении совершеннолетнего лица, освобождаемого из мест лишения свободы и имеющего непогашенную либо неснятую судимость за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего, на срок, установленный законодательством Российской Федерации для погашения судимости, то есть независимо от наличия оснований, предусмотренных ч. 3 ст. 3 Закона.

При изложенных обстоятельствах, учитывая степень общественной опасности содеянного, характеристики осужденного за время отбывания наказания, суд полагает необходимым удовлетворить заявление ФКУ ЛИУ-7 УФСИН России по Тамбовской области об установлении административного надзора в отношении осужденного К.С., освобождаемого из мест лишения свободы. При этом, определить срок административного надзора в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 5 ФЗ от 6 апреля 2011 года № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» на срок, установленный законодательством Российской Федерации для погашения судимости – 8 лет, за вычетом срока, истекшего после отбытия наказания.

При этом, суд учитывает, что согласно пункту 1 части 3 статьи 5 ФЗ N 64-ФЗ от 06.04.2011 административный надзор в отношении лица, совершившего преступление против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего, устанавливается со дня постановки на учет в органе внутренних дел по избранному месту жительства или пребывания. Поскольку К.С. подлежит административному надзору до погашения судимости, административный надзор целесообразно установить до конкретной даты без вычисления срока, то есть до 16 июля 2020 года.

Одновременно, исходя из вышеизложенных обстоятельств, а также пояснений К.С. в судебном заседании, из которых следует, что он намерен избрать место жительства после освобождения – г. Тамбов, либо п. Новая Ляда Тамбовской области, где у него имеется жилой дом на праве наследования, суд считает необходимым установить К.С. административные ограничения на срок административного надзора в виде: обязательной явки два раза в месяц в орган внутренних дел по месту жительства или пребывания для регистрации и запрещения выезда без разрешения органов внутренних дел за пределы Тамбовской области; запрета пребывания вне жилого и иного помещения, являющегося местом жительства с 22 часов 00 мин. до 6 час. 00 минут, если это не связано с работой в ночное время суток; обязать не посещать места употребления наркотических и алкогольных средств.

Довод К.С. о том, что установлением административного надзора ухудшается его положение осужденного, что противоречит нормам Конституции, является несостоятельным, поскольку установление административного надзора не ухудшает его положения как осужденного, не отягчает его ответственность, а устанавливает контроль за его поведением уже после отбытия наказания, по его месту жительства. В целях охраны общественных интересов государство вправе устанавливать такой контроль за лицами оп-

ределенных категорий. Установление административного надзора в отношении К.С. на срок для погашения судимости соответствует требованиям ст. 5 Федерального закона и отвечает задачам административного надзора.

Данное положение подтверждено и в определении Конституционного суда РФ от 22 марта 2012 г. № 597-О-О, в котором Конституционный суд отмечает, что установление административного надзора для предупреждения совершения правонарушений и оказания профилактического воздействия на лиц, освобождаемых или освобожденных из мест лишения свободы и имеющих непогашенную либо неснятую судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, преступления при рецидиве преступлений, умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего, при наличии предусмотренных Федеральным законом «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» оснований и в целях защиты государственных и общественных интересов (статьи 2 и 3), в частности, административные ограничения (статья 4) согласуются с нормой статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, допускающей ограничение прав и свобод человека и гражданина для защиты конституционно значимых ценностей, и являются соразмерными тем конституционно защищаемым целям, ради которых оно вводится.¹³

Таким образом, нельзя не отметить специфику рассмотрения данной категории дел, которая обусловлена, прежде всего, характером обслуживаемых, в данном случае, материальных правоотношений. На первый взгляд, данная категория дел может показаться абсолютно «чужеродной» для гражданского судопроизводства. Вместе с тем, она отвечает всем ключевым признакам производства по делам, возникающим из публичных правоотношений как отдельного вида гражданского судопроизводства. В то же время, уже указывавшаяся нами ранее материально-правовая специфика рассматриваемой категории дел не может не требовать от судей, профилирующихся на рассмотрении гражданских дел, дополнительных знаний в сфере уголовного права. В частности, практике известны случаи рассмотрения данных дел в порядке уголовного судопроизводства.¹⁴ В свете сказанного, весьма своевременной была бы дача официальных разъяснений и толкований Верховным Судом Российской Федерации по вопросам рассмотрения дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы и акцентирование внимания судей на необходимость строгого соблюдения требований норм действующего законодательства при рассмотрении гражданских дел рассматриваемой категории.

1. Фатеев, В. Адаптация и социализация после освобождения // Российский тюремный журнал. – 2009. – № 2 // <<http://www.zagr.org/475.html>> (последнее посещение: 07 сентября 2012 г.).

2. Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2037.

3. Так, например, с момента вступления в законную силу ФЗ от 06.04.2011 года с 01.07.2011 года по 01 марта 2012 года в Советский районный суд г. Омска поступило на рассмотрение 260 заявлений об установлении административного надзора // <<http://sovetsky.oms.sudrf.ru/>> (последнее посещение: 07 сентября 2012 г.); а в суды Ставропольского края за 2011 год (2-ое полугодие) и 5 месяцев 2012 года поступило 585 дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест

лишения свободы (глава 26.2 ГПК РФ), в том числе: 2011 год – 77 дел; 2012 год – 508 дел // Справка по итогам обобщения судебной практики рассмотрения судами края дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // <<http://www.stavsud.ru/>> (последнее посещение: 07 сентября 2012 г.).

4. Апелляционное определение Кемеровского областного суда от 04.05.2012 г. № 33-4300 // СПС «Консультант Плюс».

5. Справка по итогам обобщения судебной практики рассмотрения судами края дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Ставропольский край // <<http://www.stavsud.ru/>> (последнее посещение: 07 сентября 2012 г.).

6. Кассационное определение Саратовского областного суда от 22.12.2011 г. по делу № 33-6843/11 // СПС «Консультант Плюс».

7. В Московской области за уклонение от административного надзора осужден местный житель, освободившийся из мест лишения свободы // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Официальный сайт. < <http://genproc.gov.ru/news/news-77582/>> (последнее посещение: 07 сентября 2012 г.).

8. Кассационное определение Саратовского областного суда от 22.12.2011 г. по делу № 33-6843/11 // СПС «Консультант Плюс».

9. Кассационное определение Верховного Суда Республики Бурятия 9 ноября 2011 г. по делу № 33-3395 // СПС «Консультант Плюс».

10. К примеру, апелляционное определение Тульского областного суда от 12.07.2012 по делу № 33-1953; апелляционное определение Тульского областного суда от 12.07.2012 по делу № 33-1952; апелляционное определение Тульского областного суда от 12.07.2012 по делу № 33-1951.

11. Так, Советским районным судом г. Омска за период с 01.07.2011 года по 01 марта 2012 года было вынесено 10 подобных определений // <<http://sovetsky.oms.sudrf.ru/>> (последнее посещение: 07 сентября 2012 г.).

12. К примеру, см.: апелляционные определения Орловского областного суда от 29.05.2012 г. по делу № 33-856; Тамбовского областного суда от 12.07.2012 по делу № 33-1704; Вологодского областного суда от 15.06.2012 по делу № 33-2354/2012 и от 28.03.2012 по делу № 33-1024/2012 // СПС «Консультант Плюс».

13. Апелляционное определение Тамбовского областного суда от 12.07.2012 г. по делу № 33-1704 // СПС «Консультант Плюс».

14. Так, Кассационным определением судебной коллегии от 28.03.2012 года постановление судьи Промышленного районного суда г. Ставрополя от 19 сентября 2011 года отменено по причине того, что, в нарушение требований закона, заявление начальника ФКУ ИК-11 судьей рассмотрено в порядке уголовного, а не гражданского, судопроизводства. Материал направлен в суд на новое рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства. Однако анализ представленных копий судебных решений свидетельствует о том, что в судах Ставропольского края в 2011 году (после 1 июля 2011 года) все же продолжали иметь место случаи рассмотрения заявлений об установлении административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, в порядке уголовного судопроизводства (к примеру, Пятигорский городской суд) // Справка по итогам обобщения судебной практики рассмотрения судами края дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Ставропольский край // <<http://www.stavsud.ru/>> (последнее посещение: 07 сентября 2012 г.).

ГАБИТДИНОВ Р.Ф.,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса,
Оренбургский институт (филиал) МГЮА имени О.Е. Кутафина,
460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, тел.: 8 (3532) 72-22-77,
post@oimsla.edu.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ВЕЩНЫХ ПРАВ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

***Ключевые слова:** принцип добросовестности, проявление принципа добросовестности в нормах гражданского права, принцип добросовестности при создании долевой собственности.*

Данная научная статья посвящена проявлению принципа добросовестности, предусмотренного в Концепции развития гражданского законодательства.

***Key words:** the principle of good faith, the manifestation of the principle of good faith in the rules of civil law, the principle of good faith to create shared ownership.*

This article focuses on the scientific manifestation of good faith under the Concept of development of civil law.

Концепция развития гражданского законодательства, принятая Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07 октября 2009 года и подготовленная на основании Указа Президента Российской Федерации от 18 июля 2008 года №1108 «О совершенствовании Гражданского Кодекса РФ» констатировала, что за время, прошедшее с начала 90-х годов прошлого столетия, в России в основном сложилось экономически, социально и политически обоснованное и, в целом, оправдавшее себя современное гражданское законодательство. Основой и ядром этого законодательства стал Гражданский кодекс РФ 1994-2006 гг. — система принципиальных и наиболее важных правовых норм, являющихся в значительной части общими для гражданского законодательства и в определенной части — для российского законодательства в целом. В условиях демократического правового государства свобода и многовариантность экономического поведения участников гражданского оборота с самого начала предопределили в новом гражданском законодательстве России многообразие опосредующих этот оборот правовых норм и используемых в нем правовых средств. Однако в последующем, как указывается в Концепции, «обширная практика определения гражданского законодательства судами показала, что многие общие положения гражданского кодекса нуждаются в дополнениях и детализации, отсутствие которых не может быть восполнено судебными толкованиями... интенсивное развитие экономики вообще и финансового рынка в особенности требуют адекватному этому развитию регулирования...»¹

Нами ранее многократно обращалось внимание на необходимость совершенствования гражданско-правового механизма регулирования и, в частности, указывалось на проблемные аспекты реализации принципов как гражданского, так и жилищного права.

Одним из актуальных вопросов в механизме правового регулирования стал вопрос о внедрении основополагающего принципа гражданского права, в частности, принципа добросовестного и надлежащего осуществления гражданских прав и исполнения гражданских обязанностей. Как указывается в Концепции, «введение этого принципа в гражданский кодекс направлено на укрепление нравственных начал гражданско-правового регулирования». На наш взгляд представляется также, что данный факт будет способствовать разграничению добросовестного и недобросовестного поведения, в частности, такого недобросовестного поведения как злоупотребление правом. Для детального рассмотрения данного принципа необходимо провести его детализацию. Принцип добросовестности состоит из двух слов, слитых в одно словосочетание: добро и совесть. Добро есть категория нравственная, точно также, как и совесть. В советской литературе добро закономерно определялось с позиции марксистской этики как то, что общество считает нравственным, достойным подражания. В словаре С.И. Ожегова добро определяется как «всё положительное, хорошее, полезное».

Понятие добро не только нравственное, но и глубоко абстрактное понятие, так как вбирает в себя всю многогранность представлений разных слоев общества с разными установками о добре и зле, с разными, порой и антагонистическими интересами по поводу нравственных начал, сложившихся в обществе. Как справедливо подметил Г.В. Вердиян «человек изначально нейтрален, но в обществе подавляющее большинство его членов через процесс социализации усиливает именно добрые установки, за счет которых обеспечивается стабильность самого общественного устройства».⁴

Как отмечает Т.Ю. Дроздова «первоначальные представления о категории «добросовестность» зародились еще в римском праве, добросовестность

субъекта в обязательствах требовала поощрения и защиты, а добросовестность незаконного владельца уменьшала объем его ответственности перед собственником его имущества».⁵

Бесспорно, интересной представляется позиция относительно категории добра, высказанная Ф. Ницше, который задавался вопросом «действительно ли добро всегда «хорошо»; а зло – «плохо», а если все наоборот, и «хорошее» – только симптом регресса?». Если большинство членов общества по тем или иным причинам отойдут от общих представлений о нравственности и посчитают за добро то, что было пограничным явлением между добром и злом, то в таком случае при восприятии данной точки зрения большинством членов общества, мы придем к противоположному результату: в сознании людей добро сначала предстанет в искаженном виде, а затем понятие зла переместится на место понятия добра. Например, в обязательстве за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства должником наступает гражданско-правовая ответственность. Если же следовать зародившейся в англо-американской правовой системе понятию оговорок в праве, то есть правовым нормам, закрепляющим уход неисправного должника от гражданско-правовой ответственности, и если же эта система оговорок будет принята гражданским законодательством в России, возможно в дальнейшем выработать в обществе представление в виде правовой категории, согласно которой уход от ответственности за неисполнение обязательства, предположим, с целью сохранения долгосрочных договорных связей, будет восприниматься как благо или по-другому будет восприниматься как «добро, добросовестность поведения», но не как злоупотребление правом, иными словами, не как категория противоправности (или по-нашему, не как категория зла).

Вторая единая составляющая понятия добросовестности как предполагаемого принципа гражданского права – это совесть. Совесть также является категорией нравственной и, по нашему мнению, выступает индикатором добра. Совесть с философской точки зрения – способность человека, критически оценивая свои поступки, мысли, желания, осознавать и переживать свое несоответствие должному как собственное несовершенство; с культурно-исторической точки зрения идея и понятие совести складываются в процессе осмысления различных механизмов самоконтроля.⁶

Истоки добропорядочности и добросовестности в российском государстве испокон веков черпались из религиозных убеждений. В новом завете, в частности, в Соборном послании апостола Иакова «Да хвалится брат униженный высотой своей, а богатый – унижением своим, потому что он преидёт, как цвет на траве. Восходит солнце, настает зной, и зноем иссушает траву, цвет ее опадает, исчезает красота вида её; так увядает и богатый в путях своих...и так, братия мои возлюбленные, всякий человек да будет скор на слышание, медлен на слова, медлен на гнев, ибо гнев человека не творит правды Божией».⁷

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что принцип добросовестности, включаемый в гражданский кодекс вбирает в себя две единые нравственные составляющие – добро и совесть, которые являются философскими понятиями и многогранны по своему значению.

Отсюда следует вывод о том, что успех проявления принципа добросовестности в нормах гражданского права, прежде всего, будет зависеть от сформированных или формирующихся представлений гражданского общества о добросовестности и добропорядочности поведения субъектов гражданского права. При этом следует признать, что категория совести приносит значение субъективного осознания добра, общая добросовестности значение внутреннего регулятора поведения. Это означает, что проявление принципа добросовестности в гражданских правоотношениях, с одной стороны, зависит от нравственных установок гражданского общества (это есть объективный факт), а с другой стороны, от внутренних установок сформировавшейся личности, выступающей субъектом в гражданских правоотношениях (это субъективный факт). По этой причине для эффективного проявления принципа добросовестности необходимо выработать комплекс стимулирующих мер, которые побуждали бы субъект к их исполнению.

Таковыми механизмами могут быть общие меры гражданско-правовой ответственности в форме неустойки, штрафов, пени, потери задатка, а также специфические меры, например, лишение права на защиту недобросовестных обладателей прав и другие.

Развитию этого принципа, на наш взгляд, будет способствовать новое соотношение частных и публичных элементов в частном и публичном праве. В частности, представляются оправданными предлагаемые Концепцией четкие правила о способах защиты вещных прав, в которой свобода установления сторон ограничивается в интересах стабильности оборота и предсказуемости принадлежности правовых благ. Особое внимание уделяется именно стабильности гражданско-правового регулирования и устойчивости гражданского оборота. С этой целью принцип добросовестности, как указано в данной Концепции, должен распространяться на действия (поведение) участников гражданского оборота:

- при установлении прав и обязанностей (ведение переговоров о заключении договоров и т.д.);
- при приобретении прав и обязанностей;
- при осуществлении прав и исполнении обязанностей;
- при защите прав.

Принципу добросовестности должна подчиняться и оценка содержания прав и обязанностей сторон.

Очень кратко постараемся проследить проявление принципа добросовестности на всех четырех этапах, о которых говорится в Концепции.

Итак, первый этап при установлении прав и обязанностей сторон. На наш взгляд неоправданно узко возводит принцип добросовестности в основном на стадию ведения переговоров, устанавливая,

например, рамочные соглашения. Этот принцип может принести неопределимую пользу при решении проблемного вопроса с понятием вещи, состоящей из частей, которые, в свою очередь, могли бы являться самостоятельными вещами, как указывается в Концепции. В отечественном законодательстве отсутствуют известные зарубежным правовым порядкам правила, закрепляющие критерии, при которых включение одной вещи в состав другой вещи может означать потерю качеств самостоятельного объекта прав у первой из них.

Концепция предлагает дополнить ст. 133 ГК РФ «О неделимой вещи» правилами, определяющими правовой режим составной части сложной вещи. Такой составной частью вещи целесообразно считать всё то, что относится к её составу согласно представлениям участников гражданского оборота и не может быть отделено от вещи без её разрушения, повреждения или изменения её функционального назначения. В качестве дополнительного критерия должен быть предусмотрен подход, как указано в Концепции, согласно которому временное соединение вещей не должно образовывать единой сложной вещи и прекращать права на соединенные вещи. По данному поводу следует обратить внимание, что если определять составные части вещи, согласно представлениям участников гражданского оборота, вполне возможно, что данные представления участников гражданского оборота будут различными, и вот именно в этом случае станет актуальным применение принципа добросовестности при установлении прав и обязанностей на сложную вещь.

Далее в Концепции указывается, что одним из важнейших принципов, положенных в основу оспаривания решений собрания, законодательно должен быть провозглашен принцип относимости (каузальности) нарушения. Он состоит в том, что если голосование лица, права которого нарушены оспариваемым решением, не могло повлиять на его принятие, решение не должно признаваться судом недействительным. В решении этого вопроса существенное значение имеет применение принципа добросовестности, в частности, к числу оснований признания решения, не имеющим юридической силы Концепция относит: принятие собранием, которое проведено с существенным нарушением законодательства, правила оформления протокола собрания; нарушение решением по своему содержанию правил, имеющих целью исключительно или преимущественно защиту кредиторов или публичных интересов, в том числе, принятие мнимых и притворных решений; противоречие содержания решений основам правового порядка или нравственности. Если к данным основаниям в полной мере распространить принцип добросовестности участников гражданского оборота в совокупности с мерами гражданско-правовой ответственности, то в таком случае можно будет, на наш взгляд, наблюдать действие эффективного механизма принятия правомерных и обоснованных решений коллегиальными образованиями, в том числе, и юридическими лицами.

Концепция развития гражданского законодательства предусматривает существенные изменения обновлению законодательной базы о вещных правах, в частности, предлагает внести полноценную систему ограниченных вещных прав, введя в гражданский оборот понятие «владение», «владельческая защита», «общие положения о вещных правах», «право собственности», «ограниченные вещные права». Понятие владения как господство над вещью невозможно представить без проявлений принципа добросовестности, причем как при осуществлении правомочия как законного, так и незаконного владельца. Владельческая защита, как указывается в Концепции, направлена на оперативную защиту интересов владельца лишь от самоуправного лишения владения. Лицо, передавшее владение вещью другому лицу по своей воле не имеет права на владельческую защиту. При проявлении принципа добросовестности на положение о владельческой защите будет способствовать соблюдению баланса интересов между собственником и владельцем вещи.

Сочетание принципа добросовестности в сочетании с признаками вещного права должны проходить красной нитью через все признаки вещных прав. Следует напомнить, что вещные права называют правами на имущество. Они являются разновидностью субъективных гражданских прав и наделяют носителя полномочиями манипулировать вещами в силу господства над ними. Через категорию господства определяет вещные права и Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: «...вещные права обременяют вещь (имущество), обеспечивают их обладателям господство над соответствующей вещью (имуществом) и следуют за вещью». Выполнение манипуляций с вещами возможно лицом и не имеющим вещного права в отношении неё. Например, подрядчик может изменять вещь заказчика. Но такое полномочие основано не на господстве подрядчика над вещью, а на поручении заказчика. В связи с этим, важно подчеркнуть, что вещное право принадлежит только тому, кто своей властью, волей и в своем интересе уполномочен воздействовать на принадлежащий ему материальный объект.

Непосредственная связь субъекта права с таким объектом как вещь (имущество), предопределило некоторые особенности вещных прав. Принято считать, что вещное право наделяется признаками бессрочности (продолжительности). Оно существует настолько долго, насколько может существовать субъект (гражданин, юридическое лицо и т.д.) и объект (вещь, имущество). Предельный срок существования вещного права, как правило, не ограничен. При обычном течении только смерть (ликвидация) субъекта, его воля на прекращение права или уничтожение объекта как предмета материального мира могут привести к разрушению связи между ними и прекращению вещного права.

Вещные права относят к числу абсолютных. Это означает, что отношению собственника к вещи противостоит неограниченное число лиц и все они

обязаны воздерживаться от посягательств в отношении принадлежащего субъекту вещного права имущества. Вещное право наделено также специфической способностью следовать за вещью. Так, в соответствии с п. 3 ст. 216 ГК РФ переход права собственности на имущество к другому лицу не является основанием для прекращения иных вещных прав на это имущество. Признаками всех вещных прав являются:

а) вещные права возникают и прекращаются по основаниям, установленным ГК РФ и изданными в соответствии с ним законами;

б) перечень вещных прав определяется исключительно ГК РФ;

в) содержание вещных прав определяется ГК РФ; порядок их осуществления определяется ГК РФ и изданными в соответствии с ним законами;

г) вещные права обременяют вещь (имущество), обеспечивают их обладателям господство над соответствующей вещью (имуществом) и следуют за вещью;

д) вещные права имеют преимущество перед иными имущественными правами на соответствующую вещь (имущество);

е) вещные права в отличие от иных субъективных гражданских прав подлежат вещно-правовой защите;

ж) соотношение правомочий собственника и обладателя ограниченного вещного права определяется правилами ГК РФ о соответствующем вещном праве;

з) вещные права на недвижимые вещи подлежат государственной регистрации и возникают с момента такой регистрации.

Как указывает Концепция в ГК РФ, следует закрепить следующий исчерпывающий перечень вещных прав:

- право пожизненного наследуемого владения земельным участком, относящимся к государственной или муниципальной собственности;

- право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, относящимся к государственной или муниципальной собственности;

- право постоянного владения и пользования земельным участком (эμφитеυσις);

- право застройки земельного участка (суперфиций);

- сервитут;

- право личного пользования (узифрукт);

- ипотека и иное зарегистрированное (учтенное) залоговое право;

- право приобретения чужой недвижимой вещи;

- право вещных выдач;

- право оперативного управления имуществом, относящимся к государственной или муниципальной собственности.

Необходимо установить следующие правила в отношении объектов вещных прав:

а) объектами вещных прав могут быть индивидуально определенные вещи, а также вещи, опре-

деленные родовыми признаками, в случае их индивидуализации;

б) в случае приобретения совокупности вещей (в составе имущественного комплекса, комплекта товаров и т.п.) вещное право возникает на каждую вещь;

в) круг объектов некоторых вещных прав может быть ограничен (например, только земельными участками или только объектами недвижимости).

Следует закрепить в ГК РФ правила об осуществлении вещных прав, а именно:

а) вещные права осуществляются в пределах, установленных ГК РФ и изданными в соответствии с ним законами, без нарушения прав и законных интересов других лиц (соседских прав);

б) при наличии нескольких вещных прав на одну и ту же вещь преимуществом обладает вещное право, возникшее ранее (старшинство вещных прав);

в) раздел, объединение вещей либо присоединение вещи, обремененной вещным правом, к другой вещи не влечет прекращения соответствующего вещного права (обременения), если иное не установлено законом или соглашением сторон.

В иных законах, кроме ГК РФ, могут быть определены особенности субъектов и объектов вещных прав, а также порядка осуществления этих прав в пределах, установленных ГК РФ.

Следует ограничить применение правил о вещных правах к иным гражданским (в том числе обязательственным) правам. В ГК РФ необходимо установить закрытый перечень вещно-правовых способов защиты вещных прав и положения об основных особенностях их применения, в том числе:

а) о наделении обладателя вещного права, дающего владение вещью, возможностью предъявлять виндикационный и негаторный иски;

б) о наделении обладателя вещного права, не дающего владение вещью, возможностью предъявлять только негаторный иск;

в) о праве собственника использовать вещно-правовые способы защиты наряду с обладателем ограниченного вещного права на ту же вещь;

г) о защите вещного права на недвижимое имущество, если оно зарегистрировано в ЕГРП за другим лицом, посредством иска о признании права и отмены государственной регистрации. Если отсутствуют основания для удовлетворения виндикационного иска, в том числе вследствие истечения срока исковой давности, то в удовлетворении иска о признании права должно быть отказано. Лицо, считающее себя собственником, вправе сразу предъявить виндикационный иск к лицу, чье право зарегистрировано в реестре;

д) о возможности обладателя вещного права предъявлять требование об освобождении вещи от ареста (исключения из описи).

Концепция устанавливает правовой режим находящихся в государственной и муниципальной собственности земельных участках, на которых расположены здания, что ранее не было установлено. Данный факт приводил к тому, что государственные

и муниципальные органы могли распоряжаться соответствующими земельными участками по своему усмотрению, при этом нарушались законные права и интересы собственников помещений в зданиях, находящихся на данных участках. Концепция предусматривает установить следующее правило, согласно которому с момента приобретения в частную собственность хотя бы одного помещения в здании, государство или муниципальное образование не вправе распоряжаться земельным участком занятым зданием, необходимым для его использования. Это положение затрагивает интересы участников долевого строительства. При долевом строительстве государственная регистрация права собственности на помещение возможна только после государственной регистрации права собственности застройщика на здание, в котором находятся эти помещения.

На практике нередки случаи, когда строительные компании в обход Федерального Закона «Об участии в долевом строительстве» не имея утвержденной проектно-сметной документации, привлекают значительные финансовые средства по договорам займа между инвесторами, дольщиками, обязуясь возвратить предоставленные финансовые средства в виде готовой квартиры.

30.12.2011 года рассматривалось дело между участниками долевого строительства и строительной компанией «Квартал». Между МУП «Управление капитального строительства» Муниципального образования г. Оренбург («Заказчик») и ООО «Строительная компания «Квартал» («Инвестор») 23.03.2007 года был заключен договор инвестирования строительства 13-этажного одноподъездного жилого дома со встроено-пристроенными нежилыми помещениями, расположенного в г. Оренбурге, на земельном участке, площадью застройки 433,1 кв. м., находящимся в 30.0 метрах по направлению на восток от ориентира жилого дома, расположенного за пределами участка – ул. Терешковой, дом №243/1 в рамках Федерального закона от 25.02.1999 года № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации».

Согласно данному договору Инвестор принимает на себя обязательство по финансированию строительных работ по Объекту с правом получения в полном объеме в качестве результата инвестиционной деятельности квартир и нежилых помещений, расположенных в строящемся доме, в собственность, а заказчик принимает на себя обязательство по организации строительства и ведению технического надзора на период строительства.

По условиям договора Инвестор имеет право привлекать третьих лиц (соинвесторов) для осуществления инвестирования строительства, в связи с чем, самостоятельно от своего имени заключает договоры инвестирования квартир (за исключением договоров с физическими лицами) или нежилых помещений в строящемся Объекте.

По завершении строительства Объекта и утверждения Акта государственной приемочной комиссии, при надлежащем исполнении Инвестором всех

своих обязательств по настоящему договору, Заказчик передает Инвестору или третьим лицам (соинвесторам), привлеченным им в соответствии с настоящим договором, жилые и нежилые помещения на объем капитальных вложений для регистрации права собственности на недвижимость.

Срок выполнения работ по договору были определены с марта 2007 года до даты утверждения акта государственной приемочной комиссии.

17.03.2009 года МУП «УКС» МО г. Оренбург получено разрешение на строительство указанного Объекта, утверждена проектно-сметная документация.

Между ответчиком ООО «Строительная компания «Квартал» и истцами были заключены договоры займа денежных средств, которые были перечислены истцами (Займодавцами) на счет ООО «СК «Квартал» (Заемщика).

По условиям договоров займа заемные денежные средства используются на строительство жилого дома по ул. Терешковой.

Возврат суммы займа осуществляется путем зачисления денежных средств в счет оплаты стоимости жилого дома по ул. Терешковой, 243 в г. Оренбурге.

По условиям предварительных договоров купли-продажи указанные квартиры и нежилые помещения будут проданы покупателям после получения Продавцом разрешения на ввод жилого дома в эксплуатацию.

Если по каким-либо причинам, например, при отсутствии финансовых средств достройка жилого дома оказывается невозможной по вине застройщика, то в таком случае обязательства дольщиков, которые, с одной стороны, выступают собственниками (инвесторами) денежных средств, оказывались заложниками в обязательствах, так как олицетворение, превращение указанных денежных средств в квартиры становится возможным только при сдаче объекта в эксплуатацию и в дальнейшем приобретение права собственности на выстроенные квартиры, которые застройщик обязан был бы передать дольщикам, однако застройщик, не достроив объект, не приобретает право собственности на него, а это значит то, что граждане, вложившие в строительство денежные средства, имеют лишь право на возврат вложенных средств и ни на что больше.

В этом проявляется хрупкая связь между вещными и обязательственными правоотношениями. Передавая денежные средства, их собственник превращается в кредитора, ожидающего надлежащего исполнения обязательства. Остается надеяться на изменение гражданского законодательства, которые предусматривают правила, согласно которым правила собственности застройщика при не отведенном земельном участке, то есть на самовольную постройку, может признаваться при условии выплаты компенсации собственнику земельного участка. Согласно положению Концепции добросовестный приобретатель признается собственником приобретенного им по сделке недвижимого имущества с момента государственной

регистрации его права собственности, если не доказано, что собственником является иное лицо. При таких обстоятельствах, участнику долевого строительства предоставлено право доказывать добросовестность приобретения недвижимого имущества и требовать государственной регистрации своего права по решению суда. В ракурсе решения данного вопроса первостепенное значение имеет проявление и применение принципа добросовестности исполнения прав и обязанностей со стороны кредиторов — дольщиков. Дольщикам остается право требовать исполнения обязательства со стороны должника, доказывая добросовестность поведения самого себя, то есть кредитора.

На наш взгляд, является совершенно обоснованным включение в Концепцию правила, согласно которому «для решения вопроса о собственнике объекта незавершенного строительства не имеет значения, был ли объект построен собственными силами собственника земельного участка, либо возник в результате исполнения договора строительного подряда; не имеет значения также был договор строительного подряда прекращен или нет. Необходимо предусмотреть в законе правила, стимулирующие

собственника объекта незавершенного строительства к завершению объекта». На наш взгляд, такими мерами стимулирования может выступить принцип добросовестности исполнения обязательства, применяемый в совокупности с гражданско-правовыми способами обеспечения исполнения обязательств и мерами гражданско-правовой ответственности. Также стоит отметить, что Концепция предусматривает установление права собственности ещё на непостроенный объект недвижимости через приобретение права на земельный участок, на который этот объект возводится. Этот вывод прямо вытекает из Концепции единого объекта.

В заключении хотелось бы отметить, что обеспечению стабильности гражданского оборота, исключению защиты недобросовестных участников оборота могло бы служить последовательное проведение на уровне законодательной политики не только принципа сохранения однажды заключенного договора, как указывается в Концепции, но и применение в каждом конкретном случае осуществления вещных и обязательственных прав участниками гражданского оборота принципа добросовестности.

-
1. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07 октября 2009 года).
 2. Некоторые проблемные аспекты реализации права граждан на жилище // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. Выпуск № 14. Оренбург, 2011.
 3. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: АЗЪ, 1995. – С. 165.
 4. Вердиян, В. Г. Понятие «добро» и «добросовестность» в советском и российском праве.
 5. Дроздова, Т. Ю. Добросовестность в российском гражданском праве: Дисс...канд. юрид. наук. – Иркутск, 2004. – С. 31-32.
 6. Электронный ресурс. Философский словарь/<http://enc-dic.com/philosophy/Sovest-2177.html>
 7. Новый завет, France, Taize, 1989. – С. 201

ЛОМАКИНА Е.В.,

к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса,
Оренбургский институт (филиал) МГЮА имени О.Е. Кутафина,
460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, тел.: 8 (3532) 72-22-77,
post@oimsla.edu.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НОТАРИАТА

Ключевые слова: нотариат и нотариальная деятельность, концепция, Федеральная нотариальная палата, нотариальная тайна.

Отражены новейшие перспективы развития законодательства о нотариате, проанализирован проект Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации». Кроме того, в статье раскрыты цели и задачи законопроекта, проведен анализ его достоинств и недостатков, раскрыты предложения Федеральной нотариальной палаты Российской Федерации по этому вопросу. Автором положительно оценены предложения по введению реестров лиц, наделенных правом совершать нотариальные действия по передаче нотариусу дополнительных полномочий и др.

Key words: notaries and notary activities, the concept, the Federal Chamber of Notaries, Notary mystery.

Reflect the latest trends in the development of legislation on notaries, reviewed a draft federal law on notary and notary in the Russian Federation. « In addition, the article reveals the goals and objectives of the bill, an analysis of its strengths and weaknesses are disclosed proposals of the Federal Notary Chamber of the Russian Federation on this issue. The author has positively evaluated the proposals for the introduction of registers of persons empowered to perform notarial acts, a notary public to transfer additional powers, etc.

Действующая нормативно-правовая основа деятельности нотариата исчерпала свои возможности и не соответствует современному уровню правового и экономического развития страны.

Разрабатываемый Министерством юстиции РФ совместно с Федеральной нотариальной палатой РФ проект Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в РФ» предусматривает качественно новый и более высокий по уровню подход к правовому регулированию нотариата в России.

Анализ положений данного законопроекта позволяет выделить следующие возможные перспективы использования потенциала нотариата.

Во-первых, введение на всей территории Российской Федерации небюджетной модели нотариата.

В настоящее время в соответствии с Основами законодательства РФ о нотариате нотариальные действия в Российской Федерации совершают нотариусы, работающие в государственных нотариальных конторах или занимающиеся частной практикой (смешанная модель).

По состоянию на 1 января 2009 г. в Российской Федерации действовали 7357 нотариусов, занимающихся частной практикой, и 55 нотариусов, работающих в государственных нотариальных конторах. При этом наличие государственных нотариальных контор не решает проблему обеспечения нотариальной помощью населения экономически нерентабельных районов. Например, в Республике Башкортостан и Республике Тыва, несмотря на значительное количество государственных нотариальных контор, имеются 7 вакантных должностей нотариуса. При наличии государственных нотариальных контор в

Республике Саха (Якутия) из 82 должностей нотариусов 25 вакантны, в Магаданской области из 23 должностей вакантны 7¹.

Связано это, прежде всего, с отсутствием законодательного урегулирования ряда вопросов, касающихся порядка открытия, деятельности и упразднения государственных нотариальных контор. Возложение обязанности по их финансированию и материально-техническому обеспечению на субъекты Российской Федерации вызывает неопределенность при реализации функций исполнительных органов власти федерального уровня, в том числе, по открытию и упразднению государственных нотариальных контор и осуществлению контроля за их деятельностью, не предусмотрены основания принятия решения об открытии указанных контор, не решен вопрос об органе государственной власти, определяющем количество работающих в них нотариусов, неясен статус и порядок назначения на должность этих нотариусов, а также помощников, стажеров и других сотрудников, работающих в государственных нотариальных конторах.

Решение указанных вопросов невозможно при сохранении обязанности по финансированию и материально-техническому обеспечению государственных нотариальных контор за субъектами Российской Федерации, однако даже возложение этой обязанности на федеральный бюджет не снимет вопросов, касающихся статуса нотариусов, работающих в государственных нотариальных конторах.

Следует согласиться с мнением А.М. Азнаева, который считает, что «государственный нотариат функционирует как традиционная бюрократическая структура. В такой системе нотариусы – это чинов-

ники (агенты), которые получают заработную плату вне зависимости от результатов своей деятельности и не несут имущественной ответственности за нарушение норм права при ее осуществлении, в отличие от частного нотариата».³

В связи с изложенным, представляется целесообразным введение на всей территории Российской Федерации небюджетной модели нотариата, при которой нотариус, статус которого определяется как публичная должность, осуществляет нотариальные действия от имени Российской Федерации. Переход к данной модели может быть осуществлен одновременно или поэтапно в течение определенного срока. Таким образом, введение небюджетной модели нотариата на всей территории РФ позволит, во-первых, избежать двойственности статуса нотариата и, во-вторых, приблизиться к стандартам Международного союза латинского нотариата.

Необходимо отметить, что некоторые авторы выступают за продолжение работы государственных нотариальных контор. Так, по мнению О.В. Мананникова, для совершения нотариальных действий «в малонаселенных и труднодоступных районах» возможно сохранение существующего положения по легальному статусу государственных нотариальных контор и возложение обязанности не только по открытию и упразднению, но и по государственному финансированию нотариальных контор в таких районах на соответствующий контролирующий орган. Кроме того, автор отмечает, что «такой подход отражает специфику России по сравнению с другими странами латинского нотариата и учитывает менталитет российского общества».⁴

Следующей перспективой развития нотариата является возложение на нотариуса обязанности по комплексному оказанию юридической помощи (консультированию, сбору необходимых документов, передаче документов на регистрацию прав и юридических лиц, медиации, присутствию на заседаниях органов управления юридических лиц по вопросам избрания (назначения) органов управления, распоряжения имуществом, более широкому использованию депозитов нотариусов и т.д.).⁵

Предоставляя нотариусам возможность комплексного оказания юридической помощи, следует понимать, что данная деятельность может осуществляться постольку, поскольку она связана непосредственно с совершением конкретного нотариального действия.⁶ Кроме того, отмечается, что нотариус не оказывает юридических услуг и не конкурирует с частными лицами, работающими на этом рынке.⁷

Установление возможности комплексного оказания юридической помощи нотариусом заинтересованным лицам является одним из столпов проводимой реформы нотариата. В целях реализации прав и законных интересов граждан и юридических лиц предполагается, что нотариус будет иметь право осуществлять консультирование, собирать необходимые для совершения нотариального действия сведения путем получения юридически значимой информации от государственных органов, организаций, юри-

дических и физических лиц, принимать меры к предотвращению споров, примирению сторон и осуществлению расчетов и совершать другие действия в соответствии с федеральным законодательством.

Следует отметить, что ряд указанных полномочий был установлен и ранее, в ст. 15 Основ законодательства РФ о нотариате, однако не носил комплексного характера, не предполагал полного и единого направления осуществления действий⁸ по защите прав и интересов граждан и организаций. Новеллой законопроекта является возможность представления лиц, обратившихся за совершением нотариальных действий, нотариусом при выполнении регистрационных и иных действий, с которыми закон связывает наделение нотариального акта полной юридической силой, и в иных случаях, предусмотренных законом.

По мнению некоторых авторов в перечень обязанностей нотариуса не может входить бесплатное консультирование и по большому счету не может осуществляться. Такая деятельность может осуществляться за рамками нотариальной деятельности иными юристами нотариальных палат. При этом правильнее было бы осуществлять консультирование за счет средств соответствующих бюджетов (по-видимому, местных), поскольку средства на бесплатное консультирование – это в конечном счете средства граждан, уплаченные за принятие нотариальных актов, которые обеспечивают гарантии гражданам и юридическим лицам. Бесплатное консультирование для одних приводит к росту расходов для других. Это не исключает необходимости разъяснения нотариатом содержания своей деятельности.⁹ Таким образом, консультирование граждан нотариусами осуществляется лишь в процессе подготовки нотариального акта и в связи с его содержанием.

Согласно принципам латинского нотариата, основная функция нотариуса – придание частным соглашениям аутентичного характера, особой доказательственной и исполнительной силы, защита публичного интереса. Данное положение должно найти свое закрепление в законодательстве, устанавливаемом, в свою очередь, доказательственную и исполнительную силу и публичное признание нотариально оформленных документов в виде нормы об освобождении от доказывания в судебном процессе обстоятельств, содержащихся в нотариально удостоверенном документе (с сохранением у лиц, участвующих в деле, права оспаривания данных нотариально оформленных документов).¹⁰ Данная мера позволит «разгрузить» суды, сэкономить время и материальные средства участников гражданских правоотношений.¹¹

Ученые-теоретики небезосновательно полагают, что нотариальный акт, по сравнению с актом, совершенным в простой письменной форме, является более безопасным¹² и имеет повышенную доказательственную силу.¹³ Прежде чем удостоверить нотариальный акт, нотариус непосредственно выполняет определенную последовательность нотариальных действий, посредством которой он устанавливает наличие или отсутствие каких-либо обстоятельств. Все действия но-

тариуса фиксируются в реестре для регистрации нотариальных действий и в нарядах, предусмотренных номенклатурой дел для конкретного нотариального действия, например алфавитная книга учета завещаний. В нотариальном акте могут быть указаны и сведения о паспортных данных гражданина, наличии у него собственности на день удостоверения нотариального акта и иные сведения, имеющие в рассмотрении конкретного дела в суде чрезвычайно важное значение.

Ориентация на признание исполнительной силы нотариального акта является, в целом, на сегодняшний день общеевропейской и отвечает объективным требованиям времени. Принцип исполнимости нотариальных (аутентичных) актов наравне с судебными решениями провозглашают: Луганская конвенция от 16 сентября 1988 г. о международной подсудности и исполнении иностранных решений по гражданским и торговым делам (ст. 50); Регламент Совета Евросоюза от 22.12.2000 № 44/2001 о юрисдикции, признании и принудительном исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам (ст. 57); Регламент Совета Евросоюза от 21.04.2004 № 805/2004 о создании европейского исполнительного листа для бесспорных требований (ст. 25).¹⁴

Исполнительная сила нотариальных актов признается также в ряде международных соглашений, участницей которых является Российская Федерация. В частности, подобные положения содержатся в ст. 51 Минской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22 января 1993 г.), в ст. 26 Договора между СССР и Италией о правовой помощи по гражданским делам, в ст. 52 Договора между Россией и Польшей о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам.

Таким образом, закрепление за нотариальными актами повышенной доказательственной и исполнительной силы является логичной и необходимой новеллой законопроекта.

Немаловажной перспективой развития нотариата является использование его потенциала в примирительных производствах (медиация).

По мнению большинства авторов, медиация представляет собой самостоятельное разрешение конфликта его сторонами при поддержке нейтрального третьего лица, не обладающего полномочиями по разрешению спора. Это отличает медиатора не только от судьи (третейского или государственного суда), но и от посредника, который при разрешении спора представляет проект соглашения, который, в свою очередь, стороны конфликта принимают либо отклоняют. Особенность деятельности медиатора, в отличие от деятельности посредника, состоит в оказании помощи при поиске сторонами решения, которое было бы ориентировано не столько на их требования, сколько на интересы, лежащие в основе их позиций. Медиаторы исходят из того, что предъявленное требование представляет собой лишь «переход из проекции интересов в проекцию права». На первый план выходит осознание своих интересов, позволяющее заключить взаимоприемлемое соглашение.¹⁵

Принципы медиации, а также такие характерные для медиации черты, как соблюдение абсолютного нейтралитета и беспристрастности, независимость от других лиц, повышенная ответственность за свои действия и ряд других, органически присущи нотариальной деятельности.

Представители разных профессий спорят о том, кто из них больше подходит к работе в качестве медиатора. По мнению М.Е. Бабич, это зависит от того, какое решение хотят принять сами стороны. Если участникам спора необходимо разъяснение правовых последствий возможного решения или даже указание на результат судебного разбирательства по этому вопросу, то участие медиатора с юридическими полномочиями является более целесообразным.¹⁶

Признавая потенциал развития процедур медиации в нотариальной практике, О.В. Ситникова выделяет следующие преимущества проведения медиации при участии нотариуса по сравнению с разрешением спора сторонами самостоятельно, с привлечением каждой из них юристов или в судебном порядке:

- быстрота и невысокий размер издержек по сравнению с разрешением спора в судебном порядке;
- высокий потенциал добровольной исполнимости достигнутого соглашения в силу авторитета, а в ряде случаев и исполнительной силы нотариального акта, а также вследствие самостоятельности сторон в процессе достижения согласия и высокой степени их влияния на результат;
- обеспечение конфиденциальности процесса достижения согласия, а также создание гарантий для сохранения здоровой морально-психологической атмосферы в отношениях сторон после достижения результата.¹⁷

Следует отметить, что в Германии допускается осуществление функций медиатора нотариусами в рамках оказания юридической помощи. На основе принципов беспристрастности, нотариальной тайны и ответственности за результат нотариусы осуществляют функции медиатора как при удостоверении актов, так и при проведении специальных примирительных процедур (например, при некоторых категориях споров, связанных с вещными правами, с наследованием и т.п.). Участие нотариусов Российской Федерации в качестве посредников (медиаторов) возможно при разрешении споров, вытекающих, в частности, из брачно-семейных, жилищных, наследственных правоотношений.¹⁸

Важно подчеркнуть, что использование в нотариальных конторах любых медиационных процедур может снизить количество последующих обращений в судебные инстанции, тем самым уменьшив нагрузку на суды, повысить эффективность и ускорить производство самих нотариальных действий, а также, во многих случаях уменьшить размер издержек при урегулировании спорной ситуации.¹⁹

Наиболее оптимальной является позиция А.К. Большовой, В.В. Ралько, считающих возможным участие нотариуса в процедуре медиации в случае обращения к нему за утверждением достигнутого

ими соглашения. Тогда этому соглашению придается обязательная сила, и оно может быть исполнено в принудительном порядке.²⁰ Данная позиция объясняется неразвитостью медиативного способа разрешения правовых конфликтов в России на сегодняшний день. Нет соответствующих фирм или нотариусов, которые бы постоянно на профессиональной основе оказывали посреднические услуги. Также нет и доступных образовательных учреждений, которые бы готовили нотариусов к проведению посреднических процедур. И самое главное – в России среди нотариусов и других юристов еще не сформировалось мировоззрение, охватывающее концепцию сотрудничества при разрешении правовых конфликтов.

Современное состояние общества в целом и правовой системы в частности позволяет выделить в науке следующие перспективы развития нотариата.

Во-первых, исключение нотариата из совместного ведения РФ и ее субъектов и включение его в ст. 71 Конституции РФ, предусматривающую предметы ведения Российской Федерации.²¹

Несмотря на важную роль в деятельности по реализации и охране прав и свобод, нотариат находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов (ст. 72 Конституции РФ). Вместе с тем судостроительство, гражданское, гражданско-процессуальное законодательство находятся в ведении РФ.

Как показывает опыт других стран, федеративное устройство приводит к необходимости сотрудничества центра и составных частей федерации. Однако идентификация предметов совместного ведения РФ и ее субъектов является одной из актуальнейших проблем науки и практики. И.А. Умнова полагает, что это связано, прежде всего, с противоречивостью самой конституционной модели разграничения полномочий.²²

Например, у законодателей субъектов РФ имеется возможность дополнения законодательства о нотариате, что уже встречалось на практике.²³ Проводимые исследования также подтверждают, что законы субъектов РФ по регулированию отношений в сфере нотариата не во всех положениях соответствуют федеральному законодательству.²⁴ В конечном счете такое положение может привести к нарушениям прав и законных интересов граждан.

Вторым наглядным примером является указание в ст. 71 Конституции РФ положения о том, что регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина находятся в ведении Российской Федерации. И это логично, так как право на защиту является одним из приоритетных в классификациях прав человека. В то же время, Основами законодательства о нотариате предусмотрено, что главной целью нотариата является защита прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами от имени Российской Федерации предусмотренных законодательными актами нотариальных действий.

Таким образом, отнесение нотариата к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов представляется не совсем логичным и

скорее обусловлено длительным выполнением нотариатом незначительных функций в недалеком прошлом. Внешние недостатки такого регулирования могут быть выявлены достаточно скоро.

Во-вторых, включение нотариата в систему органов и учреждений ювенальной юстиции.²⁵

В соответствии со ст. 1 Основ законодательства РФ о нотариате нотариат осуществляет защиту прав и интересов граждан путем совершения нотариальных действий от имени Российской Федерации, а следовательно, и прав детей. Однако в законопроектах, научных исследованиях, посвященных ювенальной юстиции, не предусматривается участие нотариуса в защите законных прав несовершеннолетних. По мнению И.М. Леженниковой, такое положение представляется не совсем верным, так как нотариус, совершая нотариальные действия, направленные на защиту законных прав и интересов ребенка, действует от имени государства, а не как частное лицо или представитель какого-либо государственного органа или учреждения.²⁶ Такое право предоставлено ему законом,²⁷ следовательно, нотариус может быть включен в систему органов и учреждений ювенальной юстиции. Следует подчеркнуть, что в настоящее время в России из всех субъектов ювенальной юстиции от имени государства действует только суд.

К нотариальным действиям, направленным на защиту законных прав ребенка, можно отнести: удостоверение сделок; выдачу свидетельства о праве на наследство на имя несовершеннолетнего; удостоверение согласия родителей на выезд несовершеннолетнего ребенка за пределы РФ; удостоверение письменного обязательства собственников недвижимого имущества в связи с использованием «материнского капитала» и др.

Нужно заметить, что нотариус, в соответствии с правом, предоставленным ему законом, при совершении нотариальных действий одновременно осуществляет две функции. С одной стороны, он является гарантом прав и интересов несовершеннолетних, а с другой – осуществляет контроль за правильностью применения органами опеки и попечительства норм законодательства, защищающих права ребенка. Кроме того, закон возлагает на нотариуса обязанность по охране прав и интересов еще не родившегося ребенка. Нотариус должен приостановить выдачу свидетельства о праве на наследство, при наличии зачатого, но еще не родившегося наследника. Ребенок, родившийся после смерти наследодателя, включается в круг наследников.²⁸

Таким образом, предлагается включить нотариуса в систему ювенальной юстиции и законодательно закрепить это в Федеральном законе, например, в законе «О ювенальной юстиции» или «О нотариате», так как нотариус, защищая права ребенка в ходе осуществления нотариальных действий, выступает от имени государства, так же как и суд.

В-третьих, совершение нотариальных действий исключительно нотариусами.²⁹

В настоящее время существует перспектива постепенного отказа законодателя от концепции квазино-

тариата, т.е. наделения непрофессиональных лиц правом совершения отдельных нотариальных действий. В частности, по мнению Г.Г. Черемных, «не имеют никакого отношения к нотариату должностные лица консульских учреждений, местных органов власти, руководители военных частей, лечебных учреждений, мест лишения свободы и т.д., уполномоченные удостоверить лишь четко прописанные в законе документы, приравненные к нотариально удостоверенным, поскольку каждый из них входит в свою систему органов власти. Это настолько очевидно, что никаким новым законом³⁰ изложенное опровергнуть просто невозможно».

На Круглом столе Комитета Совета Федерации Федерального Собрания РФ по правовым и судебным вопросам по теме «Современное состояние нотариата в РФ и проблемы его реформирования» были высказаны различные мнения участников в отношении перспектив квазинотариата. Так, Ю.С. Любимов указал, что «очень остро стоит вопрос о деятельности муниципальных органов, которые выполняют нотариальные функции по совершенно непонятным правилам... Поэтому сейчас мы в качестве рабочей схемы рассматриваем отказ от государственного нотариата с возложением обязанностей по поддержанию нотариальной функции в малонаселенных и труднодоступных³¹ регионах на само нотариальное сообщество». Также высказал суждение в отношении «совершения нотариальных действий «не нотариусами» Г.Б. Мирзоев; по его мнению, «нужно от этого потихоньку отказываться, пойти по пути созда-

ния мировых (нотариальных) участков. По аналогии с мировыми судьями».³²

Следует отметить, что совершение нотариальных действий должностными лицами муниципальных образований далеко не лучший вариант организации правовой помощи населению. Ошибки органов местного самоуправления при совершении нотариальных действий уже проявляются на практике³³ и свидетельствуют о противоречивости действующего законодательства в части предоставления права совершения нотариальных действий органам местного самоуправления, непрофессиональном совершении отдельных нотариальных действий должностными лицами органов местного самоуправления, могут послужить обоснованному сомнению в достоверности нотариального действия, препятствием в получении выписки из реестра для регистрации нотариальных действий, а также нивелируют цель поступления денежных средств в бюджет соответствующего уровня.³⁴

Таким образом, в настоящее время имеет место совершенно обоснованная перспективная концепция, согласно которой осуществление нотариальной функции должно реализовываться исключительно нотариальным сообществом.

Представляется, что новое законодательство о нотариате приведет к приданию гражданско-правовым отношениям стабильного и бесконфликтного характера и позволит добиться повышения уровня доверия граждан к этому правовому институту.

1. Концепция проекта Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации» // <<http://www.notariat.ru/project>> (дата обращения: 18 мая 2012 г.).
2. Концепция проекта Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации» // <<http://www.notariat.ru/project>> (дата обращения: 18 мая 2012 г.).
3. Азнаев, А. М. Судебная власть о деятельности нотариата в России // Российский судья. – 2007. – № 10. – С. 6.
4. Манаников, О. В. О концепции развития нотариата в России // Российская юстиция. – 2008. – № 11. – С. 48.
5. Концепция проекта Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации» // <<http://www.notariat.ru/project>> (дата обращения: 18 мая 2011 г.).
6. Кузовков, И. А. Перспективы развития нотариальной формы защиты и охраны права в контексте разработки проекта Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации» // Закон. – 2010. – № 12. – С. 70.
7. Завьялов, А. А., Медведев, И. Г., Усович, Л. В. Стратегия развития нотариата как института, обеспечивающего защиту прав граждан в системе других юридических институтов // Закон. – 2010. – № 7. – С. 180.
8. Кузовков, И. А. Перспективы развития нотариальной формы защиты и охраны права в контексте разработки проекта Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации» // Закон. – 2010. – № 12. – С. 71.
9. Завьялов, А. А., Медведев, И. Г., Усович, Л. В. Стратегия развития нотариата как института, обеспечивающего защиту прав граждан в системе других юридических институтов // Закон. – 2010. – № 7. – С. 180.
10. Концепция проекта Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации» // <<http://www.notariat.ru/project>> (дата обращения: 18 мая 2012 г.).
11. Бабич, М. Е. Перспективы развития нотариата в Российской Федерации // Нотариус. – 2011. – № 2. – С. 39.
12. Ярков, В. В. Особенности рассмотрения судебных дел с участием нотариусов // Нотариальный вестник. – 2005. – № 6. – С. 40.
13. Медведев, И. Г. Письменные доказательства в гражданском процессе России и Франции: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2003. – С. 16-17.
14. Кузовков, И. А. Перспективы развития нотариальной формы защиты и охраны права в контексте разработки проекта Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации» // Закон. – 2010. – № 12. – С. 73.
15. Ригер, Г., Мим, К. Нотариус в качестве медиатора // СПС «Консультант Плюс».
16. Бабич, М. Е. Перспективы развития нотариата в Российской Федерации // Нотариус. – 2011. – № 2. – С. 39.
17. Ситникова, О. В. К вопросу о проведении процедуры медиации с участием нотариуса // Нотариус. – 2008. – № 5. – С. 7.
18. Алферов, И. А. Нотариальная форма защиты и охраны права и законного интереса: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – М., 2007. – С. 16-17.
19. Кузовков, И. А. Перспективы развития нотариальной формы защиты и охраны права в контексте разработки проекта Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации» // Закон. – 2010. – № 12. – С. 72.
20. Большова, А. К. О примирительной процедуре с участием посредника // Журнал российского права. – 2008. – № 5. – С. 100.

-
21. Сычев, О. М. Современные тенденции развития законодательства о нотариате // Закон. – 2009. – № 10. – С. 181.
 22. Умнова, И. А. Совместное ведение Российской Федерации и ее субъектов как предмет конституционного регулирования // Журнал российского права. – 1999. – № 11. – С. 29.
 23. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 04.08.2004 г. по делу № 16-Г04-14 // СПС «Консультант Плюс»; Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18.08.2003 г. № 86-Г03-9 // СПС «Консультант Плюс».
 24. Кашурин, И. Н. Нотариат в правовой системе Российской Федерации: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – 2005. – С. 17.
 25. Леженникова, И. М. Ювенальная юстиция в России и нотариат // Нотариус. – 2010. – № 6. – С. 48.
 26. Указ. соч. С. 47.
 27. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 г. № 4462-1 // Российская газета. – 1993. – 13 марта.
 28. Зайцева, Т. И., Крашенинников, П. В. Наследственное право. Комментарий законодательства и практика его применения. – М.: Статут, 2003. – Ст. 1163, 1166.
 29. Балышева, О. В. Нотариат и квазинотариат: перспективы правового регулирования // Нотариальный вестник. – 2011. – № 3. – С. 9.
 30. Черемных, Г. Г. Комментарий к проекту Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации» // Нотариус. – 2010. – № 1. – С. 5.
 31. Круглый стол Комитета Совета Федерации Федерального Собрания РФ по правовым и судебным вопросам по теме «Современное состояние нотариата в РФ и проблемы его реформирования» // Бюллетень нотариальной практики. – 2010. – № 2. – С. 13.
 32. Там же. С. 14.
 33. Обращение нотариальной палаты Краснодарского края в адрес администрации Краснодарского края от 12.03.2008 г. № 289/1-20//<<http://www.notariat.kuban.ru/>> (дата обращения: 10 марта 2012 г.).
 34. Сычев, О. М. Современные тенденции развития законодательства о нотариате // Закон. – 2009. – № 10. – С. 179.

МАРЧЕНКО Т.В.,

к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса,
Оренбургский институт (филиал) МГЮА имени О.Е. Кутафина,
460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, тел.: 8 (3532) 72-22-77,
post@oimsla.edu.ru

ПРАВО ПОТРЕБИТЕЛЯ НА ИНФОРМАЦИЮ

Ключевые слова: потребитель, информация, понятие информации, надлежащая информация, потребительское законодательство.

Работа посвящена исследованию права потребителя на информацию – одного из фундаментальных прав гражданина правового государства, провозглашенного на международном и национальном уровне. В ней исследуются признаки надлежащей информации: достаточность и достоверность.

Key words: Consumer, information, concept of the information, appropriate information, consumer law.

The work deals with the research of the consumer's information right – one of the fundamental rights of the citizen of the jural state, which was declared on the international and national level. The signs of the appropriate information are researched in it: sufficiency and trustworthiness.

Ст. 8 закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее Закон РФ «О защите прав потребителей») закрепила право потребителя требовать предоставления необходимой и достоверной информации об изготовителе (исполнителе, продавце), режиме его работы и реализуемых им товарах (работах, услугах). Данная норма получила свое развитие благодаря тому, что ранее действующий закон СССР от 22.05.1991 N 2184-1 «О защите прав потребителей» в ст. 13 предусматривал аналогичную обязанность продавца (изготовителя, исполнителя) предоставить потребителю полную, достоверную и наглядную информацию о своей деятельности и о своей продукции.

Однако право потребителей на информацию было регламентировано на международном уровне достаточно давно. 9 апреля 1985 г. Резолюцией 39/248 на 106-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН были приняты «Руководящие принципы для защиты интересов потребителей», имеющие приоритетное значение перед нормами внутреннего права. Наряду с другими они направлены на удовлетворение законных потребностей потребителей в доступе к соответствующей информации, необходимой для компетентного выбора в соответствии с индивидуальными запросами и нуждами. Согласно данной резолюции, политика правительств должна быть направлена на обеспечение информативного маркетинга. Следует поощрять организации потребителей к борьбе с фальсификацией, ложными или вводящими в заблуждение заявлениями с целью сбыта товаров и обманом потребителей в сфере обслуживания. Рекламная и торговая практика должна отвечать принципу справедливого обслуживания потребителей и правовым требованиям. Для чего необходимо предоставление соответствующей информации с целью принятия компетентных и независимых решений. Правительствам следует разрабатывать или поощрять разработку общих программ просвещения и

информирования потребителей с учетом культурных традиций соответствующего населения. Должны быть разработаны программы просвещения и информирования потребителей, включающие следующие важные аспекты защиты интересов потребителей: здоровье, питание, предупреждение заболеваний, вызываемых пищевыми продуктами, фальсификация продуктов питания; опасности, связанные с товарами; соответствующее законодательство о механизме компенсации и учреждениях и организациях по защите интересов потребителей и др. Правительствам следует поощрять стороны к участию в свободном обмене правдивой информацией. Потребителям надлежит предоставлять информацию об имеющихся процедурах получения компенсации и разрешения споров.

С принятием этих принципов потребительские права получили международное признание и законность.

Большую роль в деле информирования потребителей играют различные международные и национальные организации, такие как Consumers International. Это Всемирная организация союзов потребителей (СИ) – независимая некоммерческая неприбыльная неполитическая организация, зарегистрированная в Нидерландах в 1961 г. Она объединяет более 180 общественных и государственных организаций, занимающихся проблемами защиты прав потребителей из 72 стран. Также можно назвать Межрегиональную общественную организацию Общество защиты прав потребителей «Общественный контроль»; Союз потребителей Российской Федерации (СПРФ), созданный в декабре 1990 г. и объединяющий свыше 100 республиканских, краевых, областных, городских и районных общественных объединений; Международную конфедерацию обществ потребителей (КонфОП). Еще в 1989 г. в СССР была создана Всесоюзная федерация потребительских обществ, куда вошли антимонопольный комитет, Гос-

стандарт, санэпиднадзор, общества потребителей, кредитные союзы и т.п.

Они вносят значительный вклад в просвещение и информирование потребителей о соответствующих проблемах и путях их решения.

В 1992 г. создается Международная сеть по защите потребителей и исполнению решений (ICPEN (ИКПЕН)).³ На сегодняшний день в данном объединении участвуют ведомства по защите прав потребителей из 38 государств.

Основное назначение организации — создание единой сети разрешения споров с участием потребителей. В настоящее время в рамках ЕС функционирует Сеть европейских центров для потребителей (ECC-Net).⁴ Она создана в результате объединения EЕJ-Net и Сети европейских центров для потребителей, которая предоставляла консультационные услуги для потребителей. Они оказывают услуги по информированию потребителей о возможностях общего рынка, европейском и национальном праве, а также оказывают им содействие в составлении заявлений по трансграничным спорам, подбирают подходящую внесудебную процедуру разрешения спора, обеспечивают доступ потребителей к таким процедурам, могут сами участвовать в разрешении споров.⁵

Поскольку Российская Федерация Конституцией РФ провозглашена демократическим и правовым государством, то соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются приоритетными для государства. И одним из гарантов надлежащей реализации многих прав представляется объективная возможность выбора того или иного поведения личности на основе надлежащей, достаточной и беспристрастной информации.

Государство должно уважать и гарантировать права и свободы граждан. Это реализуется через систему норм, содержащихся, в первую очередь, в федеральных законах. Право граждан на информацию, как одно из важнейших прав, регламентируется различными федеральными законами. Например, Федеральным законом от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»,⁶ Федеральным законом от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»,⁷ законом РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»⁸ и др.

Но интерес представляют только те нормативно-правовые акты, которые касаются узкой сферы применения — области защиты прав потребителей. Таким образом, Закон РФ «О защите прав потребителей» и Федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов»⁹ (далее — ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов») говорят об обязанности предоставить потребителям информацию.

Ст. 8 Закона РФ «О защите прав потребителей» озаглавлена «Право потребителя на информацию об изготовителе (исполнителе, продавце) и о товарах (работах, услугах)». В ней речь идет о праве

потребителя требовать предоставления соответствующей информации и форме ее предоставления в этом случае. Буквальное толкование этой нормы говорит о том, что закон не закрепляет обязанности продавца (производителя, исполнителя) предоставлять информацию без реализации потребителем предоставляемого ему права. В то время, как ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» в ст. 5 «Информация о качестве и безопасности пищевых продуктов, материалов и изделий», наоборот, обязывает индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, осуществляющих деятельность по изготовлению и обороту пищевых продуктов, материалов и изделий, оказанию услуг в сфере розничной торговли пищевыми продуктами, материалами и изделиями и сфере общественного питания, предоставлять потребителям полную и достоверную информацию о качестве и безопасности пищевых продуктов, материалов и изделий, соблюдении требований нормативных документов при изготовлении и обороте пищевых продуктов, материалов и изделий и оказании таких услуг.

Однако не следует норму Закона РФ «О защите прав потребителей» толковать буквально, иначе это может привести к неблагоприятным последствиям. Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 29.09.1994 № 7 «О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей»¹⁰ разъяснил, что изготовитель (исполнитель, продавец, уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность компетентного выбора. Представляется, что Закон РФ «О защите прав потребителей» также должен закреплять именно обязанность соответствующих участников правоотношения предоставлять надлежащую информацию.

Тем не менее, обязанности должников и права кредитов не могут быть безграничны. И соответствует ли по объему обязанность праву? Должен ли продавец ровно столько же сделать, сколько потребитель может потребовать? Чтобы ответить на эти вопросы, следует разобраться с тем, что такое надлежащая информация.

Термин информация происходит от латинского слова *informatio*, что означает «сведения, разъяснения, изложение». Согласно ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»,¹¹ информация — это сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. Определение надлежащей информации не содержится в законодательстве. Так, в Законе РФ «О защите прав потребителей», а также в ст. 62 Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи»¹² говорится о необходимой и достоверной информации об услугах связи и об операторах связи. Следовательно, надлежащая информация — это необходимая и достоверная информация (сведения).

Под необходимой информацией отдельные авторы понимают ее полноту. Продавец (изготовитель, исполнитель) должен предоставить потребителю информацию в таком объеме, который позволит потребителю оценить необходимость приобретения интересующего его товара, его свойства, его качество, правила пользования и хранения товара и на основе этого сделать правильный и нужный выбор товара (работы, услуги), а в дальнейшем использовать товар по назначению без помощи профессионалов.¹³

Однако представляется, что полнота означает максимально возможное предоставление сведений, которое может и не представлять для потребителя никакой ценности вследствие ее специфичности или избыточности. К примеру, есть ли смысл сообщать покупателю информацию о химическом составе или особенностях технологического процесса изготовления тетрадей, лампочек накаливания и т.п.? Ее переизбыток также может отрицательно сказаться на решении потребителя, как и ее недостаток.

И вообще, могут ли существовать параметры определения полноты информации? Думается, что нет. Иначе появляются огромные возможности для злоупотреблений правом со стороны потребителей, так называемые проявления «потребительского экстремизма».

Поэтому, представляется, что потребителю должна быть предоставлена не полная, а достаточная для обеспечения возможности выбора, принятия решения и дальнейшего использования товара (работы, услуги) информация. Она должна быть понятной, доступной, оперативной. Необходимая информация – информация, которая¹⁴ в соответствии с законом является обязательной.

Право потребителя на информацию имеет определенные рамки. Они очерчены Законом РФ «О защите прав потребителей». Потребителю должны быть предоставлены три группы информации: о производителе, о продавце и о товаре. В отдельных случаях потребителю также следует сообщать об импортере и организациях, осуществляющих сервисное обслуживание. По отдельным видам товаров (работ, услуг) перечень и способы доведения информации до потребителя устанавливаются Правительством Российской Федерации. Думается, что представленный перечень должен быть исчерпывающим. Продавцы (производители, исполнители) обязаны в доступной и наглядной форме довести ее до потребителя, который презюмируется не имеющим специальных знаний о товаре (работе, услуге). И если подобного рода информация не предоставляется, обязанный субъект должен нести ответственность.

Однако не все авторы соглашаются с подобной позицией. Так, например, В.Р. Дворецкий считает, что даже тогда, когда перечень предоставляемой информации определен в соответствии с законом РФ «О защите прав потребителей», такой перечень не является закрытым. Сообщив информацию, указанную в перечне, продавец не может считать себя выполнившим установленную комментируемой нормой обязанность, если для правильного выбора необходимо

предоставление дополнительной информации. В разных ситуациях одна и та же информация может оказаться необходимой или несущественной.¹⁵

В этом случае речь идет об основной информации. Но если потребитель требует информирования сверх указанного в законе, то у продавца (изготовителя, исполнителя) возникает уже не обязанность, а право ее предоставить. И если субъект потребительского рынка дорожит своей репутацией и заботится о сохранении клиентуры, то ему следует удовлетворить любопытство потребителя хотя бы путем отсылки к источникам информации. Но непредоставление такой дополнительной информации не должно влечь ответственности.

В законе Республики Беларусь от 9 января 2002 г. № 90-З «О защите прав потребителей» в ст. 5 говорится о своевременности предоставления информации.¹⁶ Однако если информация не предложена потребителю вовремя, то в этом случае налицо ее недостаточность. Следовательно, достаточная информация – это всегда своевременная информация.

Другой признак надлежащей информации – это достоверность. Достоверная информация – это сведения, соответствующие реальной действительности. Предполагается объективность в оценках, честность презентанта. Должны отсутствовать умышленное или неосторожное предоставление ложной информации; информации, сходной до степени смешения или приводящей потребителя в заблуждение. Так, например, в сфере ЖКХ непрозрачность ценообразования и формирования тарифов приводит к их завышению; страховщики необоснованно отказывают в выплате страхового возмещения, занижают его размер; абонентам проводной и беспроводной связи навязываются платные услуги по экономически не обоснованным тарифам; покупатели продовольственных магазинов приобретают продукцию с истекшим сроком годности или хранившуюся ненадлежащим образом; реализуются контрафактные товары; в продуктах питания содержатся не заявленные ингредиенты, в том числе генетически модифицированные компоненты.

Так, например, в результате проведенной Роспотребнадзором проверки соблюдения ОАО «Страховое общество ЖАСО» требований законодательства в сфере защиты прав потребителей при оформлении полисов добровольного страхования пассажиров от несчастных случаев в кассах вокзала станции «Свердловск-Пассажирский», выявлен ряд нарушений. В качестве таковых, в соответствии с актом проверки, признаны следующие факты: отсутствие в кассах информации о наличии полисов и их стоимости, отсутствие обозначений, индивидуализирующих конкретный субъект страхового дела, отсутствие альтернативы при выборе страховых полисов (отсутствуют полисы нижней ценовой категории), неосведомленность кассира, непосредственно осуществляющего оформление (реализацию) страховых полисов относительно конкретных правил страхования.

Приведенные нарушения послужили основанием для возбуждения Роспотребнадзором в отно-

шении ОАО «Страховое общество ЖАСО» дела об административном правонарушении.¹⁷

Для того, чтобы исключить ее появление, продавцам (производителям, исполнителям) следует действовать в строгом соответствии со стандартами, повышать свой профессиональный уровень, проводить мероприятия по ознакомлению широкого круга лиц со своей деятельностью через доступные каналы связи, средства массовой ин-

формации, Интернет. Распространение ложной информации – это основание для привлечения лица к гражданской, административной и уголовной ответственности.

Таким образом, потребителю должна быть предоставлена надлежащая информация, то есть достаточные и достоверные сведения о товаре (работе, услуге), о производителе (исполнителе), о продавце и других факультативных участниках.

-
1. Российская газета. 1996. 16 января.
 2. Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 24. Ст. 689.
 3. URL: www.icpen.org
 4. URL: http://ec.europa.eu/consumers/redress_cons/index_en.htm
 5. Талимончик, В. П. Международные сети по защите прав потребителей // Информационное право. – 2009. – № 1.
 6. Российская газета. 2008. 26 декабря.
 7. Российская газета. 2009. 13 февраля.
 8. Российская газета. 1992. 8 февраля.
 9. Российская газета. 2000. 10 января.
 10. Российская газета. 1994. 26 ноября.
 11. Российская газета. 2006. 28 июля.
 12. Российская газета. 2003. 10 июля.
 13. Мотехина, М. В. Защита прав потребителей. Курс лекций / <http://consum.narod.ru/>
 14. Иванова, Н. Ю., Игнатова, Е. А., Шевченко, М. А. Комментарий к Закону РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (постатейный) // СПС «Консультант Плюс». 2008.
 15. Дворецкий, В. Р. Постатейный комментарий к закону Российской Федерации «О защите прав потребителей». 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2009. – 192 с.
 16. URL: www.levonevski.net/potrebitel/lawz002.html
 17. Постановление ФАС Московского округа от 05.05.2010 № КА-А40/4080-10 по делу № А40-91788/09-2-598 / СПС «Консультант Плюс».

САТТАРОВА З.З.,

к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса,
Оренбургский институт (филиал) МГЮА имени О.Е. Кутафина,
460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, тел.: 8 (3532) 72-22-77,
zsat@yandex.ru

НОВЕЛЛЫ ГПК РФ О ПЕРЕСМОТРЕ СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ

Ключевые слова: пересмотр судебных постановлений, право на судебную защиту, апелляция, кассация.

В статье анализируется важнейший аспект конституционного права на судебную защиту, связанный с правом на пересмотр судебного постановления судом вышестоящей инстанции. Автором рассматриваются измененные и новые положения ГПК РФ, регламентирующие стадии по пересмотру судебных постановлений.

Key words: review of judicial decisions, right of relief, appeal, cassation.

The article analyzes the most important aspect of the constitutional right to judicial protection, concerning the right to judicial review of decisions by the court of a higher instance. The author examines the modified and new provisions of Civil procedure code of the Russian Federation, regulating the stage for the revision of judicial decisions.

Право на пересмотр судебных постановлений является неотъемлемым элементом права на судебную защиту. Раскрывая конституционное содержание права на судебную защиту, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что федеральный законодатель должен устанавливать такие институциональные и процедурные условия пересмотра ошибочных судебных постановлений, которые отвечали бы требованиям процессуальной эффективности, экономии в использовании средств судебной защиты, исключали бы возможность затягивания или необоснованного возобновления судебного разбирательства и, тем самым, обеспечивали бы справедливость судебного решения, без чего недостижим баланс публично-правовых и частных интересов. Конституционный Суд РФ в своих постановлениях неоднократно высказывал мнение о том, что право на судебную защиту предполагает охрану прав и интересов граждан еще и от ошибочных решений. Эффективной гарантией защиты является сама возможность пересмотра дела вышестоящим судом, которая в тех или иных формах должна быть обеспечена государством. Судебное решение не может быть признано справедливым и правосудным, а судебная защита – полной и эффективной, если допущена судебная ошибка.

По справедливому замечанию Т.В. Сахновой, различия в основаниях, способных повлечь вынесение неправосудных судебных решений, обусловили отличия процессуального механизма проверки (ее видов) и пересмотра. В процессуальном механизме реализации права на судебную защиту право на обжалование конституируется как самостоятельное субъективное право процессуальной природы. Именно в таком контексте право на обжалование судебных решений рассматривается в качестве гарантии правосудия по гражданским делам, законности и обоснованности² решений и эффективности судебной защиты.

Сущности пересмотра судебных постановлений, формам, истории их возникновения и развития в России и за рубежом посвящено много научных трудов: монографий, учебных пособий, статей.³ За последние двадцать лет реформирования пересмотра судебных постановлений происходит переосмысление многих традиционных постулатов о сущности и содержании институтов проверки и пересмотра судебных постановлений, их месте в системе гражданского процессуального права. Принятый 27 октября 1995 года Закон РФ «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР»⁴ принципиально изменил целый ряд норм, касающихся пересмотра судебных постановлений. Целевая направленность этих изменений выражалась в расширении действия основополагающих принципов гражданского процесса – состязательности и диспозитивности. Необходимость реформирования гражданского процесса, в частности стадий по пересмотру, продиктована рядом причин, среди которых следует отметить экономические, политические, правовые. Серьезное влияние на изменение российского законодательства оказывает судебная практика Европейского Суда по правам человека (далее ЕСПЧ). Было вынесено много постановлений по вопросам соблюдения ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод при отправлении гражданского судопроизводства российскими судами. Общеизвестна проблема надзорного производства в судах общей юрисдикции, которая не признается ЕСПЧ эффективным средством защиты,⁵ а также установление⁶ нарушения принципа правовой определенности.

По мнению Г.А. Жилина четкое распределение полномочий между судебными инстанциями создаст предпосылки для существенного повышения качества осуществления защиты прав и свобод в суде первой инстанции, будет способствовать своевременному

устранению судебных ошибок в обычной процедуре апелляционного и кассационного производства. Это, наконец, избавит Российскую Федерацию от угрозы нести значительные моральные и материальные издержки едва ли не в каждом случае обращения в Европейский суд по правам человека с жалобой на нарушение прав процедурой надзорного производства, осуществляемого по правилам гражданского процесса.⁷ В этой связи, следует упомянуть рекомендации Комитета министров Совета Европы государствам-членам Совета Европы, в частности, рекомендацию N R (95) от 7 февраля 1995 г. относительно введения в действие и улучшения функционирования систем и процедур обжалования по гражданским и торговым делам. Производство по гражданским делам в принципе должно осуществляться в двух судебных инстанциях (если судебное решение обжалуется), дальнейшее производство следует рассматривать в качестве исключительного.

В Резолюции Комитета министров Совета Европы от 8 февраля 2006 г. предлагается снизить активность использования его процедуры надзорного производства в гражданском судопроизводстве, в частности, путем уменьшения сроков подачи надзорных жалоб, ограничения их количества по одному и тому же делу.

В процессуальной литературе по проблемам пересмотра судебных постановлений были высказаны суждения о том, что необходимо не просто переименовать производства в судах второй и вышестоящих судебных инстанций из кассационного в апелляционное, из надзорного в кассационное, оставив неизменной систему судов общей юрисдикции, как это зачастую предлагается, а сделать их в полной мере соответствующими сути этих производств.⁹

Нормы надзорного производства стали предметом рассмотрения в Конституционном Суде Российской Федерации.¹⁰ В постановлении № 2-П от 5 февраля 2007 г. Конституционный Суд Российской Федерации дал конституционно-правовое толкование некоторых норм ГПК РФ, отдельные нормы были признаны не соответствующими Конституции РФ, а также предложил федеральному законодателю установить процедуры, реально обеспечивающие своевременное выявление и пересмотр ошибочных судебных постановлений до их вступления в законную силу, и привести правовое регулирование надзорного производства в соответствие международно-правовым стандартам.

Федеральным законом от 9 декабря 2010 года № 353 – ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее ФЗ № 353)¹¹ были внесены существенные изменения системы пересмотра судебных постановлений, вступившие в силу с 1 января 2012 года.

В чем же выражены новеллы ГПК РФ, регламентирующие пересмотр судебных постановлений?

Упразднены ранее существовавшие две формы пересмотра не вступивших в законную силу постановлений суда первой инстанции, обозначаемых к тому же разными терминами. Производство в суде второй

инстанции осуществляется в форме апелляционного пересмотра. Оно стало унифицированным по процедуре по отношению к постановлениям мировых судей и федеральных судов. Произошло расширение круга лиц, имеющих право на обращение с апелляционной и кассационной жалобой, включением в состав лиц, которые не привлекались к участию в деле и вопрос о правах и обязанностях которых был разрешен судом. Следует отметить, что прежняя структура ГПК в нескольких разделах претерпела изменения. Так, третий раздел «Производство в суде второй инстанции» состоит из одной главы 39 «Производство в суде апелляционной инстанции», глава 40 утратила силу. В свою очередь, раздел четвертый «Пересмотр вступивших в законную силу судебных постановлений» теперь состоит из трех глав. Законодатель сохранил надзорное производство как форму пересмотра, передав это полномочие Верховному Суду Российской Федерации и сделав его централизованным. Первой формой проверки законности вступивших в законную силу судебных постановлений является кассационный пересмотр, который осуществляется несколькими судебными инстанциями на уровне судов субъектов Российской Федерации и Верховным Судом Российской Федерации. Еще одним способом проверки вступивших в законную силу постановлений был и остается пересмотр по вновь открывшимся или новым обстоятельствам. Новеллой здесь является разделение оснований для пересмотра на вновь открывшиеся и новые. Статья 392 ГПК РФ содержит отличительные признаки двух разновидностей оснований. Таким признаком является момент их возникновения по отношению ко времени принятия судебного постановления. Следует также упомянуть о расширении оснований для пересмотра: в п.п. 4, 5 ч. 4 ст. 392 содержатся два новых основания, одно из которых текстуально совпадает с формулировкой, содержащейся в п. 4 ч. 3 ст. 311 АПК РФ.

Далее подробнее остановимся на изменениях и новых положениях последовательно по трем способам пересмотра, направленных на устранение судебной ошибки. Основные теоретические исследования такого явления, как судебная ошибка, были проведены И.М. Зайцевым в его диссертационной, монографической и других работах.¹² Все прочие являются в той или иной мере его последователями, развивающими и дополняющими (в зависимости от целей собственного исследования) отдельные теоретические положения трудов И.М. Зайцева. Именно поэтому так близки по своей сущности их определения судебной ошибки. Дискуссии между авторами возникают по вопросам, является ли судебная ошибка виновным правонарушением; с какого момента можно говорить о том, что имеет место судебная ошибка; является ли судебная ошибка мыслительной деятельностью или ее результатом.¹³ В современном исследовании этого понятия представляет интерес точка зрения Л.А. Тереховой, согласно которой судебная ошибка – это результат судебной деятельности, не совпадающий с целями гражданского судопроизводства. Ее необходимые признаки: 1) появляется

при вынесении итогового судебного акта; 2) предполагаемый характер; 3) констатация и устранение производятся специальным уполномоченным субъектом в специальном порядке; 4) ее доказывание носит специфический характер; 5) не зависит от вины судьи, принявшего итоговый акт.¹⁴

Первой формой устранения судебной ошибки является апелляционный пересмотр, объектом которого будут не вступившие в законную силу судебные постановления – решения суда первой инстанции и определения суда первой инстанции, в случаях предусмотренных ст. 331 ГПК РФ. Право на апелляционное обжалование может быть реализовано в течение одного месяца со дня принятия окончательного решения, в отношении определений – в течение 15 дней со дня вынесения определений – в течение 15 дней со дня вынесения определений. Состав суда при апелляционном пересмотре постановлений федеральных судов является коллегиальным. По пересмотру постановлений мирового судьи – единоличным. В законе определены пределы рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции, состоящие из правил представления дополнительных доказательств при соблюдении определенных условий права выхода суда за пределы доводов жалобы, запрета на заявление новых требований. В соответствии со ст. 327 ГПК РФ суд апелляционной инстанции повторно рассматривает дело в судебном заседании по правилам производства в суде первой инстанции с учетом особенностей, предусмотренных главой 39. Перечень процессуальных действий, которые запрещено совершать, назван в ч. 6 ст. 327 ГПК РФ. Это правила о соединении и разъединении нескольких исковых требований, об изменении предмета или основания иска, об изменении предмета или основания иска, об изменении размера исковых требований, о предъявлении встречного иска, замене ненадлежащего ответчика, о привлечении к участию в деле третьих лиц. Однако, при наличии оснований, предусмотренных ч. 4 ст. 330, суд апелляционной инстанции рассматривает дело по правилам производства в суде первой инстанции без каких-либо ограничений и запретов на совершение процессуальных действий. Важнейшей характеристикой формы пересмотра являются полномочия суда, определенные в ст. 328 ГПК РФ. В числе этих полномочий нет права отменить и направить дело на новое рассмотрение. Итоговым постановлением рассмотрения дела в апелляционной инстанции является апелляционное определение. Обобщая проведенный анализ основных характеристик апелляции в гражданском процессе, можно сделать вывод об определенной схожести с апелляцией в арбитражном процессе за некоторыми исключениями. Модель апелляционного производства, закрепленная в ГПК РФ, занимает промежуточное положение между полной и неполной апелляцией, будучи близкой к полной. Вопрос о том, какой должна быть апелляция, давно дискутируется в науке и практике. Так, Е.А. Борисова, отдавая предпочтение неполной апелляции, полагает, что введение полной

апелляции может быть сопряжено со следующими недостатками: медлительностью производства из-за необходимости исследования новых доказательств, что требует дополнительных затрат времени; отсутствием непосредственного изучения доказательств, поскольку зачастую апелляционный суд имеет дело лишь с протоколами суда первой инстанции; необходимостью присутствия в апелляционном суде сторон, что вводит их в определенные расходы. К недостаткам она также относит стимулирование пассивности сторон в суде первой инстанции из-за возможности достижения необходимого им результата при повторном рассмотрении дела в апелляционном суде, а также территориальные, транспортные, экономические условия нашей страны, затрудняющие сторонам возможность участвовать в рассмотрении дел в вышестоящем суде, а последнему осуществлять процесс доказывания и устанавливать фактические обстоятельства дела.¹⁵

По мнению Г.А. Жилина, не со всеми из приведенных доводов можно безоговорочно согласиться, но представляется, что решающим фактором при выборе для нашей страны того или иного вида апелляции должны являться территориальные, транспортные и экономические условия России, поскольку они непосредственно влияют на доступность судебной защиты. Право на судебную защиту может быть реализовано в полной мере лишь при наличии доступного и удобного для граждан и организаций способа исправления судебных ошибок. С учетом этого дифференциация видов пересмотра не вступивших в законную силу решений и определений, предусмотренная в российском гражданском процессе в зависимости от уровня соответствующего звена судебной системы, выступающего в качестве суда первой инстанции, в настоящее время является оправданной.

При ином построении системы судов общей юрисдикции возможна была бы и унификация производства в суде второй инстанции с введением полной апелляции для всех решений судов первой инстанции. Однако для этого, как и в системе арбитражных судов, должны быть созданы специальные апелляционные суды, юрисдикция которых распространялась бы на несколько районов, образованных в соответствии с административно-территориальным делением субъектов Российской Федерации. Соответствующий апелляционный суд, отвечающий требованиям доступности для большинства граждан и организаций, у которых возникла необходимость обратиться к средствам судебной защиты своих прав и законных интересов, мог бы стать судом второй инстанции для решений мировых судей,¹⁶ районных судов и гарнизонных военных судов.

Необходимо предусмотреть способы обеспечения доступности апелляционного производства, для того чтобы заинтересованные лица вне зависимости от удаленности их места жительства или пребывания могли в полной мере реализовать свое право на судебную защиту. В целях приближения правосудия

к месту нахождения или месту жительства лиц, участвующих в деле, находящихся или проживающих в отдаленных местностях, федеральным законом в составе Верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа может быть образовано постоянное судебное присутствие, расположенное вне места постоянного пребывания суда. В соответствии со ст. 24 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. N 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» постоянное судебное присутствие Верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа является обособленным подразделением суда и осуществляет его полномочия. Верховный Суд Российской Федерации подготовил законопроект о внесении дополнений в ГПК РФ, предусматривающих проведение видео-конференц-связи.

Ординарной формой пересмотра судебных постановлений, вступивших в законную силу, выступает кассационное производство. Нормы ГПК РФ, регулирующие эту стадию гражданского процесса, имеют много общего с ранее существовавшим надзорным производством. Вместе с тем, есть и некоторые новеллы. Объектом кассационного обжалования являются вступившие в законную силу судебные постановления, за исключением судебных постановлений Верховного Суда Российской Федерации. Кассационное производство не может быть возбуждено по представлению Председателя Верховного Суда Российской Федерации или его заместителя в целях обеспечения единства судебной практики, что ранее предусматривалось в ст. 389 ГПК РФ по надзорному производству. Таким образом, в кассационном производстве усилилось действие принципа диспозитивности, закрепление приоритета частного интереса перед публичным.

Исключительной (экстраординарной) формой пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений был и остается надзорный пересмотр, претерпевший некоторые изменения.

Ранее существовавший надзорный пересмотр в гражданском процессе для проверки законности вступивших в законную силу постановлений всех судов общей юрисдикции, кроме Президиума Верховного Суда РФ, существенно отличался от надзорного производства в арбитражном процессе. Основное отличие состояло в том, что в системе судов общей юрисдикции существовало несколько надзорных инстанций разного уровня, поскольку отсутствовала кассация как обычный способ пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений, как это предусмотрено в арбитражном процессе. Соответственно, рассмотрение дел в порядке надзора осуществляли президиумы судов субъектов Российской Федерации, а в Верховном Суде РФ были созданы две такие инстанции – Судебная коллегия по гражданским делам или Военная коллегия и Президиум. В на-

стоящее время надзорное производство сосредоточено только в Верховном Суде Российской Федерации, в частности, его Президиуме. Возложение полномочий по надзорному производству исключительно на Верховный Суд Российской Федерации в полной мере соответствует ст. 126 Конституции Российской Федерации. Надзорный пересмотр может быть осуществлен один раз в отношении определенных в законе судебных постановлений. Ограничив объект пересмотра, законодатель, по всей видимости, подчеркнул исключительность данной стадии гражданского процесса и формы пересмотра. Право на надзорное обжалование может быть осуществлено в течение трех месяцев со дня вступления в законную силу. Анализ положений главы 41¹ ГПК РФ позволяют сделать вывод о публично-правовой целевой направленности надзорного производства (ст.ст. 391⁹, 391¹¹).

Полагаем, что неизбежно дальнейшее реформирование системы пересмотра судебных постановлений, причем важно отметить, что обновление системы с 1 января 2012 года стало шагом в направлении унификации форм пересмотра в гражданском и арбитражном процессе. Уже сам по себе различный подход законодателя к определению системы судов, а вследствие этого и порядка пересмотра судебных постановлений в гражданском и арбитражном процессе, вызывает вопросы. Если исходить из того, что в основе выбора той или иной нормативной модели судостроительства и судопроизводства, предназначенной для рассмотрения и разрешения однородных дел, должны лежать потребности и интересы общества в эффективной защите прав и свобод посредством правосудия, то более логичным выглядело бы избрание законодателем для цивилистического процесса лишь одной системы, а именно той, которая, на взгляд законодателя, в наибольшей степени отвечает критериям эффективности. Однако суть возникающих в связи с этим проблем отнюдь не ограничивается только формальным моментом. Для судов общей юрисдикции отступление от требования выбора наиболее оптимальной модели судостроительства и судопроизводства, предназначенной для рассмотрения и разрешения гражданских дел, объективно создает серьезные трудности в достижении цели обеспечения правосудием прав и свобод граждан и организаций, система арбитражных судов в этом отношении более рациональна.

Основное социальное предназначение апелляционного, кассационного и надзорного производств по ГПК и АПК одно и то же. Оно состоит в обеспечении защиты прав и законных интересов субъектов спорных отношений посредством пересмотра дела второй судебной инстанцией и исправления возможной ошибки в постановлении суда первой инстанции до вступления его в законную силу. Казалось бы, общность целевой направленности процессуальной деятельности по пересмотру судебных постановлений при отсутствии существенных отличий в юридической природе дел, отнесенных к компетенции общих и арбитражных судов, дает основание для законода-

тельного закрепления более или менее унифицированных правил проверочных производств.

Таким образом, основные проблемы системы пересмотра судебных постановлений в гражданском процессе проистекают от несовершенства системы судов общей юрисдикции, нуждающейся в реформировании для обеспечения инстанционности. При выработке направлений развития названных отраслей законодательства следует исходить из того, что процесс является содержанием дея-

тельности судов, главным инструментом, обеспечивающим реализацию материального права, поэтому первоначально необходимо решать вопросы развития процесса, обеспечивающего выполнение задач правосудия, с тем, чтобы после этого определить оптимальную для него форму – судебную систему, а не наоборот – «втискивать» процесс в ту судебную систему, которая не даст ему возможности развиваться и эффективно выполнять свои задачи.

1. Терехова, Л. А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. – М.: «Волтерс Клувер», 2007 // СПС «Гарант».
2. Сахнова, Т. В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. – М.: «Волтерс Клувер», – 2008. С. 615-616.
3. Алиев, Т. Т. Пересмотр судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам. – Саратов, 2004; Арсенов, И. Г. Арбитражный процесс: проблемы кассационного пересмотра. – М., 2000; Она же. Проверка судебных актов по гражданским делам. – М., 2006; Грицианов, А. С. Кассационное производство в советском гражданском процессе. – Томск, 1980; Зайцев, И. М. Устранение судебных ошибок в гражданском процессе. – Саратов, 1985; Кац, С. Ю. Судебный надзор в гражданском судопроизводстве. – М., 1980; Кожемяко, А. С. Кассационное производство в арбитражном суде: теория и практика. – М., 2004; Комиссаров, К. И. Полномочия суда второй инстанции в гражданском процессе. – М., 1961; Лесницкая, Л. Ф. Пересмотр решения суда в кассационном порядке. – М., 1974; Проверка судебных решений в социалистическом гражданском процессе / Отв. ред. В. М. Савицкий. – М., 1989; Терехова, Л. А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. – М., 2007; Трубников, П. Я. Пересмотр решений в порядке судебного надзора. – М., 1974.
4. Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 49. – Ст. 4695.
5. Решение ЕСПЧ от 22 июня 1999 г. по делу «Тумилович против Российской Федерации», Решение ЕСПЧ от 6 марта 2004 г. по делу «Денисов против Российской Федерации», Решение ЕСПЧ от 12 февраля 2004 г. по делу «Сардин против Российской Федерации» // СПС «Гарант».
6. Постановление ЕСПЧ от 24 июля 2003 г. по делу «Рябых против Российской Федерации», Постановление ЕСПЧ от 5 апреля 2005 г. по делу «Волков против Российской Федерации» // СПС «Гарант».
7. Жилин, Г. А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. – М., «Проспект», 2010 г. – СПС «Гарант».
8. Промежуточная Резолюция Комитета Министров Совета Европы от 8 февраля 2006 г. ResDH(2006). // СПС «Гарант».
9. Алексеевская, Е. И. Оценка законности судебных решений. Научно-практическое пособие. – М., «Юстицинформ», 2010; Жилин, Г. А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. – М., «Проспект», 2010; Жуйков, В. М. «Журнал российского права». – N 7. – 2010 // СПС «Гарант».
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 380, 381, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант».
11. Российская газета. 2010. 13 дек.
12. Зайцев, И. М. Устранение судебных ошибок в гражданском процессе. – Саратов, 1985. – С. 5; Он же. Теоретические вопросы устранения судебных ошибок в гражданском процессе: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. – Саратов, 1987. – С. 8.
13. См. Леонтьев, Е. В. Судебная ошибка в гражданском процессе: понятие и характерные черты // Современные проблемы гражданского права и процесса. – Новосибирск, 2002. – С. 182; Вопленко, Н. Н. Ошибки в правоприменении: понятие и виды // Сов. государство и право. – 1981. – N 4. – С. 41; Жилин, Г. А. Целевые установки гражданского судопроизводства и проблема судебной ошибки // Государство и право. – 2000. – N 3. – С. 4, Красильников, Б. В. Судебная ошибка по гражданскому делу как следствие несовершенства материального и процессуального законодательства: дис... канд. юрид. наук. – М., 2002. – С. 76.
14. Терехова, Л. А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. – М., «Волтерс Клувер», 2007 // СПС «Гарант».
15. Борисова, Е. А. Проверка судебных актов по гражданским делам. – М., 2006 // СПС «Гарант».
16. Жилин, Г. А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. – М., «Проспект», 2010 // СПС «Гарант».

Раздел третий

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

АБРАМЯН А.А.,

аспирант СУРГУ, (г. Сургут)

тел.: 8905-828-1608; 8952-690-30-58; e-mail: armen0889@list.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГРАФОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Ключевые слова: графология, психографология, экспертиза, идентификационная графологическая экспертиза, почерк, наука, исследование, преступление, доказательство, следствие, правосудие.

В данной работе рассматривается одна из наиболее значимых тем в уголовном процессе. В процессе выполнения данной работы изучается история возникновения графологии и наиболее известных ученых в области графологии. Раскрывается понятие и значение данного вида экспертизы, а также цели, которые могут быть достигнуты с помощью информации содержащегося в заключений графологической экспертизы.

Key words: graphology, psychography, examination, identification handwriting analysis, handwriting, science, investigation, crime, evidence, investigation, justice.

This paper describes one of the most important topics in the criminal process. In carrying out this work we study the history of graphology and most prominent scientists in the field of graphology. Reveals the concept and value of this kind of expertise, and goals that can be achieved with the information contained in the conclusions of handwriting analysis.

Графология – это область знания о почерке и методах его исследования с точки зрения отражающихся в нем психических состояний и особенностей личности пишущего. Различные характеристики почерка дают в совокупности ценную информацию о темпераменте человека, его характере, состоянии в момент написания, отношении к предмету и содержанию написанного. Психологический анализ почерка предполагает учет всех известных сведений о данном индивидуе и обстоятельствах написания анализируемого текста. Так, особенности психологии мужчин и женщин проявляются уже в различных типах почерка, которые, как можно предположить, могут обнаружить себя и в трудовой деятельности.

Впервые слово «графология» встречается в 1871 г. в сочинениях аббата Мишона. Аббат Мишон первым строго систематизировал графологию, и данного обстоятельства уже вполне достаточно для признания важности его трудов в этой области. Но еще до появления Мишона прославился саксонец Адольф Генце, замечательно верно определявший характеры по почерку. Был даже назначен судебным экспертом по рассмотрению почерков и за все время своей деятельности определил более 70000 почерков.

В настоящее время графологией интересуется весь современный мир, ею занимаются не только в Англии, Франции и Германии; она интересует не од-

них лишь адептов, как прежде; выдающиеся психиатры, юристы обращают на нее внимание как на науку, вполне этого внимания заслуживающую.

Появилось множество сочинений, трактатов по графологии; в настоящее время эта наука имеет уже свою обширную литературу, благодаря трудам Мишона, Вари-нара, Крепье-Жамена, Дебаролля, Арсена Арюса, Ганса Буссе, Прейера, А. Генце, Ломброзо, Тарда и Мейера. Однако все сочинения этих авторов несут отпечаток малой индивидуальности, все написано посредственно, хотя и с долей фантазии; авторам, ко всему прочему, недостает личных долготлетних наблюдений над почерками.¹

О значении графологии в настоящее время свидетельствует и тот факт, что выдающийся французский ученый, антрополог Тард, в одном из своих последних сочинений «Psychologie sociale», отрицая даже криминальную антропологию со всеми ее наблюдениями, экспериментами и биологическими данными, придает крайне важное, решающее значение графологии. «Зачем мне фотография человека, – говорит Тард, – для меня гораздо важнее клочок написанной им бумаги, так как в нем выражаются преступность, радость, печаль, озлобленность, жестокость, настроение духа и тому подобное». Итак, нет сомнения, что будущность графологии вполне обеспечена.²

Результаты современных исследований подтверждают имеющуюся взаимосвязь почерка с некоторыми психическими особенностями человека. По мнению многих психологов, в почерке больше, чем в любой другой двигательной активности человека, проявляется его психическая сущность. Дело в том, что неосознанное напряжение определенных групп мышц сопровождает все наши душевные движения. Так, если человек находится в каком-то стойком эмоциональном состоянии или есть стойкая тенденция в поведении, то это проявится в стойком напряжении отдельных мышечных групп. Различия же в тоне разных мышечных групп будут источником различий и в расположении линий на бумаге, что проявится в своеобразии почерка. К тому же, за долгую историю человечества, некоторые геометрические понятия превратились для нас в символ, к которому мы можем по-разному относиться, принимая или отвергая его. Например, «острые углы», как правило, ассоциируются с упорством, резкостью, неуступчивостью, что, зачастую, находит свое отражение в написании букв: но если упорство и резкость нам неприятны, мы будем избегать в письме острых углов, потому что знаем об этой ассоциации.

Почерк зависит также от типа нервной системы, что подтверждается современными исследованиями по профессиональному отбору людей. Ведь для письма, как и для всякой другой работы, нужны определенные затраты энергии, и ее можно истратить на эту работу больше или меньше. Одно и то же можно написать большими или маленькими буквами и при этом нажимать на бумагу с большей или меньшей силой. А зависеть это будет от «энергетического блока» мозга, с которым связаны аффекты и общая активность коры, что проявляется в соответствующем типе высшей нервной деятельности человека.

Во-первых, заключение эксперта по идентификационной графологической экспертизе предоставляет информацию, связанную с психологическими особенностями личности подозреваемого или обвиняемого, что непременно будет способствовать для построения верной тактики допроса следователем или дознавателем, а это, в свою очередь, будет способствовать для правильного выдвижения версии о совершенном преступлении. Следовательно, скорее всего

му расследованию преступлений и установлению истины по делу.

Во-вторых, согласно статье 17 УПК РФ, судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью при вынесении решения. Следовательно, для справедливого наказания, которое бы соответствовало целям наказания и было соразмерно совершенному деянию и отношению виновного к совершенным виновным действиям, суд должен обладать объективной и всесторонней картиной, характеризующей личность виновного.

В-третьих, суд при вынесении обвинительного приговора должен учитывать и психологические особенности личности, а в заключении эксперта будет указано отношение виновного к совершенному деянию, а не основываясь лишь на словах виновного лица, которое решит избежать более строгого наказания, как на практике в действительности происходит.

Применение данного вида экспертизы будет способствовать к применению наиболее верного вида наказания, которое будет выступать не в качестве кары за совершенное деяние, а будет способствовать исправлению осужденного, что является основной целью наказания.

В-четвертых, на стадии предварительного расследования преступления, когда не имеются подозрительные или имеется подозрение на причастность к совершенному преступлению нескольких лиц, но отсутствует достаточно оснований для привлечения в качестве подозреваемого. Например: предположение следователя введу своего профессионального опыта работы, но отсутствие фактических доказательств, изобличающих виновного на первоначальном этапе расследования преступления, заключение эксперта-почерковедда по идентификационной графологической экспертизе будет способствовать сужению круга лиц, которые могут быть причастны к совершенному преступлению.

Таким образом, можно сделать вывод, что результат проведения графологических экспертиз может способствовать скорейшему расследованию преступлений и отправлению правосудия.

1. См.: Овчаренко, С. В. Тайна характера. Чтение характера по почерку: монография. – Харьков: Фолио, 2001. – С. 44.
2. См.: Алесковский, С. Ю. Графология: монография / С. Ю. Алесковский. – М.: Юрлитинформ, 2006. – С. 99.

АДИЛЬШАЕВ Э.А.,

следователь по особо важным делам специализированного следственного
отдела по комплексу «Байконур» Следственного комитета РФ

ШАМАРДИН А.А.,

к.ю.н., доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики,
Оренбургский институт (филиал) МГЮА
имени О.Е. Кутафина, 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50,
тел.: 8(3532) 31-99-11, post@oimsla.edu.ru

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ И МЕСТО СУДЕБНОГО САНКЦИОНИРОВАНИЯ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВ

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, процессуальная форма, дифференциация процессуальной формы, основные и особые производства, упрощенные производства, судебное санкционирование, меры пресечения.

В статье рассматриваются вопросы о понятии и дифференциации процессуальной формы, критериях выделения и сущности основных и особых производств в уголовном процессе, а также о месте судебного санкционирования в системе уголовно-процессуальных производств. Анализируются различные точки зрения, имеющиеся в науке по данным проблемам, вопросу, и обосновывается авторский подход к их решению. Обосновывается вывод о том, что судебное санкционирование является особым производством.

Key words: criminal procedure, criminal procedure, procedural form, the differentiation of procedural form, the basic and special production, simplified manufacturing, legal sanction, the measure of restraint.

The article deals with the concept of differentiation and procedural forms, selection criteria and the nature of basic and special productions in a criminal trial, as well as the place of judicial authorization in the system of criminal procedure of production. Different points of view available in the science on these issues and the issue justified the author's approach to dealing with them. The conclusion is that the judicial authorization of a particular industry.

Вопросы о дифференциации процессуальной формы, критериях выделения и сущности основных и особых производств в уголовном процессе всегда привлекали внимание уголовно-процессуальной науки. В последние же годы, в свете проводимой судебно-правовой реформы, значение исследования этих проблем значительно возросло.

Понятие уголовно-процессуального производства не является достаточно устоявшимся. Ю.К. Якимович рассматривает его в двух аспектах – как деятельность, урегулированную нормами уголовно-процессуального права, так и институт уголовно-процессуального права, разновидность порядка судопроизводства.¹ Надо полагать, что то или иное производство в уголовном процессе отличается от другого не что иное, как специфика процессуальной формы. Именно процессуальная форма и является критерием выделения различных видов уголовно-процессуальных производств.

Относительно понятия уголовно-процессуальной формы наука не выработала единого подхода и определения его весьма различны.

Целый ряд авторов определяют процессуальную форму как условия или порядок производства по уголовному делу.

Так, М.С. Строгович отмечал такие характер-

ные черты процессуальной формы, как то, что она регламентирует порядок деятельности органов расследования, прокуратуры, суда и иных участников процесса, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства, а также непременно должна быть урегулирована уголовно-процессуальным законом.

М.А. Чельцов понимал под процессуальной формой установленный законом порядок производства отдельных процессуальных действий или их совокупности,³ П.А. Лупинская придерживается той же точки зрения.⁴

Н.С. Алексеев, В.Г. Даев и Л.Д. Кокорев под процессуальной формой понимают формы деятельности по уголовному делу,⁵ т.е. саму процедуру расследования и судебного рассмотрения уголовных дел.

Р.М. Рахунов рассматривает данное понятие как включающее в себя условия осуществления уголовно-процессуальной деятельности, а также регламентированные правом порядок, принципы и систему такой деятельности.⁶

М.Л. Якуб понимает под процессуальной формой «условия и последовательность производства отдельных процессуальных действий и принятия решений... и условия производства по делу в целом, то есть все формы судопроизводства в их совокупности, в их системе как единое целое».⁷

Ю.И. Стецовский определяет процессуальную форму как «...совокупность установленных законом условий осуществления процессуальных действий...».

По мнению Х.У. Рустамова «уголовно-процессуальная форма – это система отношений, возникающих в процессе деятельности субъектов процесса в определенной последовательности и регулируемых уголовно-процессуальным законом при реализации норм материального права».

Уголовно-процессуальная форма определяется П.С. Элькинд как «форма взаимодействия уголовного судопроизводства с другими общественными явлениями, например, форма реализации норм уголовного права».

Ю.К. Якимович, А.В. Ленский и Т.В. Трубникова в содержание уголовно-процессуальной формы включают процессуальные средства и приемы.

Весьма полное определение дал Ю.А. Иванов. Он определил процессуальную форму как регламентированную уголовно-процессуальным правом систему и структуру уголовно-процессуальных институтов и правил, процедуру и последовательность стадий уголовного процесса, условия, способы и сроки совершения процессуальных действий, непосредственно и косвенно связанных с собиранием и исследованием доказательств на предварительном следствии и в судебном разбирательстве, их закреплением в правовых актах, а также порядок принятия и оформления решения по отдельным вопросам и по делу в целом.

Можно согласиться с позицией Е.В. Жарикова, подвергнувшего критике включение в качестве составляющих процессуальной формы принципов уголовного судопроизводства и отождествление ее с самой процессуальной деятельностью.

На наш взгляд, наиболее удачное и емкое определение понятия уголовно-процессуальной формы дал Д.П. Великий, объединив в нем существенные ее элементы и обозначив взаимосвязь между ними: «Под уголовно-процессуальной формой следует понимать систему предъявляемых к субъектам уголовного процесса, установленных уголовно-процессуальным законом и основанных на его принципах требований, выполнение которых приводит к наиболее точному и рациональному достижению задач уголовного судопроизводства». В данном определении ключевым является указание на совокупность требований, установленных законом, которые направлены на определение порядка производства по уголовному делу, при этом процессуальная форма совершенно справедливо не отождествляется с уголовно-процессуальными правоотношениями.

Закрепив единый порядок уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальное законодательство параллельно предусматривает также дифференциацию его форм, что становится все более актуальной проблемой, так как затрагивает его узловые положения, а также процессуальные гарантии соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Дифференциация

процесса является необходимым условием эффективного и рационального построения процесса, последовательного осуществления демократических начал правосудия.

В юридической литературе нет единства относительно понятия дифференциации процессуальной формы. Под дифференциацией уголовно-процессуальной формы можно понимать и свойство процессуальной формы, и тенденцию ее развития, и способ построения уголовного процесса, и принцип уголовно-процессуального права. Одни ученые отождествляют дифференциацию уголовного судопроизводства с упрощением уголовного процесса. Другие рассматривают дифференциацию процессуальной формы как сосуществование в рамках уголовного процесса обычного производства и особых производств – упрощенных и усложненных.

Представляется возможным согласиться с мнением Т.В. Трубниковой, которая понимает под дифференциацией уголовного судопроизводства «существование в системе уголовного процесса ряда самостоятельных производств, приспособленных для различных потребностей. В таком понимании дифференциации, она включает в себя как классификацию производств в зависимости от их направленности (основные, дополнительные, особые), так и классификацию в зависимости от степени сложности процессуальной формы (обычное производство, упрощенные производства, производства с более сложной процессуальной формой)».

Далеко не всякая особенность в производстве по определенным категориям уголовных дел свидетельствует о дифференциации уголовного судопроизводства. В противном случае, следовало бы признать, что в действующем уголовном процессе существует значительное число производств, различающихся зачастую лишь мелкими деталями. О дифференциации же следует вести речь только тогда, когда в системе судопроизводства имеются производства, существенно различающиеся между собой.

В большинстве исследований вопрос об особых процессуальных формах традиционно сводится лишь к выделению специфических процессуальных форм рассмотрения отдельных категорий уголовных дел *по существу*, в зависимости от степени упрощения или усложнения процедуры производства. Применительно же к иным видам деятельности суда вопрос о дифференциации процессуальной формы и выделении на этой основе различных видов производств ставится крайне редко.

Полагаем, что *сведение вопроса о дифференциации уголовного судопроизводства исключительно к упрощению или усложнению процессуальной формы является необоснованным*. Дифференциация уголовного процесса есть не что иное, как наличие в его составе различных производств, отличающихся друг от друга по каким-то критериям.

Возникает вопрос: насколько существенными должны быть отличия в построении различных производств внутри уголовного процесса для того, чтобы считать их самостоятельными? Что должно вклю-

чаться в понятие самостоятельного производства, какие черты его характеризуют? Т.В. Трубникова пришла к выводу, что это должны быть очень серьезные различия, заключающиеся в изменении конкретных форм деятельности правоохранительных органов, изменении правоотношений, исчезновении одних и появлении других процессуальных гарантий. Вместе с тем, она совершенно справедливо замечает: «Затруднительно, однако, предложить формализованные критерии такого признака самостоятельного уголовно-процессуального производства, как «существенные различия» в порядке деятельности... Этот признак, как представляется, носит оценочный характер. О выделении самостоятельного уголовно-процессуального производства можно говорить лишь в тех случаях, когда изменения в порядке, формах деятельности в уголовном судопроизводстве в их совокупности дают новый качественный уровень».²¹

Ю.К. Якимович рассматривает все уголовное судопроизводство как систему относительно самостоятельных производств и выделяет структурную градацию уголовного процесса, а именно – три группы производств (в зависимости от их направленности): основные, дополнительные и особые.²²

Основные производства направлены на установление и разрешение уголовно-правового отношения, дополнительные производства направлены на досрочное изменение или прекращение уголовно-правового отношения, а особые производства связаны с применением *специальных уголовно-процессуальных норм, непосредственно не связанных с реализацией уголовно-правового отношения* (т.е. по вопросам, лежащим вне сферы регулирования уголовного права).²³

Следует заметить, что понимание смысла терминов «основное производство», «особое производство», «дополнительное производство» весьма различно у разных авторов, как и сам перечень производств, входящих в ту или иную группу. В некоторых работах под термином «особые производства» объединяются особый порядок судебного разбирательства (гл. 40 УПК), производство по уголовным делам, подсудным мировому судье, производство с участием присяжных заседателей, производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и в отношении отдельных категорий лиц и даже производство о применении принудительных мер медицинского характера!²⁴ По-видимому, авторы отнесли к особым производствам, связанные с рассмотрением дел по существу, но регулируемые с определенными особенностями специальными главами УПК. Отсюда можно сделать вывод, что все остальные производства являются основными, что вряд ли можно поддержать. Правильно пишет Ю.К. Якимович, что «производство, порядок которого установлен разделом 10 УПК РФ, на самом деле никаким особым не является. Оно, хотя и существенно упрощено в сравнении с другими (обычными), является основным производством».²⁵

Т.В. Трубникова предлагает дополнить классификацию производств, в зависимости от их направ-

ленности, классификацией *в зависимости от степени сложности процессуальной формы* (обычное производство, упрощенные производства, производства с более сложной процессуальной формой). В результате автором предлагается весьма удачная трехмерная модель структуры уголовного процесса как системы уголовно-процессуальных производств. В соответствии с такой моделью, положение каждого производства в системе уголовного процесса можно охарактеризовать с помощью набора признаков, позволяющих одновременно отнести его к одному из видов производств в зависимости от его направленности (основное, дополнительное, особое), к одному из видов в зависимости от сложности его уголовно-процессуальной формы (обычное, упрощенное, производство с более сложной процессуальной формой) и к одному из видов в зависимости от этапа движения дела (досудебное или судебное производство).²⁶

Ю.К. Якимович пишет: «В последние годы появляются новые самостоятельные особые производства. Их специфика заключается в том, что существуют они лишь при наличии основного производства. Эти особые производства «нализываются на дерево» основного производства – производства по уголовному делу. Их существование немыслимо без основного производства. Вместе с тем, эти производства самостоятельны и полистадийны. ...Они проходят предварительное досудебное производство, производство в суде первой инстанции, а в силу ст. 127 УПК РФ по ним возможно кассационное и надзорное обжалование».²⁷

Особое место, на наш взгляд, в системе уголовно-процессуальных производств занимает *судебное санкционирование*. Под судебным санкционированием в настоящей работе понимается деятельность суда по принятию в судебном заседании решений (даче санкций) о применении отдельных мер процессуального принуждения и следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы человека.

А.В. Ленский, Ю.К. Якимович, и Т.В. Трубникова совершенно справедливо рассматривают деятельность суда, связанную с санкционированием меры пресечения в виде заключения под стражу, как *вид особого производства по уголовным делам*.²⁸ Ю.К. Якимович относит судебное санкционирование в число контрольных производств, выделяя два вида таких производств: «особое контрольное производство по получению согласия суда на проведение определенных процессуальных действий» и «особое контрольное производство по рассмотрению жалоб на действия (бездействие) дознавателя, следователя, прокурора и принимаемые ими решения».²⁹

Р.Ф. Зиннатов пишет, что «правосудие в уголовном процессе в настоящее время осуществляется через различные производства: основное и особые. Рассматривая судебное санкционирование в качестве одного из видов особых уголовно-процессуальных производств, он совершенно обоснованно отмечает, что «особое производство предполагает рассмотрение спорного уголовно-процессуального правоотно-

шения..., которое возникает между сторонами в процессе производства по уголовному делу. Предметом спора является вопрос о применении либо отказе в применении, либо законности применения конкретных уголовно-процессуальных норм»³⁰.

Т.В. Трубникова, весьма удачно на наш взгляд, выделила признаки, характеризующие уголовно-процессуальное производство как самостоятельное: наличие определенной материально-правовой базы, существование определенного круга дел, обладающих некоторыми существенными особенностями, объективно требующими отличий в порядке производства по этим делам; комплексность, то есть наличие определенных особенностей в деятельности правоохранительных органов на всех (или хотя бы на нескольких) стадиях уголовного процесса; наличие существенных отличий в самом порядке процессуальной деятельности.³¹

Не претендуя на исчерпывающее освещение данного вопроса, считаем возможным отнести в число особых уголовно-процессуальных производств: производство по применению принудительных мер медицинского характера, производство по реабилитации; судебный контроль (понимаемый нами как рассмотрение судом жалоб в порядке ст. 125 УПК) и судебное санкционирование.

Для судебного санкционирования как особого производства характерна вся совокупность специфических черт, отличающих его от других уголовно-процессуальных производств и характеризующих как особое.

Во-первых, судебное санкционирование характеризуется тем, что в отличие от основных уголовно-процессуальных производств, оно *непосредственно*

не направлено на реализацию норм уголовного права, лежит вне сферы его регулирования и связано только с реализацией непосредственно норм Конституции РФ и группы специальных процессуальных норм, установленных УПК и регулирующих вопросы принятия судом решений о применении мер процессуального принуждения и производстве следственных действий.

Во-вторых, *судебное санкционирование характеризуется комплексностью*, или, пользуясь удачным выражением Ю.К. Якимовича, *полистадийностью*, т.к. особенности данного вида судебной деятельности проявляются на всех стадиях уголовного судопроизводства, являются «сквозными» для процесса в целом.

И, наконец, в-третьих, судебное санкционирование имеет существенные отличия от других видов уголовно-процессуальных производств. *Самостоятельность процессуальной формы судебного санкционирования* очевидна – оно принципиально отличается от рассмотрения уголовного дела по существу, прежде всего, по предмету и пределам рассмотрения судом вопросов, подлежащих разрешению. Судебное санкционирование характеризуется уникальной комбинацией процессуальных условий производства и процессуальных действий, являющихся составной частью данной процессуальной формы.

Таким образом, изложенное позволяет сделать вывод о том, что *судебное санкционирование обладает всеми необходимыми признаками самостоятельного вида уголовно-процессуального производства*, специфика которых позволяет его отнести к группе особых производств.

1. См.: Якимович, Ю. К. Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России. – Томск: Изд-во ТГУ, 1994. – С. 4.
2. См.: Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. Т.I. – М., 1968. – С. 51.
3. См.: Чельцов, М. А. Советский уголовный процесс. – М., 1951. – С. 33.
4. См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Под ред. П. А. Лупинской. – М., 2004. – С. 49-50.
5. См.: Алексеев, Н. С., Даев, В. Г., Кокорев, Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – С. 31-32.
6. См.: Рахунов, Р. М. Дифференциация уголовно-процессуальной формы по делам о малозначительных преступлениях // Советское государство и право. – 1975. – № 12. – С. 60-68.
7. Якуб, М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном процессе. – М., 1981. – С. 9.
8. Стецовский, Ю. И. К вопросу о процессуальной форме советского уголовного судопроизводства / Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1975. – Выпуск 23. – С. 107.
9. Рустамов, Х. У. Уголовный процесс. Формы. – М., 1998. – С. 13.
10. Юридическая процессуальная форма: теория и практика / Под общей редакцией П. Е. Недбайло и В. М. Горшенева. – М., 1976. – С. 233-251.
11. См.: Якимович, Ю. К., Ленский, А. В., Трубникова, Т. В. Указ. соч. С. 22.
12. См.: Курс советского уголовного процесса: общая часть. Под ред. А. Д. Бойкова и И. И. Карпеца. – М., 1989. – С. 121.
13. Жариков, Е. В. К вопросу о содержании уголовно-процессуальной формы // Актуальные вопросы публичного права: материалы II Межрегиональной конференции молодых ученых и студентов (4 декабря 2003 г.). – Екатеринбург: УрГЮА, 2004. – С. 34.
14. Великий, Д. П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: история, современность, перспективы. – Оренбург: «Южный Урал», 2005. – С. 15.
15. См.: Великий, Д. П. Указ. соч. С. 27.
16. См., например, Строгович, М. О. единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // Социалистическая законность. 1974. – № 9. – С. 50-53; Строгович, М. С. Уголовно-процессуальная форма и обеспечение прав обвиняемого / Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. – Воронеж, 1979. – С. 83-92; Каз, Ц. О единстве и дифференциации уголовного судопроизводства // Социалистическая законность. – 1975. – № 1. – С. 65; Элькин, П. С. К вопросу о суммарном судопроизводстве // Сибирские юридические записки, вып. 3. Иркутск-Омск, 1973. – С. 143-159; Элькин, П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. – Ленинград, изд-во

ЛГУ, 1976. – С. 68-85; Алексеев, И. С., Лукашевич, В. З. Претворение ленинских идей в советском уголовном судопроизводстве (стадия судебного разбирательства). – Л., изд-во ЛГУ, 1979; Пашкевич, П. Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. – М.: Юрид. лит., 1984. – С. 8-48, 65; Пашкевич, П. Ф. О процессуальной экономии в досудебных стадиях советского уголовного судопроизводства / Проблемы совершенствования советского законодательства / Труды ВНИИСЗ. – М., 1974. – С. 160-173.

17. См., например: Арсеньев, В. Д., Метлин, И. Ф., Смирнов, А. В. О дальнейшей дифференциации порядка производства по уголовным делам // Правоведение. – 1986. – № 1. – С. 78-83; Арсеньев, В. Д. О едином порядке производства по уголовным делам и пределах его дифференциации // Вопросы борьбы с преступностью. Труды Иркутского государственного университета. Т. 85. – Серия «Юридическая». – Выпуск 10. – Ч. 4. – Иркутск, 1970. – С. 63-71; Гуляев, А. Единый порядок предполагает дифференциацию // Социалистическая законность. – 1975. – № 3. – С. 64-65; Маршев, С. А. О дифференциации форм уголовного судопроизводства // Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. – Воронеж, 1979. – С. 141-147; Рахунов, Р. Д. Проблемы единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы / Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 29. – М., 1978. – С. 83-91; Якуб, М. Л. О совершенствовании уголовно-процессуального законодательства // Вестник МГУ, 1964. – Серия 10. – Право. – С. 11-19 и др.

18. Трубникова, Т. В. Упрощенные судебные производства в уголовном процессе России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1997. – С. 8.

19. Якимович, Ю. К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. – Томск: Изд-во ТГУ, 1991. – С. 32-33.

20. См.: Трубникова, Т. В. Упрощенные судебные производства в уголовном процессе России: дисс. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1997. – С. 27.

21. Там же. С. 18.

22. См.: Якимович, Ю. К. Уголовно-процессуальные производства. Дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1992. – С. 9.

23. См.: Якимович, Ю. К. Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России. – Томск, изд-во ТГУ, 1994. – С. 7-22.

24. См.: Особые производства в российском уголовном процессе: учебно-методический комплекс для студентов судебного-следственного факультета / Сост. М. Ш. Буфетова. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007.

25. Якимович, Ю. К. Особые производства в уголовном процессе // Вестник ТГУ: серия «Экономика. Юридические науки». Приложение: «Материалы научных конференций, симпозиумов, школ, проводимых в ТГУ». – Томск: Том. ун-т, 2003. – № 4. – С. 8-10.

26. См.: Трубникова, Т. В. Упрощенные судебные производства в уголовном процессе России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1997. – С. 8.

27. Якимович, Ю. К. Дифференциация уголовного судопроизводства по УПК Российской Федерации / Проблемы совершенствования правовых средств и механизмов противодействия преступности в современном обществе: материалы Международной науч.-практ. конф. Минск, 13-14 октября 2006 г. / Отв. ред. А. В. Барков. – Минск: БГУ, 2006. – С. 163-164.

28. См.: Якимович, Ю. К., Ленский, А. В., Трубникова, Т. В. Дифференциация уголовного процесса. – Томск, 2001. – С. 70-71.

29. Якимович, Ю. К. Указ. соч. С. 164.

30. Там же. С. 14.

31. См.: Трубникова, Т. В. Упрощенные судебные производства в уголовном процессе России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1997. – С. 8., 14-16.

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Ключевые слова: международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства, процессуальный статус, нормативная регламентация.

В статье рассматриваются проблемные вопросы законодательной регламентации международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Обосновываются предложения по совершенствованию нормативных положений части 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Key words: international cooperation in the sphere of criminal proceedings, the procedural status, the statutory regulations.

In article are considered the problems of legislative regulation of the international cooperation in the sphere of criminal proceedings. Substantiated proposals on the improvement of the normative provisions of part 5 of the Criminal procedure code of the Russian Federation.

Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства регламентировано ч. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ). В целом, ученые положительно оценили включение данной части в уголовно-процессуальное законодательство, ее необходимость обусловлена потребностями современного развития межгосударственных отношений.

Так, А.Г. Волеводз отмечает, что тенденции современной преступности предопределяют необходимость создания эффективных международных механизмов более тесного сотрудничества между государствами в борьбе с ней. Анализ этих тенденций и заключенных в этой сфере договоров свидетельствует, что в настоящее время международное сотрудничество в борьбе с преступностью представляет собой сложное системное явление, содержание которого, наряду с иным, составляют согласованные между государствами меры по оказанию помощи в расследовании уголовных дел и осуществлении уголовного преследования; расследованию международных преступлений, осуществлению уголовного преследования и наказанию лиц, виновных в их совершении; обеспечению исполнения уголовных наказаний.¹

Включение положений о международной правовой помощи по уголовным делам в уголовно-процессуальные кодексы достаточно распространено в мировой практике. Положения о международной правовой помощи по уголовным делам предусмотрены в гл. 63 модельного УПК для государств-участников Содружества Независимых Государств,² действующих уголовно-процессуальных кодексах Армении (гл. 54),³ Италии (книга XI),⁴ Казахстана (гл. 55),⁵ Кыргызстана (разд. XIV),⁶ Латвии (гл. 12),⁷

Молдовы (гл. IX),⁸ Польши (гл. XIII),⁹ Эстонии (ч. 19)¹⁰ и других государств.

Вместе с тем, регламентация международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства в российском законодательстве требует дальнейшего совершенствования, поскольку, как представляется, не отвечает многим международно-правовым и конституционным стандартам.

Начать нужно с того, что даже понятия международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства УПК РФ не содержится, в свете чего дискуссия о его определении продолжает набирать обороты в научной среде.

Так, А.В. Сорокин определяет международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства как регламентированную национальными и международными нормативно-правовыми актами, а также общепризнанную правовыми принципами деятельность компетентных органов и должностных лиц исполнительной и судебной власти, органов прокуратуры государств-участников сотрудничества, реализуемую на любой стадии судопроизводства в целях законного, обоснованного, справедливого разрешения уголовного дела по существу.¹¹

М.П. Глушин отмечает, что международное сотрудничество по уголовно-процессуальным вопросам – это взаимообусловленная деятельность компетентных органов и должностных лиц исполнительной и судебной властей взаимодействующих государств, равно как и международных организаций, осуществляемая в соответствии с международными и национальными правовыми нормами, регулирующими уголовное судопроизводство, и заключающаяся в: а) производстве процессуальных действий вне юрисдикции запрашивающего государства или междуна-

родной организации; б) осуществлении уголовного преследования собственных граждан по ходатайствам иностранных государств или международных организаций; в) задержании и выдаче преследуемых лиц, подозреваемых, обвиненных в совершении преступлений, либо осужденных и уклоняющихся от исполнения приговора; г) передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государствах, гражданами которых они являются; д) передаче предметов.¹²

Е.Е. Феоктистова определяет международное сотрудничество в сфере уголовного процесса как осуществляемую на основе действующих норм международного и внутригосударственного законодательства или в соответствии с принципом взаимности согласованную деятельность двух или более государств в лице своих компетентных органов и должностных лиц, а также международных организаций, реализуемую путем получения и оказания правовой помощи, осуществления уголовного преследования, выдачи (экстрадиции) лиц в целях раскрытия и расследования преступлений и достижения назначения уголовного судопроизводства.¹³

Представляется, что понятие международного сотрудничества необходимо закрепить в УПК РФ. Причем, в случае, если международное сотрудничество осуществляется в рамках уголовного судопроизводства, то оно должно рассматриваться только лишь через призму процессуальной деятельности соответствующих должностных лиц.

Помимо этого, в юридической литературе все чаще звучит мнение, что международное сотрудничество нельзя определять в виде уголовно-процессуального института, поскольку его содержание значительно шире, и попадает под понятие подотрасли уголовно-процессуального права.

А.Г. Волеводз совершенно обоснованно считает, что необходимо выделить в системе уголовно-процессуального права самостоятельную подотрасль – право международного сотрудничества в сфере уголовного процесса (уголовного судопроизводства), которая, по его мнению, должна стать предметом самостоятельной научной дисциплины – теории международного сотрудничества в уголовном процессе.¹⁴

Л.П. Ижнина и А.С. Гришин считают международное сотрудничество в уголовно-процессуальной сфере подотраслью уголовно-процессуального права, которая представляет собой систему юридических норм, регулирующих порядок взаимоотношений правоохранительных и судебных органов различных государств, а также международных судебных органов, по вопросам, связанным с осуществлением предварительного расследования и судопроизводства, привлечением к уголовной ответственности и наказанием преступников, а также отбытием ими наказания.¹⁵

Представляется возможным полностью согласиться с приведенными позициями. Если суммировать известные науке критерии подотрасли права, то можно отметить, что международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства представляет собой совокупность однородных взаимосвязанных

правовых институтов, имеет специфический предмет и метод регулирования, регулирует обособленные группы общественных отношений, характеризующиеся специфическими особенностями, которые оказывают наиболее заметное влияние на характер правового регулирования.

Также, в юридической литературе не решен вопрос правового регулирования международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. В ч. 3 ст. 1 УПК РФ закреплено, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные настоящим Кодексом, то применяются правила международного договора. Вместе с тем, данное положение оспаривается рядом ученых.

Так, Е.В. Курушина считает, что общепризнанные принципы и нормы международного права не являются неотъемлемой составной частью уголовно-процессуального права Российской Федерации; данные международно-правовые принципы и нормы только в том случае подлежат отнесению к системе источников российского уголовно-процессуального права, когда они инкорпорированы в уголовно-процессуальные законы России или ратифицированы Федеральным Собранием Российской Федерации в порядке, установленном Конституцией России и Федеральным законодательством. Международные договоры Российской Федерации могут быть отнесены к составной части российского законодательства в области уголовного судопроизводства только после прохождения установленного порядка обязательной ратификации. Преимущественное правовое значение перед нормами УПК РФ имеют только те международные договоры России, обязательность которых подтверждена Федеральным законом Российской Федерации. Официально опубликованные международные договоры, не требующие принятия Федерального закона для обретения ими юридической силы действуют непосредственно, однако для реализации содержащихся в них положений принимаются соответствующие нормативно-правовые акты Российской Федерации.¹⁶

А.Г. Волеводз считает, что при наличии в международном договоре норм о необходимости принятия мер по совершенствованию внутреннего законодательства – они подлежат обязательному исполнению; в случае создания международным договором правовых основ новых институтов, направлений или видов международного сотрудничества в сфере уголовного процесса, ранее неизвестных уголовно-процессуальному законодательству, имеющийся в последнем пробел подлежит устранению путем национально-правовой имплементации норм международно-правовых документов в УПК РФ, с обязательным нормативным формированием соответствующей процессуальной формы; при введении нормой меж-

дународного договора по конкретному вопросу правил, противоречащих норме законодательства, регулирующего порядок уголовного судопроизводства, в соответствии с ч. 3 ст. 1 УПК РФ подлежат применению правила международного договора, а возникшая коллизия должна быть, по возможности, устранена законодательным путем.¹⁷

Представляется, что необходимо выработать единообразный подход к решению этого вопроса, чтобы избежать возможных коллизий в правоприменительной деятельности.

Следующий аспект, на который хотелось бы обратить внимание, заключается в следующем. Осуществление международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства зачастую связано с существенным ограничением прав и свобод человека, которые предусматриваются международно-правовыми и конституционными нормами. Так, по запросу иностранного государства производятся такие процессуальные действия как выемка, обыск, допрос и т.д. Помимо этого, в рамках уголовного судопроизводства может быть оказана и другая правовая помощь, как то выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора, передача лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого он является. Все эти действия могут причинить существенный вред правам и интересам лица, в отношении которого они производятся. В связи с чем, как видится, необходима система процессуальных гарантий обеспечения прав и интересов лиц при осуществлении международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.

А.Е. Косарева делает предложение о регламентации в УПК РФ правового положения лица, выдача которого запрашивается иностранным государством, посредством введения в главу 54 отдельной статьи (460-1).

По мнению автора, данная статья должна быть наполнена следующим содержанием:

Запрашиваемое лицо (гражданин иностранного государства, лицо без гражданства), в отношении которого компетентными органами РФ проводится экстрадиционная проверка, а равно в отношении которого Генеральным прокурором РФ либо его заместителем принято решение о выдаче, при обжаловании их действий в суд, вправе:

- знать, в чем оно обвиняется (подозревается либо за что осуждено) на территории иностранного государства, т.е. основания, в связи с которыми лицо было объявлено в международный (межгосударственный) розыск и впоследствии задержано на территории Российской Федерации;

- пользоваться помощью переводчика;

- пользоваться помощью защитника, с которым иметь возможность конфиденциальных бесед без ограничения во времени;

- давать устные и письменные объяснения;

- знакомиться с представленными в суд материалами в полном объеме, как через защитника, так и непосредственно;

- лично участвовать в рассмотрении представленных материалов судом;

- заявлять суду ходатайства и отводы;

- представлять по существу поданной жалобы дополнительные документы;

- знакомиться с протоколом судебного заседания и приносить на него замечания;

- использовать право обжалования, предусмотренное частью 9 статьи 463 настоящего Кодекса.¹⁸

Предложение вполне обоснованно и имеет бесспорную практическую значимость. Вместе с тем, не совсем понятно, почему наделение правами запрашиваемого лица находится в прямой зависимости от реализации им права на судебное обжалование (автор отмечает, что запрашиваемое лицо при обжаловании действий должностных лиц в суд, вправе...). Ограничиться перечисленными правами в подобной ситуации представляется недостаточным, поскольку это не решит проблему правовой защищенности лиц, в отношении которых направлен запрос о выдаче.

Помимо этого, с нашей точки зрения, следует регламентировать процессуальный статус такого участника как адвокат, защищающий интересы лиц, задержанных в сфере международного сотрудничества по уголовным делам.

Мы обозначили лишь некоторые из проблем правовой регламентации международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Несмотря на то, что наличие части 5 УПК РФ следует оценивать как положительную тенденцию, оспаривать необходимость ее совершенствования уже нельзя. В этой части российское законодательство явно требует реформ и более подробной регламентации.

1. Волеводз, А. Г. Правовые основы новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук / А. Г. Волеводз. – М., 2002. – С. 12-13.

2. Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств, 17 февраля 1996 г. // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ. – 1996. – № 10.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Армении, 1 сентября 1998 г. // Закон. Интернет-журнал Ассоциации юристов Приморья [Электронный ресурс] / Ред. Рябов Е. Н. – М., 1999-2006. – Режим доступа: http://nadzor.pk.ru/comments/show_article.php?art_id=499.

4. Codice di procedura penale Italia, 24 ottobre 1988 [Electronic resource] / Camera penale de Bologna. – Bologna, 2003. – Mode of access: http://www.camerapenale-bologna.org/codice_procedura_penale/.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан, 13 декабря 1997 г. // Ведомости Парламента Респ. Казахстан. – 1997. – № 23. – Ст. 335; 1998. – № 23. – Ст. 416; 2000. – № 3-4. – Ст. 66; № 6. – Ст. 141; 2001. – № 8. – Ст. 53; № 15-16. – Ст. 239; № 17-18. – Ст. 245; № 21-22. – Ст. 281; 2002. – № 4. – Ст. 32, 33; № 17. – Ст. 155; № 23-24. – Ст. 192; 2003. – № 18. – Ст. 142; 2004. – № 5. – Ст. 22; 2005. – № 13. – Ст. 53.

-
6. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики, 30 июня 1999 г. // Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Респ. – 1999. – № 10. – Ст. 442.
 7. Latvijas Kriminalprocesa kodekss. – Riga: Tiesu namu agentura, 2005. – 362 l.
 8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова, 14 марта 2003 г. // Monitorial oficial al Republicii Moldova. – 2003. – № 104-110.
 9. Kodeks postepowania karnego, 6 czerwca 1997 r. // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1997. – № 89. – Poz. 555; 1999. – № 83. – Poz. 931; 2000. – № 50. – Poz. 580; № 62. – Poz. 717; № 73. – Poz. 852; № 93. – Poz. 1027; 2001. – № 98. – Poz. 1071; № 106. – Poz. 1149; 2002. – № 74. – Poz. 676; 2003. – № 17. – Poz. 155; № 111. – Poz. 1061; № 130. – Poz. 1188; 2004. – № 51. – Poz. 514; № 69. – Poz. 626; № 93. – Poz. 889; № 240. – Poz. 2405; 2005. – № 10. – Poz. 70; № 141. – Poz. 1181; № 143. – Poz. 1203.
 10. Kriminaalmenetluse seadustik, 12. veebruaril 2003. a. // Riigi Teataja I osa. – 2004. – № 65. – 456.
 11. Сорокин, А. В. Проблемы интеграции российского уголовного процесса в международное сотрудничество по уголовным делам: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / А. В. Сорокин. – М., 2009. – С. 8-9.
 12. Глумин, М. П. Международно-правовая помощь по уголовным делам как институт уголовно-процессуального права России: дисс. ... канд. юрид. наук / М. П. Глумин. – Н. Новгород, 2005. – С. 65.
 13. Феоктистова, Е. Е. Международное сотрудничество органов предварительного расследования по уголовным делам: процессуально-правовые и криминалистические аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук / Е. Е. Феоктистова. – М., 2007. – С. 9, 49.
 14. Волеводз, А. Г. Указ. соч. С. 37.
 15. Ижнина, Л. П., Гришин, А. С. Соотношение терминов «правовая помощь по уголовным делам», «экстрадиция» и «выдача преступников» в российском уголовном процессе / Л. П. Ижнина, А. С. Гришин. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alldocs.ru/zakons/index.php?from=3776> (дата обращения: 23.09. 2012г.)
 16. Курушина, Е. В. Международно-правовые акты как источники уголовно-процессуального права Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Е. В. Курушина. – М., 2003. – С. 5.
 17. Волеводз, А. Г. Указ. соч. С. 16.
 18. Косарева, А. Е. Выдача лиц для уголовного преследования или исполнения приговора в российском уголовном судопроизводстве: дисс. ... канд. юрид. наук / А. Е. Косарева. – СПб, 2005. – С. 48.

БУКАЕВ Н. М.,

д. ю. н., профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики, Оренбургский институт (филиал) МГЮА имени О. Е. Кутафина, 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, тел.: 8 (3532) 72-22-77, post@oimsla.edu.ru

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Ключевые слова: терроризм, концепция национальной безопасности, элементы криминалистической характеристики, подготовка к террористическому акту, способ совершения преступления, политический терроризм, националистический терроризм, экстремизм, захват заложников, незаконные вооруженные формирования.

В данной статье раскрывается криминалистическая характеристика преступлений террористического характера. Основным элементом данной характеристики является способ совершения преступления, механизм следообразования, обстановка преступления и т.д. Одним из наиболее существенных элементов криминалистической характеристики, на которой следует отдельно остановиться, является способ совершения преступления. Рассматривается классификация терроризма: политический, уголовный, национальный и др. Делается акцент на объединение некоторых смежных составов преступлений в единую категорию преступлений и необходимость рассматривать их в единой методике расследования.

Key words: terrorism, the concept of national security, the elements of forensic data, preparation of a terrorist act, the method of the crime, political terrorism, nationalist terrorism, extremism, hostage taking, illegal armed groups.

In this article the forensic characterization of terrorist crimes. The main element of this characteristic is the way the crime sledoobrazovaniya mechanism, the situation of crime, etc. One of the most essential elements of the forensic data on which to dwell separately is the modus operandi. The classification of terrorism: political, criminal, national, etc. The emphasis is placed on the union of some of the crimes related to a single category of crime and the need to consider them in a single method of investigation.

Терроризм во всем многообразии его проявлений считается одной из самых острых проблем борьбы с преступностью XXI века. Начиная с 1990-х гг. XX столетия, эта угроза коснулась России, оставаясь и поныне весьма актуальной. Борьба с терроризмом по-прежнему является одной, из основных составляющих которой является уголовное преследование террористической деятельности. Терроризм как угроза безопасности России неоднократно признавалась в концепциях национальной безопасности РФ. После очередных произошедших терактов в марте 2010 года на станциях московского метрополитена, а также в аэропорту Домодедово в 2011 г., унесших жизни несколько десятков человек, руководители нашего государства, жестко высказались о необходимости возвращения к проблематике отправления правосудия по террористическим статьям и необходимости совершенствования такого рода практики, совершенствования правовой базы, обеспечивающей безопасность наших граждан.

Не вызывает сомнения тот факт, что важной мерой борьбы с терроризмом является повышение эффективности расследования данной категории преступлений. А это, в свою очередь, требует разработки соответствующих методических рекомендаций.

Однако, как показывает анализ научной литературы, несмотря на актуальность вопроса, на сегодняшний

день статистически обоснованной частной криминалистической методики расследования преступлений террористического характера до сих пор не создано. Исследования, посвященные данной проблеме, либо затрагивают отдельные, достаточно узкие аспекты этой категории преступности, либо предлагают рекомендации в весьма обобщенном виде, без подробного анализа соответствующей статистики, поскольку зачастую, информация о них, во-первых, является разрозненной, поскольку преступления террористического характера совершаются, хотя и в небольшом количестве, практически во всех регионах России, а, во-вторых, частично является секретной из соображений государственной безопасности страны. Безусловно, это отражается на качестве исследования, хотя основные тенденции данной категории преступности все же могут быть отражены с достаточной долей достоверности.

Одним из направлений совершенствования криминалистической характеристики преступления должна быть максимальная приближенность к структуре предмета доказывания. Как представляется, только такой подход может обеспечить ее практическую ценность. В этой связи, в качестве основных элементов криминалистической характеристики преступлений террористического характера можно считать:

1) способ совершения преступления (включая способы подготовки и способы сокрытия);

2) обстановку преступления (место, время, используемое оружие, объект посягательства, охват территории и т.д.);

3) данные о субъектах преступления: вид группы (в случаях групповых преступлений), количество участников, состав, степень организованности и вооруженности; личность участников;

4) сведения о жертвах преступлений террористического характера;

5) механизм слеодообразования.

Одним из наиболее существенных элементов криминалистической характеристики, на которой следует детально остановиться, является способ преступления. Следует отметить, что в криминалистической литературе уже имеются попытки дать характеристику способов преступлений террористического характера. Однако они рассматривают лишь один вид терроризма — с применением взрывных устройств и не дают статистических данных по частоте встречаемости тех или иных способов.

В этой связи, необходимо по возможности дать полную характеристику преступлений террористического характера. При этом необходимо учитывать, что согласно действующему законодательству преступления террористического характера включают в себя более 10 составов, и поэтому, при разработке методики расследования преступлений данной категории, на первое место выходит проблема криминалистической классификации и систематизации способов их совершения.

Проведенный анализ уголовных дел о преступлениях террористического характера показывает, что действия по подготовке к террористической деятельности весьма разнообразны. Однако их можно разделить на две большие группы:

- подготовка к террористической деятельности;
- подготовка к конкретному преступлению террористического характера.

Действия по подготовке к террористической деятельности, как правило, совершаются во всех преступлениях, совершаемых организованными группами, и, значительно реже, одиночными террористами. Особенно длительная подготовка к террористической деятельности характерна для сложноорганизованных преступных сообществ.

Анализ уголовных дел показывает, что, к сожалению, вопросам подготовки к террористической деятельности органами предварительного расследования уделяется мало внимания. Основной упор при расследовании делается на подготовку непосредственно к преступлению. А это является существенным недостатком, поскольку исследование корней организованной террористической преступности является необходимым средством ее профилактики.

Проведенный опрос следователей, оперативных работников, прокуроров и судей выявил причины недостаточного внимания к способам подготовки к террористической деятельности, это: сложность установления причастности к преступлениям террористического характера членов хорошо организованных террористических групп (использование пре-

ступными организациями террористов-смертников, строго соблюдаемый членами террористических преступных групп режим «молчания», уничтожение организованными преступными группами непосредственных исполнителей преступлений); дефицит технического, кадрового, организационно-методического обеспечения расследования. На это указали 69,3% опрошенных; сложности межведомственного взаимодействия подразделений МВД, ФСБ и ВС РФ при организации расследования террористических актов и других преступлений террористического характера — 62,4% опрошенных; активное противодействие расследованию со стороны организованных преступных групп — 58,7%: использование террористами в качестве убежища территорий «горячих точек», существенно снижающее доступ к ним органов правосудия — на это указали 52,1% опрошенных.

Учитывая многообразие составов данной категории преступлений, на первое место в систематизации способов выходит их классификация. В криминалистической литературе такой классификации, к сожалению, не приводится. В то же время, ей большое внимание уделяется среди специалистов уголовного права.

Так, например, Ю.С. Горбунов классифицирует виды преступлений террористического характера соответственно их уголовно-правовой характеристике. При этом, вслед за УК РФ, автор выделяет:

- собственно террористические акты, к которым он относит не только ст. 205 УК РФ, но и захват заложников (ст. 206), угон судов воздушного, водного транспорта или подвижного железнодорожного состава (ст. 211), посягательства на жизнь государственных и общественных деятелей (ст. 277), насильственный захват или удержание власти (ст. 278), вооруженный мятеж (ст. 279), нападение на лиц или учреждения, пользующиеся международной защитой (ст. 360);

- преступления террористического характера — ст. 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности» и ст. 205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма».

Достоинствами данной классификации являются ее простота, соответствие структуре УК РФ, а также четкое разграничение терроризма как активной общественно опасной деятельности и терроризма как идеологии, ведущей к опасным уголовно-правовым последствиям. Недостаток — недостаточно полный учет криминалистических особенностей форм терроризма.

Так, Б.Ю. Калинин и В.П. Хрыков предлагают классификацию в зависимости от целей террористов:³

- политический терроризм (террористические действия совершаются для достижения политических целей);
- уголовный терроризм (направленный на устрашение населения);
- националистический терроризм, сепаратизм;
- этнорелигиозный транснациональный терроризм (направленный на решение этнорелигиозных конфликтов);

- транспортный терроризм (угон судов воздушного, водного транспорта, железнодорожных подвижных составов с целью вымогательства оружия, денег, наркотиков, пересечения государственных границ и т.д.);

- международный терроризм (совершаемый в отношении представителей иностранных государств и направленный на обострение международных конфликтов).

Данная классификация имеет существенное достоинство – она позволяет разграничить виды терроризма в зависимости от целей террористов. С криминалистической точки зрения это вполне целесообразно, поскольку, как правило, именно цели террористической деятельности во многом влияют на выбор способов терроризма, определяют степень и уровень организации преступных сообществ и др.

Представляется, что общим недостатком всех вышеперечисленных подходов к классификации способов совершения преступлений террористического характера является отсутствие изучения статистики уголовных дел данной категории. В результате, предлагаемые подходы либо не отражают современных особенностей национальной преступности, либо являются слишком общими, затрагивая лишь уголовно-правовые аспекты терроризма, но не конкретизируя его криминалистические особенности.

Необходимо отметить, что для современной российской действительности наиболее типичными

являются три способа совершения преступлений террористического характера: взрывы с применением взрывчатых веществ и взрывных устройств (63,5% всех способов преступления), захват заложников (28,8%) и организация и участие в незаконном вооруженном формировании (15,3%). Остальные способы совершения преступлений террористического характера являются крайне редкими.

Таким образом, можно предложить классифицировать все способы совершения преступлений террористического характера на три большие группы в зависимости от их уголовно-правовых характеристик:

- собственно террористический акт;
- террористическая деятельность;
- содействие и пропаганда терроризма.

Завершая криминалистическую характеристику преступлений террористического характера, хочется отметить следующее. Преступления террористического характера представляют собой сложный криминалистический комплекс действий субъектов преступления. Несмотря на кажущееся многообразие способов, все они тесно взаимосвязаны друг с другом. Не случайно большинство преступлений террористического характера совершается в совокупности. Как правило, преступникам при этом вменяется до 4-6 составов преступлений. Это дает право объединить их в единую категорию преступлений и рассматривать в единой методике расследования.

1. Варченко, И. А. Криминалистическая характеристика и первоначальный этап расследования преступлений, связанных с применением взрывчатых веществ и взрывных устройств: дисс... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2001. – С. 44; Исаков, А. В. Расследование преступлений террористического характера, совершаемых путем взрывов: криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты: дисс... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 59 и др.

2. Горбунов, Ю. С. О некоторых проблемах совершенствования правового регулирования противодействия терроризму // Журнал российского права. – 2008. – № 7.

3. Калинин, Б. Ю., Хрыков, В. П. Терроризм в России в конце XX – начале XXI века: политико-правовой анализ // Законодательство и экономика. – 2007. – № 11.

ВАССАЛАТИЙ Ж.В.,

к.ю.н., старший преподаватель,
филиал ТюмГУ в г. Сургуте, 628426 Тюменская обл., г. Сургут,
ул. Маяковского, д.45, кв.811, моб.тел: 8(3462) 61-98-37,
zhanna1974@mail.ru

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, террорист, преступления террористического характера, террористические организации, террорист-одиночка, взрывное устройство.

В своей статье автором освещена одна из проблем, связанная с разработкой частной криминалистической методики расследования преступлений террористического характера, которая, несмотря на некоторую стабилизацию и накопленный позитивный опыт в расследовании преступлений данной категории, способствует составлению четких программ действий следователя, применительно к установленным типичным следственным ситуациям и версиям на различных этапах досудебного производства.

Key words: terrorism, act of terrorism, terrorist, crime of terrorism, terrorist organization; suicide bomber; explosive device.

In the article the author shines one of problems connected with working out private criminality methods of investigation of crimes of terrorist offences which, despite some stabilization and accumulative positive experience in investigation of crimes of the given category, promotes drawing up of accurate programs of actions of the inspector, with reference to the established typical investigatory situations and versions at various stages of pre-judicial manufacture.

Завершающий этап расследования любого преступления берет свое начало с получения необходимых и достаточных данных, подтверждающих факт преступного деяния и указывающих на определенных субъектов преступления. Однако, как справедливо отмечают А.Г. Филипов, А.Ф. Вольнский и многие другие ученые, разграничение этапов между собой представляется весьма условным.¹ Обычно завершающий этап начинается привлечением субъекта преступного деяния в качестве подозреваемого (обвиняемого) по конкретному уголовному делу.

Ключевыми задачами данного этапа представляются:

- изучение личности обвиняемого;
- анализ достаточности доказательственной базы;
- определение сильных и слабых сторон доказания;
- при необходимости – сбор недостающих и дополнительных доказательств;
- исследование возражений, выдвигаемых со стороны защиты и др.

Следует отметить, что завершающий этап расследования преступлений террористического характера начинается после завершения всех неотложных следственных действий и контртеррористических операций и задержания (установления личности) обвиняемых.

На данном этапе, как правило, признаки преступления установлены, и все необходимые меры для задержания преступников предприняты. Несмотря на

все многообразие преступлений террористического характера, порядок действий следователя (следственной группы) будет во многом определяться количеством имеющейся в деле информации о подозреваемых и другими характеризующими их особенностями.

Поскольку установление личности и задержание террористов, пресечение их дальнейшей террористической деятельности является основной задачей расследования преступлений террористического характера, а возможные при этом ситуации отличаются многообразием, большинство исследователей предлагают комплекс рекомендаций относительно конкретных признаков ситуации. Такой подход предлагают, например, А.В. Исаков, М.А. Михайлов, Д.Т. Хромых и др.² Казалось бы, это справедливо, поскольку систематизировать все многообразие признаков личности террористов и выделить при этом лишь несколько наиболее типичных следственных ситуаций весьма сложно.

Тем более, как показывает практика, на протяжении последних 5 лет раскрываемость преступлений террористического характера держится на достаточно высоком уровне, превышая 60 %, при этом, по фактам захвата заложников она превышает 80 %, а по террористическим актам – превышает 70 %, что является высокими показателями.³

Как показал опрос следователей прокуратуры, следователей ОВД, оперативных работников, подавляющее большинство указали на проблему выявления соучастников преступлений террористического

характера (89,2% респондентов), и, прежде всего, лидеров организованных преступных групп (организаторов, руководителей) и заказчиков (на это указали 92,5 % опрошенных). Для сравнения:

- установление личности исполнителя преступления – указали лишь 52,3 % опрошенных;
- розыск скрывшихся подозреваемых (обвиняемых) – 47,9 %;
- доказывание целей и мотивов преступления – 45,4 %.
- задержание обвиняемого (подозреваемого) – 36,8 %;
- преодоление противодействия расследованию со стороны террористической группы – 38,4 %;
- проведение допроса обвиняемого (подозреваемого) – 21,6 %;

Таким образом, задача установления преступных связей лица, обвиняемого (подозреваемого) в преступлении террористического характера, выяснение его роли в конкретном преступлении является не только первоочередной, но и наиболее сложной задачей завершающего этапа расследования.

В этой связи мы хотели бы выделить типичные следственные ситуации завершающего этапа расследования по признаку соотношения полноты информации об исполнителях преступлений террористического характера и других участниках террористической деятельности. По данным признакам на практике можно столкнуться со следующими типичными следственными ситуациями, определяющими дальнейший ход расследования:

1) Террорист (террористы) скрылись с места происшествия, погибли либо были уничтожены в ходе контртеррористической операции, их личность либо

не установлена, либо сведений о них не достаточно для принятия окончательного решения по делу – наиболее неблагоприятная ситуация.

2) Данные о личности исполнителей (отдельных исполнителях), а также (в ряде случаев) о личности организаторов и руководителей органам предварительного расследования известны, однако преступники скрываются от следствия. Такая ситуация отмечается в 19,8 % дел. Помимо террористических актов и покушений на государственных и международных деятелей, данная группа преступлений может быть характерной (в редких случаях) и в случае захвата заложников (ст. 206 УК РФ), когда преступников не удается задержать немедленно.

3) Задержаны часть обвиняемых (подозреваемых), есть основания полагать, что преступление совершено организованной террористической группой (террористической организацией). Как правило, это – наиболее частая типичная следственная ситуация завершающего этапа. По данным произведенного нами исследования, она встречалась в 53,4 % изученных уголовных дел. Как правило, она встречается не независимо от способов совершения данной категории преступлений.

4) Обвиняемый (обвиняемые) задержаны, расследование направлено на формирование доказательственной базы их вины.

Подводя итоги, необходимо отметить следующее. Уровень методического обеспечения расследования преступлений террористического характера несколько отстает от требований практики, поэтому разработка практических рекомендаций является первостепенной задачей в решении проблем, связанных с расследованием преступлений данной категории.

1. Филиппов, А. Г. Общие положения методики расследования отдельных видов и групп преступлений (криминалистической методики) // Криминалистика: учебник / Под ред. А. Г. Филиппова, А. Ф. Вольнского. – М., 1998. – С. 448-449.

2. Исаков, А. В. Расследование преступлений террористического характера, совершаемых путем взрывов: криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты: дисс... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 186; Михайлов, М. А. Основы методики расследования криминальных взрывов: автореф. дисс... канд. юрид. наук. – Киев, 2000; Морозков, В. А. Методика расследования преступлений, совершенных с применением взрывчатых веществ и взрывных устройств: автореф. дис... канд. юрид. наук. – СПб., 2002; Хромых, Д. Н. Методика расследования актов терроризма с использованием взрывных устройств: дисс... канд. юрид. наук. – СПб., 2002. – С. 146-158.

3. Сводные отчеты ГИАЦ МВД РФ «О состоянии преступности в РФ» за 2003 – 2008 гг. // Официальный сайт МВД РФ. www.mvd.ru. (дата обращения: 12.04.09).

ВАСЯКИНА Е.В.,

преподаватель кафедры конституционного и международного права,
Оренбургский институт (филиал) МГЮА имени О.Е. Кутафина,
460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, тел.: 8 (3532) 72-22-77,
alen_efanova@mail.ru

ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ ПЕРВЫХ ИНСТИТУТОВ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Ключевые слова: международное уголовное право, реализация международного уголовного права, институты применения норм международного уголовного права, Международный военный трибунал в г. Нюрнберге, Международный военный трибунал для Дальнего Востока, предпосылки реализации международного уголовного права.

В статье исследуется процесс создания первых институтов реализации международного уголовного права, анализируется порядок их становления, приводится исторический аспект становления международных уголовных трибуналов, а также формулируются предпосылки создания первых органов — международных военных трибуналов, которые начали применять международное уголовное право.

Key words: International criminal law, international criminal law realization, institutes of international criminal rules appliance, International Military Tribunal for the Major War Criminals in Nuremberg, International Military Tribunal for the Far East, preconditions of the international criminal law realization.

This article is devoted to searching the creation process of the first institutes of the international criminal law realization, process of their creation analyzing, also there is the historical aspect of international criminal tribunals establishment in the article and the preconditions of first institutes — international criminal tribunals, which began to apply international criminal law, are formulated.

Реализация права является одним из наиболее существенных вопросов теории и практики. «Право ничто, — отмечает Л.С. Явич, — если его положения не находят своей реализации в деятельности людей и их организаций, в общественных отношениях. Нельзя понять право, если отвлечься от механизма его реализации в жизни общества». Действуя на практике, правовые нормы обеспечивают урегулирование и упорядочение общественных отношений, создают необходимые условия для развития общества, что способствует достижению самой сущности права.²

Международное право, как и любая система права, реализуется посредством следующих форм: соблюдения, исполнения, использования его норм и принципов, а также деятельности институтов, обеспечивающих применение его норм и принципов. Нормы международного уголовного права, как отрасли международного права, для выполнения своего назначения — «регулирования сотрудничества государств в борьбе с преступлениями, предусмотренными международными договорами»,⁴ также получают свое действие через вышеуказанные способы.

Реализация международного уголовного права не всегда представлялась возможной. На этапе зарождения, в XIX — начале XX века, нормы международного уголовного права носили либо декларативный характер, либо содержали лишь обязательства государств, не предусматривая какого-либо контрольного механизма. Таким образом, механизм реализации международного уголовного права в тот период времени сводился к соблюдению, исполнению

и использованию норм и принципов субъектами правоотношений. В таком случае представляется очевидным, что реализация международного уголовного права была основана лишь на действиях и волеизъявлении его субъектов, однако, институтов применения норм и принципов уголовного права на международной арене не существовало. Поскольку применение — это такой способ реализации права, который связан с властными действиями юрисдикционных органов и должностных лиц,⁵ то такая форма реализации обеспечила бы государствам существование контрольного механизма за исполнением норм уголовного права на международном уровне, а также реальное действие и применение международного уголовного права. Однако, такая форма реализации, как применение, появилась в международном уголовном праве только в середине XX века, с образованием Международного Военного Трибунала в г. Нюрнберге и Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока в г. Токио — первых институтов, применивших нормы международного уголовного права, только пол века спустя после принятия первых универсальных нормативных актов международного уголовного права — Гаагских конвенций 1899 г. и 1907 г.

Исследование причин существования системы международного уголовного права без какого-либо органа, обеспечивающего воплощение ее норм и принципов в жизнь, и анализирование предпосылок создания первых международных институтов, применивших уголовное право, представляется значимым, поскольку способствует выявлению исторических и

отраслевых особенностей международного уголовного права. Кроме того, представляется актуальным в свете вопиющих событий современности (война в Ираке, терроризм, палестинско-израильский конфликт, отсутствие согласия по вопросам безопасности и разоружения в мировом сообществе) проследить пути создания первых специальных органов, наделенных полномочиями осуществлять юрисдикцию в отношении государств, и определить общую специфику реализации норм международного уголовного права. Полагается, что изучение опыта сплочения государств для образования первых трибуналов имеет большое значение также и для современной практики международных отношений. Выявление предпосылок реализации международного уголовного права также позволит определить особенности механизма реализации норм именно данной отрасли.

Рассмотрение механизма вступления норм международного уголовного права в действие имеет также научный интерес, поскольку несмотря на широкое освещение тематики международных военных трибуналов в литературе,⁶ ученые либо рассматривают предпосылки создания данных институтов, а, следовательно, и применения международного уголовного права, с политической точки зрения,⁷ либо ограничиваются рассмотрением исторических событий.⁸ При этом, исследователями не ставится акцент на колоссальной роли трибуналов в г. Нюрнберге и г. Токио как первых институтов реализации международного уголовного права, хотя они являлись первыми международными органами, применившими его нормы в полной мере. Поэтому, представляется целесообразным осветить причины создания международных военных трибуналов 1945-46 гг. именно с точки зрения начала реализации норм международного уголовного права.

Становление применения международного уголовного права прошло по особому эволюционному пути и предопределило его специфику. Нормы данной отрасли начали действовать с появлением первых институтов — международных трибуналов, которые начали налагать санкции за международные преступления и обеспечивать эффективное применение положений действующих конвенций. Таковыми органами стали Международный Военный Трибунал 1945 г. и Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока 1946 г. Для определения причин столь долговременного отсутствия в мировом сообществе институтов реализации международного уголовного права, а также для выявления механизма создания первых институтов реализации международного уголовного права, представляется необходимым обратиться к истории зарождения идеи международного уголовного суда.

Итак, получившие активное развитие в XIX-XX веках нормы и принципы международного уголовного права длительное время не могли быть реализованы из-за отсутствия органа, обеспечившего действие и претворившего бы таковые в жизнь. Идея создания международного уголовного суда получила свое развитие с давних времен. Истории известны

попытки учреждения единого судебного органа «ad hoc», которые предпринимались в древней Греции, Китае, Индии и Японии.⁹ Исследователи отмечают, что идея создания единого постоянного суда зародилась уже в XIII веке,¹⁰ однако реализована была только в конце XV века. Считается, что первый известный международный военный трибунал был создан в 1474 году,¹¹ хотя характера «международности» в современном понимании у такового не было. Судьями данного трибунала были представители только лишь Австрии, Швейцарии, Эльзаса и долины Рейна,¹² а преступник совершил вменяемые ему преступления в военное время, за что они были квалифицированы как «военные».

Далее идея создания международных военных трибуналов не развивается вплоть до XIX века, когда начинается активное теоретическое осмысление необходимости создания единого суда. Вопрос привлечения к уголовной ответственности за деяния, причинившие ущерб интересам государств, был поднят при обсуждении в 1815 году антифранцузской коалицией намерения о придании суду Наполеона Бонапарта по обвинению в гибели сотен тысяч людей и иных преступлениях во время многочисленных наполеоновских войн. Однако за состоявшимся обсуждением ничего не последовало. Действительно, межгосударственное сотрудничество (а точнее для того момента — сотрудничество между великими державами, поскольку только они способны были «распоряжаться» на мировой арене) на тот момент носило непостоянный характер и не было всеобщим, что не могло привести к созданию единого международного института. Кроме того, не существовало источника международного уголовного права, закрепляющего противоправные международные уголовные деяния.

В конце XIX века обоснование идеи учреждения Международного уголовного суда появляется уже на доктринальном уровне. Это связано с деятельностью президента Международного комитета Красного Креста Гюстава Муанье.¹³ Он считал, что только учреждение международного суда по уголовным делам, под юрисдикцию которого попадали бы нарушения Женевской конвенции об улучшении положения больных и раненых в воюющих армиях от 22.08.1864 г., должно было обеспечить возможность осуждения и наказания лиц, виновных в ее нарушениях, силами нейтральной судебной инстанции. Предложенный Муанье проект Конвенции об учреждении международного судебного органа для привлечения к ответственности лиц, виновных в нарушениях Женевской конвенции об улучшении положения больных и раненых в воюющих армиях от 22.08.1864 г.¹⁴ (далее — Проект) был раскрыт многими видными учеными того времени.¹⁵ Исследователи отмечали, что принятие Проекта на тот период было невозможно из-за нежелания государств пожертвовать своими интересами и вернуть суверенные права на судопроизводство в руки одного органа.¹⁶ Кроме того, идею создания международного суда высказывал и Л.А. Камаровский в своей диссертации «О между-

народном суде» в конце XIX века. По мнению ученого, вопрос о международной юстиции был вопросом времени. «Не теоретические только, а гораздо более практические потребности вынудят государства вступить на путь ее осуществления», – считал исследователь.¹⁷

Таким образом, вплоть до XIX века не было институтов реализации международного уголовного права. Главным образом потому, что государства не готовы были отдать суверенные права, в том числе и на правоприменение, международному органу.

К концу XIX – началу XX веков были приняты основные конвенции международного уголовного права. На Гаагских конференциях 1899 г. и 1907 г., были приняты основополагающие конвенции, унифицирующие нормы – правила ведения военных действий: Гаагские конвенции 1899 г. (о мирном разрешении международных споров, о законах и обычаях сухопутной войны; о применении к морской войне начал Женевской конвенции 10 (22) августа 1864 г.) и Гаагские конвенции 1907 г. (о мирном решении международных споров, об ограничении применения силы при взыскании по договорным долговым обязательствам, об открытии военных действий, о законах и обычаях сухопутной войны, о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны, о положении неприятельских торговых судов при начале военных действий и прочие). Более того, Гаагская конвенция о мирном разрешении международных споров 1899 г. уже предусматривала создание Постоянного Арбитражного суда (так называемого «Гаагского трибунала»¹⁸), который, однако, так и не стал действовать, а Первая мировая война показала неэффективность заключенных международных соглашений. Главной опорой эффективности Гаагских конвенций¹⁹ был так называемый «принцип солидарности»,¹⁹ согласно которому положения конвенций обязательны только в отношениях между присоединившимися к ним государствами. Если страна не является участницей Гаагской конвенции, то по отношению к ней любое другое государство не связано нормами данной конвенции. Поэтому, Гаагские конвенции и учрежденный ими трибунал так и не стали обязывающими все государства, что и проявилось в ходе Первой мировой войны.

Более весомые попытки создания института реализации международного уголовного права были предприняты только после уроков Первой мировой войны 1914-1919 гг., которые показали, что без наднационального судопроизводства и института применения на международном уровне уголовная норма, прописанная в международных конвенциях, действовать не будет. В 1919 г. был подписан Версальский мирный договор, в январе 1919 г. была учреждена специальная Комиссия для рассмотрения вопросов об ответственности инициаторов войны (далее – Комиссия). Данной Комиссией было предложено учредить «высокий трибунал, состоящий из судей разных наций»²⁰ в связи с тем, что военные преступники состояли в гражданстве различных государств, а преступные приказы, издававшиеся соответствующими властями, затраги-

вали военнослужащих многих стран.²¹ Однако, специальный трибунал так и не был создан по причине нежелания Германии выдавать своих преступников на осуждение иному суду. Таким образом, практика показала, идея международного суда как средства применения существовавших международных уголовно-правовых норм все еще не могла соперничать с авторитетом государственного суверенитета. Тем не менее, именно в Версальском мирном договоре впервые сохранились нормы о преследовании главы государства и лиц, виновных в совершении преступлений, связанных с нарушением норм международных договоров, а также о создании специального международного суда, который должен был осуществлять юрисдикцию от имени большинства государств. Однако, данные положения так и не были реализованы.

Следующая попытка учредить институт реализации международного уголовного права была предпринята Лигой Наций. В 1920 году в рамках данной организации была создана специальная комиссия юристов, которая выработала проект первого международного суда. Специальная комиссия юристов предполагала, что данный суд будет «рассматривать преступления о нарушении международного публичного порядка или против всеобщего закона наций». Однако, несколько месяцев спустя, Ассамблея Лиги Наций наотрез отвергла это предложение как «поспешное». Впоследствии, проект Статута был принят неправительственными организациями, такой как Межпарламентский Союз в 1923 году,²² и Международной правовой ассоциацией в 1926 году. Однако, ни один из этих проектов не привел к каким-либо конкретным результатам.²³ Созданная в рамках Лиги Наций Постоянная палата Международного Правосудия просуществовала с 1921 г. по 1946 г., ей было вынесено несколько решений и консультативные заключения, не получившие особого рассмотрения в литературе. Таким образом, деятельность Лиги Наций сначала приобрела значительные масштабы: был создан первый международный судебный орган, полномочия которого сводились к разрешению международных споров и, следовательно, применению норм международного уголовного права. Но данный институт так и не получил права на судебное преследование преступников.

Тем не менее, мировое сообщество сознавало необходимость создания единого уголовного суда. Допущенные ранее пробелы в учреждении специального международного органа были отчасти учтены при попытке создать международный суд для привлечения к уголовной ответственности физических лиц, предпринятой после убийства в г. Марселе 9 октября 1934 года короля Югославии Александра и министра иностранных дел Франции Луи Барту. В 1937 году Лигой Наций были разработаны Конвенция о предотвращении и наказании терроризма и Конвенция о создании Международного уголовного суда,²⁴ которая провозгласила, что обвиняемые могут либо преследоваться государством в своих собственных судах, либо передаваться государству, имеющему

право требовать выдачи, либо передаваться для суда над ними Международному уголовному суду. Однако, Конвенция не предусматривала примата международного права над национальным. Вышеуказанные конвенции в силу не вступили, однако фактически Конвенция о создании Международного уголовного суда заложила международно-правовую основу организации и деятельности Международного уголовного суда с ограниченной юрисдикцией. Основные начала данных конвенций легли в основу учредительных документов первых институтов реализации международного уголовного права — международных военных трибуналов.

Хотя за рассмотренный временной период органы, которые бы полноправно применяли нормы международного уголовного права, так и не были созданы, теоретическое осмысление необходимости создания международного уголовного трибунала, первые попытки ее реализации, деятельность Лиги Наций по разработке нормативной базы уголовного суда способствовали всеобъемлющему пониманию концепции «единого суда». Но вопрос о государственном суверенитете еще был принципиален для государств. Представляется возможным предположение, что мировому сообществу снова были нужны потрясения. И как показала практика, таким потрясением стала Вторая мировая война (1939-1945 гг.). Именно она способствовала учреждению институтов реализации международного уголовного права.

Анализируя вышеизложенные события, можно говорить о колоссальном развитии не только самой идеи создания международных трибуналов за рассмотренный период, но и эволюции самого международного уголовного права. Образование первых органов, применивших норму международного уголовного права, не было возможно без принятия государствами международных соглашений, создающих уголовно-правовые нормы, а также без соответствующего уровня межгосударственных отношений или определенных происшествий мирового масштаба.

Итак, каковы же предпосылки образования институтов реализации международного уголовного права? Обратимся к концепциям, изложенным в литературе. Ученые выделяют различные предпосылки учреждения Международного военного трибунала, созданного для справедливого и быстрого суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, и Международного военного трибунала для Дальнего Востока, учрежденного для справедливого и быстрого суда и наказания главных военных преступников на Дальнем Востоке.

Согласно позиции Л.А. Комаровского, только значительные события могли изменить сложившуюся ситуацию.²⁵ Представляется, что таким событием стала Вторая мировая война, трагедии которой заставили государства уступить часть суверенитета мировому сообществу.

Ученый А.Г. Волеводз напротив отмечает, что именно ужасы Первой мировой войны и массовые нарушения принципов и норм международного права, по окончании военных действий, привели к ре-

нимации идеи Г. Муанье об учреждении Международного уголовного суда.²⁶ Автор также приходит к выводу, что без разработанной нормативной базы создание трибуналов было бы невозможно, поэтому разработка Лигой Наций рассмотренных выше Конвенций о предотвращении и наказании терроризма и о создании Международного уголовного суда также внесла неопределимый вклад в создание трибуналов, поскольку многие положения учредительных документов трибуналов в г. Нюрнберге и г. Токио были заимствованы из данных конвенций.²⁷

Зарубежный ученый А. Кассесе не выделяет каких-либо предпосылок создания международных военных трибуналов. Главную роль в учреждении данных институтов он отводит тем событиям, которые происходили по окончании Второй мировой войны. Так, он отмечает, что юридически Международный военный трибунал учрежден Соглашением от 08.08.1945 г. между Правительствами СССР, США, Великобритании и Временным правительством Французской Республики о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси (Лондонское соглашение) после поражения Германии. Несмотря на то, что правительство Великобритании, возглавляемое У. Черчиллем, высказало мнение, что «достаточно будет арестовать и повесить лиц, изначально виновных в установлении и применении нацистской политики, и не тратить время на легальные процедуры»; преступники, совершившие менее значительные преступления, полагали они, «могли бы судимы специально созданными трибуналами»,²⁸ ни президент США Ф.Д. Рузвельт, ни Генри Стимсон, министр обороны США, ни И.В. Сталин не согласились на это. В конце концов, для осуществления судебного преследования над «наиболее важными нацистскими преступниками» в Нюрнберге был создан Международный военный трибунал, в то время как трибуналы меньших масштабов, целью которых было судить преступников за менее серьезные преступления, были созданы союзниками в четырех оккупированных зонах Германии. Летом 1945 года, «Большая четверка» (Соединенное Королевство, Франция, Соединенные Штаты, Советский Союз) созвала Лондонскую Конференцию для того, чтобы решить, какими средствами мировое сообщество должно наказать нацистских военных преступников наивысших рангов. Разработанный в результате данной конференции Устав Нюрнбергского трибунала²⁹ установил, что Международный военный трибунал в Нюрнберге учреждается для обвинения лиц в «преступлениях против мира», «военных преступлениях» и «преступлениях против человечества». За эти преступления Трибунал вправе был приговорить виновного к смертной казни или другому наказанию, которое признает справедливым (ст. 27). Таким образом, в Уставе был определен конкретный перечень преступлений и наказаний за таковые. Помимо материально-правовых положений, Устав Международного военного трибунала в Нюрнберге предусматривал организационно-правовые основы

его деятельности, а именно: порядок назначения и замены судей, Председателя трибунала, некоторые другие общие вопросы организации его деятельности, включая порядок финансирования его расходов; процессуально-правовые основы его деятельности, в том числе права и обязанности участников процесса, процессуальные гарантии для подсудимых, общие положения о доказательствах и доказывании, порядке судопроизводства, общие положения о приговоре. Именно данные нормы процессуального характера могли привести материальное право в действие. Таким образом, принятие процессуальных норм, достижение эффективного соглашения между государствами и принудительное ограничение суверенитета Германии способствовало, по мнению А. Кассесе, образованию Международного военного трибунала в г. Нюрнберге.

26 июля 1945 года, за две недели до завершения Лондонской Конференции, «Большая Четверка» издала Потсдамскую Декларацию, провозгласившую намерение инициировать судебное разбирательство над главными японскими должностными лицами за те же преступления, что и военный трибунал в г. Нюрнберге.³⁰ Впоследствии, 19 января 1946 г., Генерал Дуглас МакАртур, Верховный Главнокомандующий Союзнических Сил в Японии, утвердил в форме исполнительного распоряжения Токийский Устав, который устанавливал основные положения, юрисдикцию и полномочия Международного военного трибунала для Дальнего Востока. Таким образом, ограничение суверенитета Японии и принятие эффективных процессуальных положений способствовало, по мнению А. Кассесе, учреждению Международного военного трибунала для Дальнего Востока.³¹

На основе вышеизложенного, представляется возможным изложить предпосылки создания Международного военного трибунала и Международного военного трибунала для Дальнего Востока. Они видятся таковыми:

- Способность государств передать часть суверенных прав на судебное преследование и наказание преступников единому международному институту. Исторический анализ показал, что основным препятствием на пути к воплощению идеи единого суда стало нежелание государств «жертвовать» суверенными правами, пусть даже и в интересах всего мирового сообщества. Процесс передачи суверенных прав от государства к мировому сообществу происходит постепенно: от провозглашения такой идеи на Венском конгрессе 1815 г. до Лейпцигских процессов. Представляется, что данная предпосылка прошла двойное развитие: с одной стороны, государства-инициаторы процессов на территории другой страны должны были юридически верно и максимально эффективно скоординировать свои действия, с другой стороны — «осуждаемое» государство должно было допустить возможность решения его участи другими суверенами. Исследование показало, что именно последний аспект долгое время тормозил процесс создания международного трибунала. Хотя, практика современных отношений показывает, что и сегодня государства не

готовы верить суверенные права мировому сообществу. Очевидно, события 1945 года, а именно — захват территории Германии и Японии — способствовали нивелированию суверенных прав завоеванных стран.

- Подробная теоретическая регламентация идеи международного трибунала способствовала поддержке данной концепции ведущими учеными и пониманию ее эффективности правительствами государств.

- К 1945 году уровень развития межгосударственных отношений уже способствует ведению конструктивного диалога. Намечается тенденция для государств решать наиболее важные для мирового сообщества вопросы предотвращения наиболее жестких преступлений сообща. Следовательно, развитость международных связей положительно повлияла на создание единых судебных органов.

- Создание международных трибуналов было бы невозможно при отсутствии международных правовых норм, регламентирующих понятие преступления, его виды, определяющих преступные и правомерные действия, правила ведения войны и способы разрешения международных споров. Поэтому, принятие Гагских конвенций в 1899, 1907 гг., а также разработка ряда проектов статей создало материально-правовую базу для создания процедурной оболочки — международных военных трибуналов.

Хотя некоторые ученые видят среди предпосылок не результат длительной всесторонней эволюции теории и практики, а проявление политической воли,³² представляется верным, что применение политической воли на международной арене встречается постоянно, и желание наказать преступников Второй мировой войны одной политической волей не было бы реализовано, как не было осуществлено после Первой мировой войны. Политическая воля должна быть подкреплена необходимыми ресурсами правового характера, исследование эволюции которых было целью данной работы.

Таким образом, исследование процесса становления институтов реализации международного уголовного права показало, что учреждение таковых произошло лишь в XX веке после довольно длительной идейно-практической эволюции материальных правовых норм и концепций деятельности. Начиная с V-IV вв. до н.э., прототипы таковых институтов постоянно модифицировались, постепенно сталкиваясь с государственным суверенитетом. Прошло более двадцати веков, прежде чем идея создания единого для всего мирового сообщества органа, применившего нормы уголовного права, стала понятной, приемлемой и исполнимой. К моменту окончания Второй Мировой войны, кроме Гагских конвенций, по сути никаких юридически обязательных правовых норм не существовало. Преступления не были охарактеризованы. Санкции за них не были закреплены в международных документах. Вопросы вины и ответственности за действия или бездействия не были регламентированы. Какой-либо межгосударственный орган, контролирующий выполнение существующих

международных документов, отсутствовал. Это препятствовало созданию эффективной системы международной уголовной юстиции. И именно эти проблемы необходимо было устранить для неуклонного обеспечения международных уголовных норм и гарантирования защиты прав личности и государства путем провозглашения неотвратимости наказания за совершаемые преступления. Поэтому только с согласия государств наделить международные органы властными полномочиями, с развитием уровня между-

народных отношений, при достаточно развитой нормативной и идейной базе стало возможным учредить специальные институты применения международного уголовного права — международные военные трибуналы. Полагается несомненным, что только созданием особых органов, применяющих нормы и принципы международного уголовного права, и наделением таковых реальной властью на международной арене, можно обеспечить защиту прав человека и безопасность государств в современном мире.

1. Явич, Л. С. Об исследованиях механизма действия права // Сов. гос-во и право. — 1973. — № 8. — С. 26.
2. Морозова, Л. А. Теория государства и права. Учебник. 4-е изд. — М., 2010. — С. 250.
3. Там же.
4. Международное публичное право / Под редакцией К. А. Бекяшева. — М., 2009. — С. 721.
5. Матузов, Н. И., Малько, А. В. Теория государства и права: учебник. — М., 2004. — С. 253.
6. Cryer R. Introduction to International Criminal Law and Procedure. — Cambridge, 2006; Cassese A. International Criminal Law. — Oxford, 2008.
7. Рагинский, М. Ю. Милитаристы на скамье подсудимых: по материалам Токийского и Хабаровского процессов. — М.: Юридическая литература, 1985.
8. Глотова, С. В. К 60-летию Нюрнбергского процесса. Вклад Устава Нюрнбергского трибунала в становление международной уголовной процедуры // Рос. ежегодник междунар. права. — СПб, 2006.
9. William A. Schabas, An Introduction to the International Criminal Court. - NY: Cambridge University Press, 2001. M. Cherif Bassiouni, Crimes Against Humanity in International Criminal Law, 2nd rev. ed. (Cambridge, MA : Kluwer Law International, 1999), - С. 517.
10. Brook Sari Moshan, 'Women, War, and Words: The Gender Component in The Permanent International Criminal Court's Definition of Crimes Against Humanity,' Fordham International Law Journal, - Vol. 22, - Issue 1, 1998, - С. 165.
11. Jamison, 'A Permanent International Criminal Court: A Proposal that Overcomes Past Objections,' С. 421.
12. Там же.
13. Prof. Dr. Htlmut Satzger: Internationales und Europaisches Strafrecht. — Nomos Verlagsgesellschaft, Baden-Baden, 2005. — С. 150.
14. Moynier. Note sur la creation d'une institution judiciaire internationale propre a prevenir et a reprimer les infractions a la convention de Geneve, lue au comite international de secours aux militaires blesses dans sa seance du 3 janvier 1872. — Revue, 1872. — С. 325.
15. Hall, 'The First Proposal for A Permanent International Criminal Court,' - С. 57-74.
16. Сакмак С. Evolution of the Idea of a Permanent International Criminal Court Prior to World War I // USAK Review of International Law and Politics (RILP), - Vol. 4, - No. 13, 2008, С.-135-149.
17. Камаровский, Л. А. О международном суде / Под редакцией Л. Н. Шестакова. — М.: Зерцало, 2007. — С. 221.
18. Sadat, 'The Establishment of the International Criminal Court: From The Hague to Rome and Back Again,' Michigan State University-DCL Journal of International Law, - Vol. 8, - Issue 1, 1999, С.-97-98.
19. Meraу, Devletler Hukukuna Giris, С.- 434.
20. Отчет Комиссии // 14 AJIL (1920). — С. 116.
21. Арцибасов, И. Н., Егоров, С. А. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия. — М., 1989. — С. 185.
22. Ференц, Б. Международный уголовный суд — шаг на пути к миру — историческая документация и анализ. — Т. 1 — Лондон, Рим, Нью-Йорк, Океания, 1980. — С. 244.
23. Конвенция по созданию Международного уголовного суда по рассмотрению преступлений террористов также была принята 16 ноября 1937 года Лигой Наций, но так и не вступила в силу. См. подробнее: Пелла, В. В. «На пути к международному уголовному суду» // 44 AJIL (1950). — С. 37-68.
24. Hudson M.O. International Legislation. A collection of the texts of multiple international instruments of general interest (1935–1937), vol. VII, No. 402–505 (Washington, 1941)/ - С. 862.
25. Камаровский, Л. А. О международном суде / Под редакцией Л. Н. Шестакова. — М.: Зерцало, 2007. — С. 112.
26. Волеводз, А. Г. Исторические и международно-правовые предпосылки формирования современной системы международной уголовной юстиции / А. Г. Волеводз, В. А. Волеводз // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2008. — № 2. — С. 6.
27. Там же. С. 9.
28. Смит, Ф. Американский путь к Нюрнбергу: документальное досье, 1944-1945. — Стэнфорд, Калифорния.: издание Гуверовского института, 1982. — С. 157.
29. Там же.
30. Некоторые Союзники театра военных действий в Тихом океане обвиняли японцев в «военных преступлениях» по их военному законодательству. См. среди прочего «Процессы по военным преступлениям на Дальнем Востоке», Р. Бауринг и П. Корник, Кэмбриджская Энциклопедия о Японии. — Кэмбридж: Изд-во Кэмбриджского Университета, 1993. — С. 107.
31. Cassese A. International Criminal Law. — Oxford, 2008. — С. 319-320.
32. Там же. С. 322.

ВЕТОШКИН А.А.,

капитан юстиции, старший следователь отдела по расследованию особо важных дел Следственного управления Следственного комитета РФ по Кировской области (г. Киров), vet333on@mail.ru

ПАНКРАТОВА Е.Д.,

к.ю.н., старший преподаватель кафедры уголовного права, Институт (филиал) МГЮА имени О.Е. Кутафина в г. Кирове (г. Киров) hungry_hamster@mail.ru

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Ключевые слова: преступления против половой неприкосновенности, половая зрелость, беспомощное состояние, изнасилование.

В статье рассматриваются вопросы, вставшие перед правоприменителем в результате внесения в статьи, предусматривающие уголовную ответственность за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, изменений Федеральным законом от 29.02.2012 года. Определяется понятие половой зрелости и беспомощного состояния в соответствии с указанными изменениями уголовного кодекса.

Key words: crimes against sexual integrity, sexual maturity, helpless condition, rape.

The questions facing the enforcer from inclusion in articles providing for criminal responsibility for crimes against sexual integrity of minors, changes in federal law of 29.02.2012 year. We define the notion of sexual maturity, and the helpless state in accordance with the changes in the Criminal Code.

Федеральным законом № 14-ФЗ от 29.02.2012 г. в УК РФ были внесены изменения, призванные усилить уголовную ответственность за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Данные изменения широко обсуждались в средствах массовой информации и, с точки зрения законодателя, должны способствовать предупреждению указанных преступлений. Однако при детальном рассмотрении таких изменений возникают вопросы в их эффективности и практическом применении.

Первая проблема, с которой могут столкнуться практики – это использование введенного примечания к ст. 131 УК РФ. Согласно указанному примечанию, к преступлениям, предусмотренным пунктом «б» части 4 статьи 131, а также пунктом «б» части 4 статьи 132 УК РФ, относятся также деяния, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных частями 3-5 статьи 134 и частями 2-4 статьи 135 УК РФ, совершенные в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, поскольку такое лицо в силу возраста находится в беспомощном состоянии, то есть не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий.

Как разъяснил Пленум Верховного суда РФ в своем постановлении от 15.06.2004 г. № 11, изнасилование (статья 131 УК РФ) и насильственные действия сексуального характера (статья 132 УК РФ) следует признавать совершенными с использовани-

ем беспомощного состояния потерпевшего лица в тех случаях, когда оно в силу своего физического или психического состояния (слабоумие или другое психическое расстройство, физические недостатки, иное болезненное либо бессознательное состояние, малолетний или престарелый возраст и т.п.) не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному лицу. При этом лицо, совершая изнасилование либо насильственные действия сексуального характера, должно сознавать, что потерпевшее лицо находится в беспомощном состоянии. В этом же постановлении указано, что, решая вопрос о том, является ли состояние потерпевшего лица беспомощным, судам следует исходить из имеющихся доказательств по делу, включая соответствующее заключение эксперта, когда для установления психического или физического состояния потерпевшего (потерпевшей) проведение судебной экспертизы является необходимым.

До введения в действие указанного примечания в отношении малолетних в ходе предварительного расследования назначалась комплексная сексолого-психолого-психиатрическая судебная экспертиза. В ряде случаев в отношении детей в возрасте от 10 до 12 лет эксперты делали вывод, что они понимали характер и значение совершаемых с ними действий, а значит, согласно п. 3 постановления Пленума Верховного суда РФ от 15.06.2004 г. «О судебной практи-

ке по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации», не находились в беспомощном состоянии.

В настоящее время неясным остается вопрос, необходимо ли считать указание на беспомощное состояние, содержащееся в примечании к ст. 131 УК РФ, обязательным для следствия и суда и назначать ли в отношении таких лиц комплексную судебную экспертизу. Также неясно, как поступать суду, если во время предварительного следствия такая экспертиза проведена не была, на основании примечания лицо в возрасте до 12 лет было признано находящимся в беспомощном состоянии, а во время судебного производства сторона защиты будет настаивать на проведении судебной экспертизы, которая может стать доказательством невиновности по ст. 131 или 132 УК РФ. Кроме того, возникают вопросы по тем уголовным делам, где подобная экспертиза в отношении потерпевшего, не достигшего 12 лет, была проведена до вступления в силу рассматриваемого примечания, и в заключении экспертами был сделан вывод, что потерпевший понимал характер и значение совершаемых с ним действий. Видимо, необходимо применять правила о невозможности обратной силы уголовного закона, ухудшающего положение виновного, и его действия будут квалифицированы по ст. 134 УК РФ при условии их совершения без применения насилия.

Вторая проблема связана с введением в диспозицию ст. 134 и 135 УК РФ понятия «половая зрелость». В настоящее время в РФ нет нормативных правовых актов, регламентирующих порядок определения половой зрелости, не разъяснено, является это понятие психолого-психиатрическим или биологическим. Эксперты-психологи, сексологи и психиатры поясняют, что определение половой зрелости не входит в их компетенцию, поскольку у них отсутствуют методики проведения такого исследования, судебные эксперты не имеют нормативов определения половой зрелости (медицинских критериев).

В данный момент в РФ существуют лишь Правила судебно-медицинской экспертизы половых состояний мужчин от 18.10.1968 г., утвержденные начальником Главного управления лечебно-профилактической помощи Министерства здравоохранения СССР, и Правила судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы от 07.01.1966 г., утвержденные первым заместителем министра здравоохранения СССР. Эти правила являются явно устаревшими, поскольку за прошедшее время изменились, во-первых, половое развитие детей, во-вторых, методики диагностирования и установления определенных состояний организма, а в-третьих, требования обоснованности выводов с точки зрения уголовно-процессуального законодательства. Также не ясно соответствие значения понятия «половая зрелость», введенного в УК РФ, закрепленному в указанных правилах.

В соответствии с первыми Правилами половая зрелость у лиц мужского пола характеризуется

таким состоянием общего физиологического развития и формирования половых желез, при котором половая жизнь является физиологически нормальной функцией, не вызывает расстройства здоровья и не наносит ущерба дальнейшему развитию организма. При освидетельствовании учитываются: общее физическое развитие организма, развитие наружных и внутренних половых органов, способность к половому сношению и оплодотворению.²

Согласно вторым Правилам под состоянием половой зрелости следует понимать окончательную сформированность женского организма, когда половая жизнь, зачатие, беременность, роды и вскармливание ребенка являются нормальной функцией, не расстраивающей здоровья, и свидетельствуемая способна к выполнению материнских обязанностей. При судебно-медицинской экспертизе по определению половой зрелости необходимо учитывать совокупность следующих признаков развития организма свидетельствуемой и готовности ее к функции материнства:

- а) общее развитие организма;
- б) развитие половых органов и способность к совокуплению;
- в) способность к зачатию;
- г) способность к вынашиванию плода;
- д) способность к родоразрешению;³
- е) способность к вскармливанию.

При использовании рассматриваемых правил невозможно провести ретроспективное исследование, т.к. в них нет объективных критериев оценки биологических параметров, имевших место 1-3 года назад. Однако установление этих параметров имеет большое значение, т.к. подобные преступления обладают высокой степенью латентности и сведения об их совершении зачастую становятся известными лишь спустя 1-2 года после их совершения, когда организм потерпевшего претерпел значительные изменения.

Кроме того, на основании вышеуказанных критериев практически все девочки в возрасте 12-13 лет будут являться половозрелыми, т.к. достигнут пик антропометрических данных, будут способны к родам и т.д. При этом возникает интересная ситуация: половое сношение и иные действия сексуального характера с лицами, не достигшими 12 лет, должны признаваться изнасилованием либо насильственными действиями сексуального характера в соответствии с примечанием в ст. 131 УК РФ, а лица, достигшие 12-летнего возраста, будут признаваться половозрелыми. Таким образом, законодатель, введя понятие половой зрелости в ст. 134 и 135 УК РФ фактически декриминализировал их, или, во всяком случае, резко сузил рамки их применения.

Есть и другие нормативные правовые акты, которые дают трактовку понятию «половая зрелость». Например, Методические рекомендации «Оценка физического развития и состояния здоровья детей и подростков, изучение медико-социальных причин формирования отклонений в здоровье», утвержденные Госкомсанэпиднадзором 17.03.1996 г. В этих рекомендациях указано, что для установления степени полового созревания определяется: у девочек – ово-

лосение подмышечных впадин (Axillaris – Ax), оволосение лобка (Pubis – P), развитие грудной железы (Mammae – Ma), возраст наступления первой менструации (Menarhis – Me); у мальчиков - оволосение подмышечных впадин, оволосение лобка, мутация голоса (Vocalis – V), оволосение лица (Facialis – F), развитие кадыка (Larings – L). Там же перечислены критерии для определения. Однако в данном случае половое созревание трактуется с точки зрения соответствия биологического развития ребенка, его соответствия календарному возрасту. Кроме того, областью применения рекомендаций является изучение состояния здоровья различных групп населения в связи с факторами окружающей среды и условиями жизнедеятельности с целью разработки и внедрения оздоровительных мероприятий, а также местных и региональных программ охраны здоровья, профилактики заболеваний населения, оздоровления среды обитания и условий их жизнедеятельности,⁴ т.е. такие разработки также не применимы для использования при производстве судебных экспертиз на предмет определения половой зрелости.

Третья проблема возникает в связи с необходимостью установления признаков субъективной стороны развратных действий и полового сношения и иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста.

В качестве формы вины для рассматриваемых составов предусмотрен прямой умысел. Таким образом, необходимо доказать, что подозреваемый/обвиняемый осознал, что совершает действия в отношении лица, не достигшего половой зрелости и желал совершить действия именно в отношении такого лица. Однако подозреваемый/обвиняемый мог вообще об этом не задумываться либо будет утверждать, что считал потерпевшего (-шую) половозрелым (-ой).

Ранее на основании показаний самой потерпевшей или знакомых подозреваемого/обвиняемого можно было доказать, что подозреваемому/обвиняемому сообщалось о возрасте потерпевшей. Но о том, является ли потерпевшая половозрелой, не может знать ни сама потерпевшая, ни подозреваемый/обвиняемый, поскольку состояние половой зрелости, как указывалось выше, устанавливается на основании проведенной экспертизы.

Таким образом, ни потерпевшая, ни кто-либо другой не мог сообщить подозреваемому/обвиняемому эти данные. При таких обстоятельствах могут возникнуть существенные трудности при установлении умысла подозреваемого/обвиняемого на совершение действий, предусмотренных в диспозициях ст. 134, 135 УК РФ, в отношении именно той потерпевшей, которая не достигла половой зрелости, кроме случаев, когда это очевидно в силу ее антропометрических данных.

На основании этих положений представляется проблемной реальная возможность привлечения к уголовной ответственности лица, совершившего развратные действия или половое сношение без применения насилия в отношении лица в возрасте от 12 до 16 лет.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что изменения УК РФ, вступившие в силу 29.02.2012 г., при верном общем направлении усиления уголовной ответственности за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, являются непродуманными, порождают множество дискуссий как в научной, так и правоприменительной среде с точки зрения юриспруденции и медицины и требуют дополнительных разъяснений и принятия нормативных правовых актов, позволяющих осуществлять их полноценное применение.

1. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного суда РФ от 15.06.2004 г. № 11 // Российская газета. – 2004. – 29 июня.

2. Правила судебно-медицинской экспертизы половых состояний мужчин от 18 октября 1968 г. // САПП РФ. – 1968. – 10.

3. Правила судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы от 07.01.1966 г. – М., 1972.

4. Оценка физического развития и состояния здоровья детей и подростков, изучение медико-социальных причин формирования отклонений в здоровье. Методические рекомендации. Утверждены Госкомсанэпиднадзором РФ 17.03.1996 г. № 01-19/31-17. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИ РЕШЕНИИ ВОПРОСА О ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, уголовный процесс, процессуальные действия, следователь, органы внутренних дел, следственный комитет, предварительное расследование, оперативно-розыскная деятельность.

В статье автором рассматриваются проблемные вопросы взаимодействия следователя с органами внутренних дел при решении вопроса о возбуждении уголовного дела. Особое внимание уделено производству проверочных действий следователем, в рамках которых следователь может обращаться к подразделениям и службам органов внутренних дел.

Key words: initiation of legal proceedings, criminal trial, procedural actions, inspector, law-enforcement bodies, investigatory committee, preliminary investigation, operational and search activity.

In the article the author considers the problem of interaction between an inspector and law-enforcement bodies when they decide to initiate legal proceedings. Special attention is given to verifying actions by the inspector within which he/she can address different divisions and services of law-enforcement bodies.

Возбуждение уголовного дела является первой стадией уголовного процесса, цель которой – установить, имеются ли правовые основания для того, чтобы начать уголовное судопроизводство и осуществление процессуальных действий в полном объеме, включая применение мер принуждения.

Факт возбуждения уголовного дела является первичным основанием для принятия всех последующих процессуальных решений и производства процессуальных и следственных действий. Без него невозможно проведение допросов, обысков, назначение экспертиз, применение любых мер процессуального принуждения, сбор доказательств по делу, т.к. именно возбуждение уголовного дела порождает процессуальные права и обязанности участников процесса. Если же уголовное дело не возбуждено, все собранные сведения лишаются доказательственной силы, а меры процессуального принуждения должны быть признаны незаконными.

Вопросы организации взаимодействия следователя со службами органов внутренних дел при приеме, проверке заявлений сообщений и принятию по ним процессуального решения регламентируются нормами УПК РФ и ведомственными нормативными правовыми актами (приказы, инструкции, указания).

Так, порядок рассмотрения сообщения о преступлении и решения, принимаемые по результатам их рассмотрения, предусмотрены ст. 144, 145 УПК. Согласно ст. 144 УПК дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах

компетенции, установленной УПК, принять процессуальное решение. Анализ норм уголовно-процессуального закона показал, что порядок рассмотрения сообщения о преступлении включает прием, проверку и принятие процессуального решения. Содержание отдельных элементов законодательно не урегулировано. Для решение этих вопросов был принят Административный регламент МВД России предоставления государственной услуги по приему, регистрации и разрешению в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях,³ в котором даны пояснения по приему, регистрации, проверке заявлений, сообщений и принятию по ним процессуального решения.

Так, в регламенте указано, что заявления о преступлении могут поступать в дежурную часть территориального органа в различной форме либо доставляются лично заявителем или его представителем. После его регистрации оперативный дежурный принимает меры реагирования в порядке, установленном законодательством и иными нормативными правовыми актами, которые регламентируют деятельность органов внутренних дел. Начальник территориального органа МВД России либо его заместитель поручают сотруднику органа внутренних дел провести проверку. В этом случае получается, что начальник территориального органа МВД России лично либо через своего заместителя (руководителя следственного органа) поручает, в том числе, следователю, провести проверку по заявлению в порядке ст. 144-145 УПК и принять по нему процессуальное решение.

Несколько иначе обстоит дело, когда следователю в ходе производства следственного действия поступило заявление о совершенном преступлении, которое ранее не было зарегистрировано. Следователь обращается к оперативному дежурному для осуществления процедуры регистрации данного заявления. Порядок взаимодействия служб и подразделений органов внутренних дел со следователем в данном документе прямо не предусматривается. Исходя из анализа Административного регламента, следователь взаимодействует и с начальником территориального органа МВД, и с оперативным дежурным только в момент регистрации заявления, сообщения и в случае, когда ему поручают провести проверку.

Вопросы взаимодействия следователя с дежурной частью территориального органа внутренних дел, экспертно-криминалистическим подразделением, оперативными подразделениями ранее регламентировались приказом МВД РФ от 20.06.1996 № 334 (с изм. от 18.01.1999) «Об утверждении Инструкции по организации взаимодействия подразделений и служб органов внутренних дел в расследовании и раскрытии преступлений», который утратил силу в связи с принятием приказа МВД России от 26 марта 2008 г. № 280дсп «Об утверждении Положения об организации взаимодействия подразделений органов внутренних дел Российской Федерации при раскрытии и расследовании преступлений».

Следственным комитетом Российской Федерации (далее по тексту – СК РФ) также принята Инструкция о порядке приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации,⁴ согласно которой организация работы по обеспечению приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении, а также контроль за осуществлением этой работы возлагаются на руководителя следственного органа. Кроме того, в данной Инструкции предусмотрены моменты, когда происходит взаимодействие следователя с органами внутренних дел. Так, в случае, когда поступившие в следственный орган СК России анонимные сообщения о преступлении, которые в соответствии с ч. 7 ст. 141 УПК не могут служить поводом для возбуждения уголовного дела, направляются по решению руководителя следственного органа СК России в органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность. Кроме того, взаимодействие осуществляется, если при проверке сообщения будет установлено, что оно подлежит передаче в другой орган предварительного расследования, следователь выносит постановление о передаче сообщения по подследственности.

Вместе с тем, возникают случаи, когда при проверке сообщения о преступлении следователь, с учетом содержащихся в сообщении сведений, требующих немедленного реагирования, должен принять меры к предотвращению и пресечению преступления, а также к обнаружению и фиксации следов преступления и иных доказательств, требующих закрепления, изъятия и исследования.

Н.А. Аменицкая справедливо отмечает, что проверка сообщения о преступлении может потребовать различных мер реагирования. В том числе и принятия мер неотложного характера: по предотвращению и пресечению преступления; установлению и преследованию по «горячим следам» лиц, совершивших преступления, с целью их задержания; производству отдельных следственных действий по закреплению следов преступления; введению в действие специальных планов по обнаружению и задержанию лиц, совершивших тяжкое или особо тяжкое преступление и т.д. Далее указанный автор отмечает, что должны быть задействованы все службы и подразделения органов внутренних дел, но, вместе с тем, должны быть четко определены с правовой точки зрения административные, оперативно-розыскные и уголовно-процессуальные действия, проводимые с соблюдением требований соответствующих законов, с учетом понимания того, что эти действия проводятся до возбуждения уголовного дела. Результаты их осуществления⁵ могут стать основанием для возникновения такого.

Для разрешения данных вопросов СК РФ в приказе Следственного комитета РФ от 15.01.2011 № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации»⁶ закрепил обязанность руководителям следственных органов, в целях установления единообразного порядка организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации, при расследовании и раскрытии преступлений обеспечивать эффективное взаимодействие с органами внутренних дел, осуществляющих оперативно-розыскную и экспертную деятельность. В этих целях организована система дежурств следователей СК РФ, согласованная с оперативными службами и экспертными учреждениями, для их незамедлительного выезда на место происшествия.

В органах внутренних дел также для обеспечения незамедлительного выезда на место происшествия при проверке заявления, сообщения в каждом территориальном подразделении ОВД организовано дежурство следователей, согласованное с оперативными службами и экспертно-криминалистическими подразделениями.

Проверка сообщения о совершенном или готовящемся преступлении заключается в производстве действий, направленных на обнаружение, фиксацию, изъятие и сохранение следов преступления, а также выяснение других обстоятельств, имеющих значение для принятия законного процессуального решения.

Б.Т. Безлепкин отмечает, что решающая роль в установлении основания к возбуждению уголовного дела принадлежит оперативно-розыскным средствам и методам проверки заявлений и сообщений, которые являются более гибкими, по сравнению с процессуальными проверочными действиями. В сложных, запутанных ситуациях, когда ответить на вопрос о событии преступления, не выходя из кабинета следователя, практически невозможно, только све-

дения, добытые оперативно-розыскным путем – гласным или негласным, – способны внести ясность в вопрос, было ли преступление и каков его характер. В подобных ситуациях хорошо организованное, отлаженное и грамотное взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, приобретает значение, определяющее подчас всю дальнейшую судьбу уголовного дела. Материалы, полученные в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, представляются следователю оперативными подразделениями.

Следует учитывать, что взаимодействие следователя с органами внутренних дел при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, должно быть основано на соблюдении законности, конституционных прав и свобод граждан. При этом в ходе проверки сведений, содержащихся в заявлении, сообщении, необходимо использовать средства органов внутренних дел.

Для производства проверочных действий следователь может обращаться к подразделениям и службам органов внутренних дел. Кроме того, в ходе проверки могут быть произведены оперативно-розыскные мероприятия, направленные на установление личности лица, подозреваемого в совершении преступления, свидетелей, а также розыск похищенного имущества и др.

Взаимодействие следователя при решении вопроса о возбуждении уголовного дела осуществляется путем дачи органу дознания обязательного для исполнения поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получения содействия при их осуществлении.

Согласно п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК следователь такое поручение дает в письменной форме. Кроме того, согласно ч. 1 ст. 144 УПК при проверке сообщения о преступлении следователь, руководитель следственного органа вправе требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов и привлекать к участию в этих проверках, ревизиях, исследованиях специалистов, а также давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

В тоже время, как свидетельствует проведенный нами опрос следователей и сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел, поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий в 23% случаев давались в устной форме. Свои действия следователи и сотрудники оперативных подразделений обосновывали формальностью составления письменного поручения.

Л.И. Плесева по этому поводу пишет, что дача письменных поручений отнюдь не является проявлением формализма, как считают сотрудники оперативных подразделений. Именно в письменной форме, подчеркивает автор, имеются определенные преимущества, так как это позволяет четко изложить

содержание поручения, указать, какие следственные и розыскные действия должны быть проведены, и дать другую необходимую информацию для исполнителя. Особенно важным является то, что письменная форма поручения позволяет проконтролировать качество и сроки его исполнения.

Полагаем, нарушение требований уголовно-процессуального закона недопустимо, поскольку согласно ч. 1 ст. 75 УПК доказательства, полученные с нарушением требований УПК, являются недопустимыми. На основании доказательств, которые не будут иметь юридической силы, принятое следователем решение о возбуждении уголовного дела будет являться незаконным.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 05.03.2004 № 1 (ред. от 09.02.2012) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» также разъяснил, что при рассмотрении уголовных дел и вынесении решений соблюдать установленные главой 2 УПК принципы уголовного судопроизводства, имеющего своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Достаточно четко по этому поводу высказался и Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении от 19.06.2012 № 1073-О-Р, указав, что согласно ч. 2 ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» результаты оперативно-розыскной деятельности могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями УПК, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств, и в иных случаях, установленных данным Федеральным законом. Результаты оперативно-розыскных мероприятий, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона, т.е. так, как это предписывается ч. 1 ст. 49 и ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации. При этом прямо запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам.

Положение п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК устанавливает право следователя в рамках принятого им к производству дела, давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о производ-

стве отдельных следственных действий и проведении оперативно-розыскных мероприятий, которому корреспондирует обязанность органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, исполнять в пределах своих полномочий такие поручения следователя по уголовным делам, принятым им к производству, самостоятельно определяя вид, форму, организацию и тактику оперативно-розыскных мероприятий. Недопустимо проведение оперативно-розыскных мероприятий, когда, в частности, отсутствует поручение следователя, руководителя следственного органа по уголовным делам либо материалам проверки сообщений о преступлении, находящихся в их производстве, а потому и недопустимо использования результатов таких мероприятий в доказывании по уголовному делу.

Как представляется, процессуальному характеру взаимодействия следователя с оперативными подразделениями органов внутренних дел, при при-

ятии решения о возбуждении уголовного дела, соответствует и письменная форма сообщения об исполнении поручений следователя, а также о результатах оперативно-розыскных мер, принятых по их инициативе.

Взаимодействие следователя с оперативными подразделениями органов внутренних дел осуществляется не только путем вынесения отдельного письменного поручения. При решении вопроса о возбуждении уголовного дела следователь с участием сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел обсуждает результаты производства первоначальных следственных действий, совместно разрабатывается конкретный план следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий по установлению лица, совершившего преступление, его задержанию, своевременному выявлению и изъятию следов преступления, вещественных доказательств, установлению возможных свидетелей.

1. Москалькова, Т. Н. Глава 19. Поводы и основание для возбуждения уголовного дела // Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. В. М. Лебедева, В. П. Божьева. 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2007.

2. См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.1999 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком» // СЗ РФ. – 1999. – № 14. – Ст. 1749.

3. Приказ МВД России от 01.03.2012 № 140 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по приему, регистрации и разрешению в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // Российская газета. – 2012. – 1 августа.

4. Приказ СК России от 03.05.2011 № 72 (ред. от 05.03.2012) «О порядке приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией о порядке приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации») // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. <http://www.sledcom.ru>.

5. Аменицкая, Н. А. Взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в раскрытии и расследовании преступлений (в ОВД): дисс. ... канд. юрид. наук. – Н-Новгород, 2006. – С. 110.

6. Приказ Следственного комитета РФ от 15.01.2011 № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации» // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. <http://www.sledcom.ru>.

7. Приказ МВД РФ № 368, ФСБ РФ № 185, ФСО РФ № 164, ФТС РФ № 481, СВР РФ № 32, ФСИН РФ № 184, ФСКН РФ № 97, Минобороны РФ № 147 от 17.04.2007 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд» // Российская газета. – 2007. – 16 мая.

8. Безлепкина, Б. Т. Краткое пособие для следователя и дознавателя. – Москва: Проспект, 2011. – 288 с.

9. Плесеина, Л. П. Правовые и организационные основы взаимодействия следователя с органами дознания: дисс. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2002. – С. 84.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 (ред. от 09.02.2012) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2004. – 25 марта.

11. См.: Определение Конституционного Суда РФ от 19.06.2012 № 1073-О-Р «Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства гражданина Лункина Вячеслава Владимировича о разъяснении Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2012 года № 167-О-О» // СПС «Консультант Плюс».

ГРЕБНЕВА Н.Н.,

к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса,
филиал Тюменского государственного университета в г. Сургуте,
nanaky2009@rambler.ru

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ

Ключевые слова: потерпевший, жертва преступления, уголовно-процессуальное законодательство, статус потерпевшего, представитель потерпевшего, уголовное судопроизводство, дознаватель, следователь, постановление о признании потерпевшим, возбуждение уголовного дела.

Автор статьи обращает внимание на несовершенство действующего уголовно-процессуального законодательства в области защиты прав потерпевших и, в связи с этим, указывает на необходимость изменения некоторых норм Уголовно-процессуального кодекса России, предлагает новую формулировку определения потерпевшего в уголовном процессе.

Key words: person affected, the victim of a crime, criminal procedure law, victim status, complainant representative, criminal trial, investigating officer, criminal investigator, recognition of aggrieved person decree, institution of a criminal case.

The author of the article draws attention to the imperfection of the present criminal procedure legislation with regard to protection of complainants' rights and as a result points out the necessity of reformation of some norms of Criminal Procedure Code of Russian Federation, and suggests redraft of complainants' qualification in criminal procedure.

По данным статистики в России ежегодно совершается 3-3,5 миллиона преступлений. Нередко от совершенного преступления страдает не одно лицо или одна организация, а несколько, так что число жертв преступлений ежегодно достигает нескольких миллионов. Так, только по Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре за шесть месяцев 2012 года потерпевшими были признаны 21 063 физических и юридических лица.¹ Столь значительное количество лиц, относимых к данной категории, делает весьма актуальным вопрос о необходимости совершенствования уголовно-процессуального законодательства в области защиты прав потерпевшего.

Российское уголовное судопроизводство декларирует своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, что закреплено в п. 1 ч. 1 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 года (далее УПК РФ). Несмотря на это, судебная практика показывает, что потерпевший в современном уголовном процессе России рассматривается как участник, необходимый в производстве по уголовному делу лишь для дачи показаний, а восстановление его нарушенных прав и интересов – это второстепенная задача при принятии процессуальных решений.

Прежде чем лицу стать потерпевшим в процессуальном смысле и в полной мере воспользоваться защитой своих прав с позиции закона, необходимо наличие фактического и юридического оснований.

Статус потерпевшего физическое лицо получает в связи с причинением физического, имущественного, морального вреда, а юридическое лицо в случае

причинения вреда его имуществу и деловой репутации в результате совершения преступления. Наличие последствий в виде вреда и является фактическим основанием для признания лица потерпевшим.

Второй составляющей статуса потерпевшего является процессуальное оформление лица в данном качестве. В.П. Божьев отмечает, что «появление в ходе уголовного судопроизводства такого участника процесса, как потерпевший, связано с вынесением дознавателем, следователем, прокурором и судом (судьей) постановления (определения) о признании потерпевшим. Следовательно, юридическим фактом, обуславливающим возникновение при производстве по делу такого субъекта (участника) уголовно-процессуальных отношений, как потерпевший, является вынесение постановления о признании лица потерпевшим».²

Таким образом, здесь мы сталкиваемся с существующей в уголовно-процессуальном праве проблемой: необходимо точно определить в законе время приобретения лицом статуса потерпевшего. По нашему мнению, это должно происходить одновременно с возбуждением уголовного дела. В постановлении о возбуждении уголовного дела орган дознания, дознаватель, следователь обязаны определить, кто является потерпевшим от преступления. Указание в постановлении на данное лицо должно являться достаточным основанием приобретения им правового статуса потерпевшего (по аналогии с п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ в отношении подозреваемого). По нашему мнению, следует как можно раньше наделять пострадавшего от преступления процессуальными правами и обеспечивать их неукоснительное соблюдение в процессе производства расследования. Дан-

ное положение находит свою поддержку и развитие в докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации В. Лукина, который также считает, что пострадавшее от преступления лицо должно признаваться потерпевшим и гражданским истцом одновременно с вынесением постановления о возбуждении уголовного дела.³

Кроме того, думается, что в часть четвертую ст. 146 УПК РФ стоит внести дополнение следующего содержания: «О возбуждении уголовного дела в течение 24 часов орган дознания, дознаватель, следователь уведомляет потерпевшего, а также направляет ему копию постановления о возбуждении уголовного дела».

В случае, когда на момент возбуждения уголовного дела не удалось точно определить потерпевшего или установить всех потерпевших, следователь (дознаватель) в ходе производства по уголовному делу устанавливает их и выносит постановление о признании потерпевшим.

Неурегулированным уголовно-процессуальным законодательством до настоящего времени остается вопрос, связанный с приготовлением и покушением на совершение преступления, когда реального вреда не наступило, а создается лишь угроза нарушения прав и законных интересов потерпевшего. Часть первая ст. 42 УПК РФ указывает на признание потерпевшим только в том случае, если (как мы отмечали выше) физическому лицу преступлением уже причинен физический, имущественный, моральный вред, а юридическому лицу – вред его имуществу и деловой репутации. Хотя еще в 1893 году известный российский процессуалист И.Я. Фойницкий писал, что потерпевшими «признаются все лица, которые понесли от преступления какой-либо вред, материальный или нематериальный, наличный или только юридически возможный, выражающийся в нарушении их самих или близких им по родству или опеке».⁴

В судебно-следственных органах уже сложилась практика признания лица потерпевшим по уголовным делам о неоконченных преступлениях. С учетом практики считаем необходимым часть первую ст. 42 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«1. Потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен или создана угроза причинения физического, имущественного, морального вреда, а также юридическое лицо в случае причи-

нения или угрозы причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Потерпевшим признается лицо, указанное таковым в постановлении о возбуждении уголовного дела, либо решение о признании потерпевшим оформляется отдельным постановлением дознавателя, следователя или суда».

И еще одна проблема российского уголовного судопроизводства – участие в уголовном процессе представителя потерпевшего. Конституционный Суд России определением от 5 декабря 2003 года установил, что «представителем потерпевшего в уголовном процессе могут быть иные – помимо адвокатов – лица, в том числе близкие родственники,⁵ о допуске которых ходатайствует потерпевший».

Однако, по нашему мнению, именно адвокат, выступая представителем потерпевшего, способен более квалифицированно выполнить работу по осуществлению прав и законных интересов потерпевшего в уголовном процессе. Но не у всех потерпевших достаточно денег для оплаты его труда. «При этом нельзя не отметить, что интересы государства защищаются органами прокуратуры, интересы обвиняемого – адвокатом, в то время как потерпевшие имеют возможность отстоять свои права и законные интересы с помощью адвоката лишь в редких случаях. Ведь, как ни парадоксально, у потерпевшего нет права воспользоваться услугами бесплатного защитника. Такое право предусмотрено только для обвиняемого».⁶

В связи с вышеуказанным, в часть первую ст. 45 УПК РФ необходимо внести дополнение следующего содержания: «В случае отсутствия у потерпевшего средств на оплату труда адвоката-представителя, следователь, дознаватель и суд обеспечивают его участие в уголовном деле по назначению. Расходы на оплату труда адвоката компенсируются за счет средств федерального бюджета, а в дальнейшем подлежат взысканию с виновного лица в качестве судебных издержек».

Таким образом, считаем, что продуманный подход к предлагаемым изменениям уголовно-процессуального законодательства в совокупности с обеспечением реального участия представителя на стороне потерпевшего, желательно на профессиональной основе (адвоката), несомненно, будет иметь положительный результат для современного российского уголовного судопроизводства.

1. Комплексный анализ оперативной обстановки и результатов работы органов внутренних дел по Ханты-Мансийскому АО-Югре за первое полугодие 2012 года. – Ханты-Мансийск, 2012. – С. 4.

2. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В. М. Лебедева; науч. ред. В. П. Божьев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Спарк, 2004. – С. 98-99.

3. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации от 27 мая 2008 года «Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений» // Российская газета. – 2008. – 4 июня.

4. Фойницкий, И. Я. Русское уголовное судопроизводство. Предмет и движение уголовного разбирательства. – СПб., 1983. – С. 20.

5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2003 года № 447-О «По жалобе уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки Г.М. Ситяевой частью первой статьи 45 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Новые законы и нормативные акты. – 2004. – № 26. – С. 54-57.

6. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации от 27 мая 2008 года «Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений» // Российская газета. – 2008. – 4 июня.

КОЩЕЕВА Е. С.,

к.ю.н., доцент кафедры гражданского процесса,
Институт (филиал) МГЮА имени О.Е. Кутафина в г. Кирове (г. Киров),
тел.: 8-922-66-4280, koscheeva@yandex.ru

ПРЕДЕЛЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ

Ключевые слова: право на судебную защиту, злоупотребление правом на защиту, пределы судебной защиты.

В статье обсуждается проблема определения содержания «права на суд», закрепленного в ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и ст. 46 Конституции Российской Федерации, а также определения пределов реализации указанного права в рамках судопроизводства по гражданским делам.

Key words: right to trial, abuse of the right to protection, limits of judicial protection.

In article the problem of definition of the contents «the rights to trial», enshrined in Art. 6 of the European Convention on Human Rights and Art. 46 of the Constitution of the Russian Federation, and also definition of limits of realization of the specified right within legal proceedings on civil cases is discussed.

В рамках проведенного исследования в области «права на судебную защиту» можно отметить такой фактор как абсолютизация права на судебную защиту, однако в реальном судопроизводстве она имеет свои пределы.

Так, реализация права на судебную защиту как мы уже установили, не ограничена одним обращением в суд, так и само обращение не является гарантом получения судебной защиты.

Этот вывод сделан на основе изученной судебной практики, по решениям Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека.

В Определении конституционного суда от 4 декабря 2003 г. отмечается что «законодатель, определил пределы обращения взыскания в рамках исполнительных документов на жилое помещение, которое принадлежало на праве собственности должнику, тем самым ограничив право кредитора на исполнение судебного решения, которое было вынесено в его пользу, этим решением суд не вышел за рамки, которые допускают ограничения конституционного права на судебную защиту».¹ Аналогичная позиция была сформулирована впоследствии в Определении Конституционного Суда от 20 октября 2005 г.² и пр.

Отсюда следует, что право на судебную защиту подлежит определенным ограничениям, которые соответствуют таким критериям, как допустимость и соразмерность.

В практике деятельности Европейского Суда по правам человека вынесены решения, в которых отмечается неабсолютный характер права на судебную защиту.

Рассматривая жалобу гражданина В.Ф. Шестакова против РФ Европейский Суд отметил, что «право на обращение в суд и стадия исполнения соответствующего судебного решения не являются абсолютными и могут подлежать законным ограничениям...». Определяя ограничения права, Европейский Суд подвергает рассмотрению такой факт, как уменьшается ли посредством данного ограничения значи-

мость права, преследуется ли законная цель и есть ли рациональное соотношение между преследуемой целью и используемыми средствами... В случае, если установленное ограничение отвечает этим принципам, то тогда и не нарушается статья 6 Конвенции о правах человека.

В последующих решениях Европейский Суд также подчеркивал, неабсолютный характер права на обращение в суд, так что его можно ограничить, при этом учитывая условия допустимости иска. Но данные ограничения не могут относиться на использование права. У них должна быть законная цель и соответствующая пропорциональность между целью и средствами ее достижения.⁴ В решении Девеер против Бельгии Европейский Суд отметил, что «право на правосудие» является составляющей судебного разбирательства, но не абсолютно как «уголовной», так и «гражданско-правовой» сферы⁵ и может подразумевать законные ограничения».

Так, рассматривая судебную практику Конституционного суда РФ, и Европейского Суда по правам человека, можно прийти к выводу, что право на судебную защиту и отдельные правомочия, которые отражают содержание данной дефиниции, в определенных обстоятельствах могут быть ограничены с учетом критериев соразмерности и допустимости.

Право на судебную защиту в известной степени имеет абсолютный характер, но существует возможность злоупотребления этим правом, что позволяет законно установить пределы судебной защиты.

Тема пределов судебной защиты взаимосвязана с проблемами злоупотреблений процессуальными правами, и не часто, но поднималась исследователями процессуальных отраслей права.⁶

Злоупотребление правами процессуального характера можно определить как нарушение принятых стандартов и установленных принципов процесса, в результате которых возникает ситуация, когда невозможно достичь справедливого решения.⁷ Как отметил Я.В. Грель, злоупотребление процессуальными

ми правами может быть выражено в двух вариантах. Первый вариант, когда злоупотребление выражено процедурой разрешений спора (затягивается процесс). Второй вариант, когда злоупотребление происходит по отдельным процессуальным правам, таким, как правом на иск (в случае, когда нет определенных оснований для подачи иска, в случае, когда не конкретизированы нарушения, которые имели место), в ситуации, когда иск подается по уже разрешенным спорам (недействительность договора, когда установлены нарушения в судебном порядке одной из сторон и пр.).

В отношении понятия «злоупотребление правом на защиту» существует высказывания зарубежных ученых. Так, французский цивилист Е. Годэмэ относит к случаям шиканы «предъявление иска или возражение против него без серьезного в том интереса, с целью побудить своего противника к излишним хлопотам и издержкам».

В правовых нормах Гражданского кодекса и Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации нет прямо выраженного запрета злоупотребления правом на предъявление иска (правом на судебную защиту). Данное обстоятельство в ряде случаев давало судебным инстанциям основание для вывода, что злоупотребление правом на иск невозможно. Так, по одному из дел о банкротстве суд первой инстанции по смыслу ст. 10 ГК РФ расценил в качестве злоупотребления правом неоднократное обращение одного из кредиторов с жалобами о нарушениях при проведении собраний кредиторов и отстранении конкурсного управляющего, отклоненными всеми судами. ФАС Западно-Сибирского округа указал на отсутствие злоупотребления правом, поскольку из ст. 46 Конституции РФ следует гарантия каждому судебной защиты его прав и свобод. Значит, обращение в суд не может быть квалифицировано в качестве злоупотребления правом (Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 16.08.2002 по делу № Ф04/2846-529/А70-2002-33¹⁰).

Такой запрет был обозначен Конституционным Судом РФ в Постановлении от 14.02.2002 г. № 9 4-П «По делу о проверке конституционности ст. 140 ГПК РСФСР в связи с жалобой гражданки Л. Б. Фишер»,¹¹ Как констатировал Суд, данная позиция может быть выведена из смысла ст. 17 (ч. 1 и 2), 46 (ч. 1) и 123 (ч. 3) Конституции РФ.

Следует отметить, что в конституционно-судебном процессуальном праве проблема злоупотребления практически не разработана. Полагаем, что данный вопрос должен стать предметом исследования науки конституционного права, и полагаем справедливым по данному поводу замечание Н.С. Бондаря: «при очевидности и, естественно, возможности подтверждения факта злоупотребления заявителем своим правом на подачу жалобы в Конституционный Суд, данное обстоятельство должно рассматриваться как основание для отказа в принятии такой жалобы как недопустимой».¹²

Каждый год в России объем обращений в суд увеличивается, это является следствием расширения возможностей судебной защиты физических и юридичес-

ких лиц, что требует от деятельности судебной системы функционирования на высокоэффективном уровне, для чего часть дел необходимо отнести к компетенции суда, а часть передать на досудебные процедуры.¹³

Проблема установления пределов права на судебную защиту в сфере гражданского судопроизводства зависит от правильного, научно обоснованного распределения подведомственности между юрисдикционными органами. Необходимо определить виды прав, для которых нецелесообразна судебная защита, поскольку они могут быть успешно и оперативно защищены несудебными органами. Поэтому представляется возможным изъять некоторые категории дел из подведомственности судов и передать другим юрисдикционным органам.

Усиление реальной судебной защиты находится в прямой зависимости не от количества рассматриваемых дел, а от обоснованного разграничения подведомственности споров между судебными и несудебными органами.

Анализируя совокупность субъективных прав, свобод и законных интересов, которыми обладают субъекты, следует обратить внимание на два существенных момента: 1) судебная защита в некоторых случаях используется без достаточной на то необходимости; 2) некоторые субъективные права, свободы и законные интересы не нуждаются в судебной защите. Государство заинтересовано в том, чтобы предполагаемый нарушитель права, свободы или законного интереса самостоятельно, без вмешательства суда, восстановил нарушенное право, отказался от дальнейшего нарушения, добровольно исполнил лежащую на нем обязанность. Лишь только в том случае, если правонарушитель отказывается, либо не может это сделать по причинам от него не зависящим, должна применяться судебная защита. Тем не менее, на рассмотрение судов поступает большое количество гражданских дел, в которых между сторонами нет правового конфликта, нет спора между лицами. Следовательно, только в том случае, когда спор о праве существует как объективное состояние права, когда оно нуждается в принудительной защите или осуществлении, можно говорить о праве на судебную защиту. Субъективное отношение лиц к их правам и обязанностям не может служить основанием для обращения в суд за судебной защитой и не может рассматриваться как ограничение права на судебную защиту.

Однако отказ в предоставлении судебной защиты во всех случаях отсутствия спора о праве был бы несправедливым. По некоторым категориям дел лицу, обращающемуся в суд, крайне затруднительно представить данные о том, как ответчик относится к предъявленному в отношении него требованию. В связи с этим, гражданское процессуальное законодательство не устанавливает обязательного по всем предъявляемым требованиям предварительного досудебного порядка урегулирования спора. Было бы целесообразно расширить рамки применения этого порядка, установив, например, обязательную досудебную процедуру урегулирования спора по требованиям, предъявляемым к организациям.

Как отметил Г.Г. Рожков, «Совершенно очевидно, что сегодня необходимо законодательно урегулировать вопрос о разграничении подведомственности между судами. Однако законодатель нередко проявляет в решении таких вопросов явную медлительность и непоследовательность».¹⁴ Сказанное вполне можно отнести к доктринальной идее создания на территории Российской Федерации административных судов, которая в настоящее время до сих пор находится, как отмечают некоторые исследователи, «в стадии затянувшейся дискуссии»,¹⁵ а подведомственность судов общей юрисдикции в этом вопросе так и не определена достаточно четко.¹⁶

Другой достаточно актуальной проблемой в сфере реализации права на судебную защиту остается вопрос о злоупотреблении им и мерах ответственности, применяемых к лицам, недобросовестно использующим это предоставленное Конституцией РФ право.

Принцип добросовестности реализации права на судебную защиту в гражданском судопроизводстве предполагает безупречное поведение лица при обращении в суд с точки зрения нравственных норм, тесно связанных с юридическими нормами. Помыслы лица при реализации права на судебную защиту должны быть позитивными и совпадать с его поведением, характеризующимся честностью в защите своих прав, свобод и законных интересов и исключающим применение различного рода ухищрений.

Само управомоченное лицо должно осознавать, что ему принадлежит право требовать что-либо от иного субъекта. Однако управомоченные субъекты зачастую сознательно обращаются в суд с целью неосновательного получения прав, свобод и законных интересов. В данном случае, целью реализации права на судебную защиту становится получение личных и материальных выгод, на которые лицо не имеет права в соответствии с законом или иными правовыми актами.

Использование права на судебную защиту в гражданском судопроизводстве вопреки его целям имеет место и в случае подачи заявления, не имеющего фактического основания. Речь идет о заявлении неправых требований, не имеющих никакого отношения к правам, свободам, законным интересам управомоченного субъекта. Как отмечал В.М. Жуikov, суд используется в качестве политической трибуны, средства сведения личных счетов и т.п.¹⁷

Управомоченный субъект при обращении в суд недобросовестно идентифицирует себя с обладате-

лем нарушенного или оспариваемого права, свободы или законного интереса. У суда не должно быть никаких сомнений в том, что заявитель информирован об отсутствии у него соответствующего права, свободы или законного интереса.

В настоящее время, действующее гражданское процессуальное законодательство не позволяет суду отказывать в принятии заявлений и прекращать производство по делу в случае, если требования заинтересованного субъекта направлены на защиту отсутствующих у него прав, свобод и законных интересов.

Согласно выработанной доктрине гражданского процессуального права, суд должен принимать и разрешать любые требования. Отказ в принятии заявления по соображениям материального права считается недопустимым, а отказ в удовлетворении неправового требования возможен только после рассмотрения дела по существу.

Как отмечает Н.А. Новиков¹⁸ «действующее гражданское процессуальное законодательство обязывает лицо, обращающееся в суд с заявлением, указывать в нем, в чем заключается нарушение либо угроза нарушения прав, свобод или законных интересов такого лица. В заявлении управомоченный субъект обязан изложить свое субъективное представление о якобы нарушенном и принадлежащем ему праве, свободе или законном интересе. При невыполнении данного требования законодатель обязывает судью оставить заявление без движения на основании ч. 1 ст. 136 ГПК РФ, что является действенной мерой», но недостаточной.

На наш взгляд, злоупотребление правом на судебную защиту следует отличать от необоснованного предъявления иска, когда отсутствует фактическое или правовое основания заявленного требования. В данном случае следует предусмотреть ответственность в виде компенсации за фактическую потерю времени для всех случаев отказа в удовлетворении требований ввиду отсутствия фактов нарушения или угрозы нарушения прав, свобод или законных интересов управомоченного субъекта, в связи с чем предлагается внести соответствующие дополнения в ст. 99 ГПК РФ.

В общем, взаимодействие материалов практики и юридической науки является основой в совершенствовании нормативных источников и, в конечном счете, это должно повысить эффективность правосудия и поднять уровень судебной защиты на новый уровень.

1. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2003 г. № 456-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Октябрьского районного суда города Ижевска о проверке конституционности абзацев первого и второго пункта 1 статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2004. – № 3.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 октября 2005 г. № 382-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каширина Бориса Александровича на нарушение его конституционных прав подпунктом 1 пункта 4 статьи 51 Федерального закона «Об исполнительном производстве». Документ официально не опубликован // ИПС «Консультант Плюс».

3. Шестаков (Shestakov) против Российской Федерации (жалоба N 48757/99). Решение Европейского Суда по правам человека (IV секция) по вопросу приемлемости жалобы от 18 июня 2002 г. // Журнал российского права. – 2002. – № 11.

-
4. См., напр.: Голдер (Golder) против Соединенного Королевства. Решение Европейского Суда по правам человека от 21 февраля 1975 г. § 36 // Европейский Суд по правам человека: избранные решения. – М.: Издательство «НОРМА», 2000; Fayed против Соединенного Королевства. Решение Европейского Суда по правам человека от 21 сентября 1994 г. § 65; Bellet против Франции. Решение Европейского Суда по правам человека от 4 декабря 1995 г. § 31; Levages Prestations Services против Франции. Решение Европейского Суда по правам человека от 23 октября 1996 г. § 40; F. E. против Франции (жалоба N 60/1998/963/1178). Решение Европейского Суда по правам человека от 30 октября 1998 г. (документ не опубликован).
5. Девеер (Deweer) против Бельгии. Решение Европейского Суда по правам человека от 27 февраля 1980 г. § 49 // Европейский Суд по правам человека: избранные решения. – М.: Издательство НОРМА, 2000.
6. Беляевская, О. Я. Пределы реализации права граждан на судебную защиту // Мировой судья. – 2005. – № 6. – С. 8-10; Клепикова, М. А. Пределы защиты правовых интересов в гражданском и арбитражном судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. – 2005. – № 4. – С. 43-47; Юдин, А. В. Тенденции законодательного и научно-практического освоения категории «злоупотребление процессуальными правами» в гражданском и арбитражном процессе // Московский юрист. – 2011. – № 1 (2). – С. 26-34; Грель, Я. В. Злоупотребления сторон процессуальными правами в гражданском и арбитражном процессе. Дис. ... канд. юрид. наук. – Новосибирск, 2006. – 204 с.
7. Юдин, А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. – СПб.: ИДСПбГУ, 2006. – С. 72.
8. Грель, Я. В. Злоупотребления сторон процессуальными правами в гражданском арбитражном процессе. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Новосибирск, 2006. – С. 112.
9. Годэмэ, Е. Общая теория обязательств. Перевод с французского. – М.: ЮИ, 1948.
10. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 16.08.2002 № Ф04/2846-529/А70-2002. Жалоба кредитора на действия конкурсного управляющего отклонена Арбитражным судом, поскольку получение конкурсным управляющим премиальных за счет имущества должника на основании незаконного решения комитета кредиторов не относится к грубым нарушениям, которые могут повлечь отстранение от должности // ИПС «Консультант Плюс».
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2002 № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 140 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Б. Фишер» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2002. – № 3.
12. Бондарь, Н. С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2005. – С. 361.
13. Карпова, Г. А. Как уменьшить объемы судебных дел // Вестник Арбитражного суда города Москвы. – 2008. – № 4. – С. 102.
14. Рожков, Г. Г. Проблемы разграничения подведомственности споров судам общей юрисдикции и арбитражным судам. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 156.
15. Жидков, А. А. Создание административных судов как путь к завершению судебной реформы в РФ // Актуальные проблемы реформирования современного законодательства Российской Федерации: Сборник тезисов докладов (по материалам Всероссийской ежегодной научной студенческой конференции, Саратов, 16 апреля 2010 г.). – Саратов: СГАП, 2008. – С. 44;
16. Романовский, Г. Б. Административная юстиция в свете российской судебной реформы // Судебная реформа в современной России: итоги и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 20-летию судебной реформы (г. Пенза, 20-21 октября г.). – Пенза: ИПГУ, 2011. – С. 124.
17. Жуйков, В. М. Проблемы совершенствования гражданского законодательства. – М.: Юриспруденция, 2010. – С. 83.
18. Новиков, А. В. Структура института обращений граждан: материальные и процессуальные элементы // Правовая наука и реформа юридического образования: процессуальное право и правовая культура: проблемы взаимодействия и развития. Сборник научных трудов, 2005. – Вып. 18. – С. 155.

О НЕОБХОДИМОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО СТ. 170 УК РФ

Ключевые слова: государственный реестр, ценные бумаги, система депозитарного учета, юридические лица, физические лица, земельный кадастр, незаконная сделка, криминалистическая характеристика, фальсификация.

В данной статье раскрывается криминалистическая характеристика фальсификаций единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета. Автор указывает, что незаконные сделки с землей могут привести к концентрации в одних руках, превратив землю в объект неправомерной спекуляции. Криминалистическая методика расследования и судебного разбирательства данного вида преступлений в России еще недостаточно отработана, поэтому необходимо дать криминалистическую характеристику самого преступления, подозреваемого и обвиняемых лиц для успешного расследования уголовных дел.

Key words: public register securities depository accounting system, entities, individuals, land Cadastre, illegal transaction, forensic characterization falsification.

This article deals with the characterization of forensic fraud unified state register of legal persons, the register of holders of securities or depository accounting system. The author points out that the illegal land transactions can lead to a concentration in a few hands, turning the land into an object of undue speculation. Forensic methods of investigation and trial of such crimes in Russia has not worked out, so you need to give the forensic characterization of the crime, the suspect and the accused persons to the success of criminal investigations.

Конец XX века для России оказался началом монополизации государственной собственности на землю. У граждан появилось право на приватизацию земли и проведение с ней сделок. Это привело к изменениям в общественном сознании по вопросу землепользования. В настоящее время имеется как законная приватизация земли, так и фальсификация единого государственного реестра юридических и физических лиц.

На сегодняшний день проблема регистрации незаконных сделок с землей состоит в отсутствии опыта противодействия данным деяниям и сложности в доказательстве рассматриваемого преступления. Организованная преступность, теневая экономика, недостаточность правового обеспечения – основные проблемы данного вопроса.¹

Незаконные сделки с землей могут привести к концентрации ее в одних руках, превратив землю в объект неправомерной спекуляции. Так же такие действия могут вывести земли из сельскохозяйственного оборота, что грозит значительными потерями для государства в сельской отрасли.

Государство заинтересовано в искоренении преступлений, которые относятся к ст. 170 УК РФ, потому, как общественная опасность данного преступления состоит в нарушении равенства граждан и экономических интересов Федерации. Несмотря на принимаемые государством меры по усовершенствованию законодательной базы, вопрос регистрации незаконных сделок с землей все еще остается открытым.

Вместе с тем, криминалистическая методика расследования и судебного разбирательства данного вида преступлений недостаточно отработана.

Любая криминалистическая методика базируется на обобщении судебной практики, как передовой, так и негативной. Она должна учитывать типичные судебные ошибки. Судебные ошибки многочисленны.

Поэтому выявление закономерностей, общих для совершения всех видов преступлений, является объектом исследования базовой методики, которая предполагает создание базовой криминалистической характеристики определенного рода деяний, на основе которой выдвигаются типичные версии.

Определение общих для всех выделенных преступлений направлений расследования определяет универсальный характер базовой методики. В криминалистической литературе высказывалось отрицательное мнение о возможности создания общего метода расследования.²

Соглашаясь с тем, что нельзя разработать единый метод расследования для всех без исключения преступлений, в то же время необходимо признать, что может быть разработан общий метод расследования для определенной группы (рода) преступлений.³ Такого же мнения придерживались придерживались Р.С. Белкин и С.Н. Чурилов.⁴ В основе применения данного метода практическими работниками должен лежать анализ исходной и дополнительной криминалистически значимой информации, после чего рекомендации базовой методики должны быть приспособлены (адаптированы) к особенностям и услови-

ям конкретного факта расследования. Общность данного метода определяется тем, что он может применяться при расследовании любого вида (подвида) преступлений, объединенных в единый род.

На наш взгляд, не вдаваясь в дальнейший подробный анализ различных точек зрения, касающихся криминалистической характеристики преступлений, хотелось бы отметить, что она должна быть своеобразной «рекомендацией по расследованию преступлений». В зависимости от сложности расследования преступления она может быть расширена новыми дополнительными элементами.⁶

Преступления данного типа считаются оконченными в момент своего совершения. То есть, согласно закону не требуется наступление последствий по данному преступлению. Наличие большого количества возможных сделок с землей дает основание предположить большое количество нарушений, связанных с данным вопросом. Юридические и физические лица могут приобретать право на землю и вещные права среди которых: сервитут, право постоянного пользования земельным участком, право пожизненного наследования земельного участка, все эти права подлежат регистрации. Другие обязательные права на землю, такие как: аренда, договор ренты, дарения, мены, доверительное управление имуществом, так же должны быть зарегистрированы в комитете РФ по земельным ресурсам или его органам на местах.

Регистрация сделок с землей происходит в соответствии с Положением «О порядке ведения государственного земельного кадастра в РФ», утвержденного Правительством РФ 05.09.92 г. Соответственно, сделки с землей, не имеющие на то никаких оснований, не могут быть зарегистрированы.

Искажение учетных данных государственного земельного кадастра – это внесение неверных оценочных или фактических данных в документы учета,

правила, заполнения которых регламентируются нормативными актами и Положением «О порядке ведения государственного земельного кадастра в РФ». Чаще всего искажаются размеры участка, правовой режим совершения сделок с ним, качество земли. Это делается для принятия неправомερных решений по земельному участку. Уменьшив размер земельного участка, должностное лицо уменьшает обязательные налоги и другие платежи, предусмотренные законодательством РФ при оформлении сделок с землей.

Занижением размеров платежей за землю является уменьшение арендной платы, или снижение нормативной цены земли при ее продаже. Заниженная нормативная цена за землю – это продажа земли по цене, значительно ниже средней рыночной цены.

Личная или корыстная заинтересованность должностного лица при совершении такого преступления как регистрация незаконных сделок с землей, не может выражаться в форме взятки, которая является самостоятельным преступлением.

Чтобы обвинить должностное лицо в данном преступлении, необходимо доказать сам факт совершения преступления, а именно признать сделки не действительными по вине обвиняемого и отменить действие незаконно возникших прав. Решение суда по отношению должностного лица, совершившего преступление по статье 170 УК РФ всегда выносится, исходя из всех фактов и обстоятельств рассматриваемого дела.

Таким образом, исходя из особенностей расследования преступлений предусмотренных ст. 170 (Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета) необходимость разработки и совершенствования криминалистической характеристики данного вида преступлений вы-

1. <http://www.souzsad.ru/index.php/gl/39-sgt/60-2011-01-26-19-51-51>; <http://www.finexg.ru/obshhaya-xarakteristika-prestuplenij-v-sfere-konomichej-deyatelnosti/>.

2. О судебных ошибках см.: Авдеев, М. И., Алексеев, В. Б., Анашкин, Г. З., Бойков, А. Д. и др. Эффективность правосудия и проблемы устранения судебных ошибок. – М., 1975. – Т. 1, 2.

3. См.: Громов, В. Методика расследования преступлений. – М., 1930. С. 17; Он же. Техника расследования отдельных видов преступлений. – М., 1931. – С. 5; Шавер, Б. М. Об основных принципах частной методики расследования преступлений // Соц. законность, 1938. – № 1. – С. 46; Колесниченко, А. Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. – Харьков, 1965. – С. 21; Он же. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Харьков, 1967. С. 14; Он же. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. – Харьков, 1976. – С. 9; Лузгин, И. М. Методические проблемы расследования. – М., 1973. – С. 103; Дулов, А. В. Понятие и структура методов расследования преступлений (тезисы). – М., 1972; Калинин, Л. Н. Об использовании достижений науки управления в разработке методов раскрытия преступлений // Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. – М., 1973. – С. 31-32 и др.

4. Субботин, М. В. Структура базовой методики расследования преступлений // Вестник криминалистики. – М. – вып. 2(18)/2006. – С. 4-7.

5. См: Белкин, Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М., 1997. – С. 432-434; Чурилов, С. Н. Проблемы общего метода расследования преступлений. – М., 1993. – С. 59.

6. Более подробно об основных элементах криминалистической характеристики преступлений, связанных с фальсификацией единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета, в наших дальнейших публикациях.

СУБЪЕКТЫ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Ключевые слова: субъекты стадии апелляционного производства (по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации), полномочия государственного обвинителя по обжалованию итоговых и промежуточных судебных решений в апелляционную инстанцию, подозреваемый и обвиняемый как субъекты апелляционного обжалования промежуточных судебных решений.

В статье приводится квалификация субъектов стадии апелляционного производства (по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации) в зависимости от юридической силы обжалуемого решения: итоговое или промежуточное судебное решение, анализируется несовершенство законодательства в рамках регламентации вопроса о субъектах апелляционного производства.

Key words: subjects of a stage of appeal production (on criminally – to the procedural code of the Russian Federation), powers of the State accuser according to the appeal of total and intermediate judgments in appeal instance, are suspected and accused as subjects of the appeal appeal of intermediate judgments.

Qualification of subjects of a stage of appeal production is given in article (on criminally – to the procedural code of the Russian Federation) depending on validity of the obzhaluyemy decision: the total or intermediate judgment, are opened imperfection of the legislation within a regulation of a question of subjects of appeal production.

Возникновение апелляционного производства связано с волей участников уголовно-процессуальных отношений, они заинтересованы в исходе дела и уполномочены законом на принесение жалобы (представления) на незаконное, необоснованное или несправедливое судебное решение.

На любой стадии уголовного процесса законодателем определены основные участники процесса, т.е. субъектный состав. Апелляционное производство не является исключением. Основными субъектами данной стадии судебного процесса являются лица, имеющие право обжалования.

Участники уголовного процесса, которые наделены правом обжалования судебного решения, не вступившего в законную силу, указаны в ст. 389.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). К их числу относятся осужденный, оправданный, их защитники и законные представители, государственный обвинитель, и (или) вышестоящий прокурор, потерпевший, частный обвинитель, их законные представители, а также иные лица. «Это заинтересованные лица, правомочные в силу закона к приношению апелляционного отзыва». В указанной статье прямо не указана юридическая сила обжалуемых судебных решений, однако данное упущение компенсировано п. 2 ст. 5 УПК РФ, согласно которому в апелляционном порядке рассматриваются уголовные дела по жалобам и представлениям на не вступившие в законную силу приговоры и постановления (определения) суда.

Таким образом, обжалованию в апелляционном порядке подлежат судебные решения суда первой инстанции, не вступившие в законную силу (ст. 389.1 УПК РФ). Данная форма обжалования распространяется на любые решения суда первой ин-

станции, не вступившие в законную силу, как итоговые, так и промежуточные судебные решения.

Итоговое судебное решение – это приговор и иное решение суда, вынесенное в ходе судебного разбирательства, которым уголовное дело разрешается по существу (п. 53-1 ст. 5 УПК РФ). Промежуточные решения касаются отдельных вопросов уголовного дела – совершения процессуальных действий или оценки обстоятельств дела. Право обжалования промежуточных судебных решений допускается как одновременно с обжалованием итогового судебного решения (в данном случае стороны должны дожидаться постановления итогового судебного решения, сила которого определяется вышестоящей инстанцией), так и отдельно от обжалования итогового судебного решения. Поэтому субъектами обжалования промежуточных судебных решений могут выступать не только стороны, но и другие лица, заинтересованные в разрешении поставленных вопросов.

Остановимся более подробно на субъектном составе апелляционного производства. Как отмечает Л.А. Воскобитова, «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации построен на основе функционального подхода и все участники уголовного судопроизводства наделяются правами и обязанностями в объеме, необходимом для выполнения своих процессуальных функций». Апелляционное производство не является исключением, а субъекты обжалования вовсе не одинаково наделены полномочиями по обжалованию решений, вынесенных судом первой инстанции.

Всех лиц, правомочных обжаловать судебное решение в апелляционную инстанцию, перечисленных в статье 389-1 УПК РФ, сгруппируем, исходя из зависимости от юридической силы обжалуемого судебного решения: итоговое судебное решение или промежуточное судебное решение.

Осужденный, его защитник и законный представитель, потерпевший и его представитель, государственный обвинитель наделены правом обжалования судебных решений, вынесенных судьей в полном объеме, включая доказанность обвинения, квалификацию преступления, назначенное судьей наказание. Субъектом апелляционного обжалования является и вышестоящий прокурор, который, хотя и не является стороной процесса в первой инстанции, но становится участником уголовного судопроизводства с момента подачи апелляционного представления.

Оправданный и его защитник, гражданский истец и его представитель, гражданский ответчик и его представитель вправе обжаловать судебное решение, вынесенное судьей, только в части.

Гражданский истец, ответчик и их представители вправе обжаловать решение только в части, касающейся гражданского иска (ч. 2 ст. 389-1 УПК РФ), однако обжаловать итоговое судебное решение в части несправедливости назначенного наказания они не могут.

В соответствии со ст. 389.1 УПК РФ в качестве субъектов права на принесение апелляционного представления, как на итоговое, так и промежуточное судебное решение, закон указывает государственного обвинителя и (или) вышестоящего прокурора, которые выступают со стороны обвинения. Государственный обвинитель, поддерживая обвинение в судебном процессе, представляет единую централизованную структуру – прокуратуру и действует от имени государства, руководствуясь исключительно требованиями закона, не преследуя защиту частного интереса.

В п. 6 ст. 5 УПК РФ раскрывается понятие государственного обвинителя – это «поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу должностное лицо органа прокуратуры». В силу состязательных начал уголовного судопроизводства участие государственного обвинителя в заседании суда апелляционной инстанции является обязательным, за исключением уголовных дел частного обвинения (кроме случаев, когда уголовное дело было возбуждено следователем или дознавателем с согласия прокурора) (ст. 389.12 УПК РФ). Упомянув об обязательном участии в судебном заседании апелляционной инстанции государственного обвинителя, законодатель указывает, что государственный обвинитель в суде «представляет доказательства и участвует в их исследовании, излагает суду свое мнение по существу обвинения, а также по другим вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства, высказывает суду предложения о применении уголовного закона и назначении наказания (ч. 5 ст. 246 УПК).

Единственным должностным лицом, имевшим право обжаловать в апелляционном порядке решение мирового судьи, ранее признавался только государственный обвинитель, что не соответствовало принципу состязательности и равноправия сторон. Данное положение явилось поводом для критики со стороны ученых процессуалистов. Изменения, внесенные 04 июля 2003 года в УПК РФ, были восприняты как «безусловно положительный факт»³ и пра-

во обжалования судебного решения было предоставлено не только государственному обвинителю, но и вышестоящему прокурору.

По смыслу п. 31 ст. 5 УПК РФ под вышестоящим прокурором надлежит понимать вышестоящего по должности по отношению к государственному обвинителю прокурора (его заместителя), наделенного в соответствии со ст. 36 Закона о прокуратуре полномочиями по принесению представлений на судебные решения. По мнению А.Н. Разинкиной, им может быть прокурор района (его заместитель), если государственное обвинение поддерживает помощник прокурора района. Если же прокурор района сам поддерживал государственное обвинение, то решение по этому делу вправе обжаловать вышестоящий прокурор, то есть прокурор субъекта.⁴

Однако не все процессуалисты восприняли положительно предоставление права на обжалование вышестоящему прокурору. По мнению В.В. Вандышева, предоставление права обжалования вышестоящему прокурору следует оценивать резко отрицательно, ибо оно противоречит требованию непосредственного исследования доказательств (ст. 240 УПК РФ). Кроме того, это законодательное положение практически лишает внутреннего убеждения государственного обвинителя в оценке доказательств (ст. 17 УПК РФ).⁵

В соответствии с ч. 1 ст. 37 УПК РФ прокурор в пределах компетенции уполномочен осуществлять от имени государства надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, следовательно, в уголовном процессе выступает как орган надзора за исполнением законов. Согласно ст. 29 Закона о прокуратуре предметом надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, дознание и предварительное следствие, является соблюдение прав и свобод человека и гражданина. Во время досудебного производства прокурор надзирает за исполнением законов следователем, дознавателем, органом дознания, начальником подразделения органа дознания, руководителем следственного органа и заинтересован в том, чтобы органы следствия и дознания законными средствами раскрывали преступления и изобличали лиц, совершивших их. Таким образом, прокурор вправе требовать от органов предварительного расследования устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия. На основании изложенного, нельзя не согласиться с мнением В.А. Лазаревой, А.Ф. Закотьянской, что к числу лиц, которые наделены правом обжалования промежуточного судебного решения, закон не относит прокурора, осуществляющего надзор за исполнением законов органами следствия и дознания и участвовавшего в судебных заседаниях в ходе досудебного производства.⁶ Законодатель не предоставляет прокурору право на принесение апелляционного представления, хотя он назван среди обязательных участников процесса апелляционной инстанции (п. 1 ч. 1 ст. 389.12 УПК РФ).

Наряду с государственным обвинителем со стороны обвинения правом апелляционного обжалования

как итогового, так и промежуточного судебного решения обладает потерпевший, частный обвинитель, их законные представители. Перечисленные участники уголовного судопроизводства, наделенные правами на принесение апелляционной жалобы, являются частными лицами. Общим для всех них является то, что они являются субъектами диспозитивности, т.е. могут как воспользоваться своим правом на обжалование решения суда первой инстанции в апелляционную инстанцию, так и отказаться от использования этого права.

Самостоятельным субъектом права на подачу жалобы по делам публичного обвинения, где участвовал в качестве государственного обвинителя прокурор, является потерпевший. Правовое понятие потерпевшего от преступления дано в ст. 42 УПК РФ, в соответствии с которой потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда имуществу и деловой репутации. Потерпевшей в сфере обжалования судебных решений обладает широкими полномочиями в уголовном судопроизводстве. Он имеет право активно участвовать в ходе исследования обстоятельств дела, а в суде является равноправной стороной состязательного процесса. Потерпевший сохраняет за собой право принесения апелляционной жалобы по всем вопросам, касающимся нарушения его личных прав в суде первой инстанции. Весь уголовный процесс, направленный на защиту прав потерпевшего, поставлен в зависимость от его волеизъявления. В связи с действующим принципом свободы обжалования состоявшегося решения констатируется, что подачей апелляционной жалобы потерпевший выразил несогласие с решением полностью либо в части. Участвуя в судебном заседании суда второй инстанции, он подтверждает свой интерес к пересмотру судебного решения и принятию более благоприятного для него решения. По смыслу части 1 ст. 389.1 УПК РФ потерпевший, являясь самостоятельным субъектом права на апелляционную жалобу, не может быть участником апелляционного производства, т.к. законодатель не считает обязательным его участие в судебном заседании апелляционной инстанции. Полагаем это неверным, поскольку потерпевший является самостоятельным участником судебного производства, и его интересы не могут быть затронуты в результате принятия судом второй инстанции нового решения. Склоняется к мысли о необходимости участия в апелляционном процессе потерпевшего и его представителя и Е.С. Шмелева.⁷

Необходимость усиления прав потерпевших, являющихся несовершеннолетними или по своему физическому или психическому состоянию лишенных возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы, законодательно закрепила обязательное участие законных представителей в отношении таких лиц (ч. 2 ст. 45 УПК).

Гражданский истец, его законный представитель и представитель вправе обжаловать судебное решение в части, относящейся к гражданскому иску (ч. 2 ст. 389.1 УПК). Следовательно, они вправе при-

носить жалобы только в пределах тех вопросов, которые касаются возмещения вреда, причиненного преступлением. Эти участники процесса несут полную ответственность за свои действия по распоряжению материальным правом на иск и вытекающими из них процессуальными правами. Гражданский истец также не назван в числе участников апелляционного судебного процесса, участие которого является обязательным. Мы разделяем мнение Н.В. Сидоровой о том, что участие гражданского истца и гражданского ответчика является обязательным, за исключением, если ими заявлены ходатайства о рассмотрении уголовного дела в их отсутствие.⁸

Если исходить из смысла закона, определяющего право апелляционного обжалования промежуточных судебных решений, нельзя ограничиться только указанными в статье субъектами. Нам видится, что субъектами апелляционного производства, имеющими право на обжалование промежуточных решений суда первой инстанции, являются такие участники уголовного процесса со стороны обвинения, как следователь и дознаватель. Следователь и дознаватель, выступающие со стороны обвинения, в ходе досудебного процесса заявляют ходатайства о проведении следственных действий, об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и т.д. Исходя из судебной практики, именно действия или бездействия дознавателей и следователей обжалуются в судебном порядке (например, в порядке ст. 125 УПК РФ), следовательно, они также как и потерпевший имеют заинтересованность в пересмотре промежуточного судебного решения, вынесенного судом первой инстанции.

Субъектом права на апелляционное обжалование итогового судебного решения также является и осужденный, который наделен правом обжалования судебного решения в полном объеме, включая доказанность обвинения, квалификацию преступления и назначенное судом наказание. Также как осужденный правом апелляционного обжалования судебного решения, не вступившего в законную силу, обладает оправданный. Оправдательный приговор – это категорический вывод суда о невиновности подсудимого. Если же при вынесении оправдательного приговора судья недостаточно категорично сформулирует судебное решение или укажет в нем обстоятельства, которые порочат оправданного, то такое итоговое судебное решение может быть обжаловано оправданным, так как его интересы нарушены подобной формулировкой приговора.

В соответствии со ст. 14 УПК РФ, обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана вступившим в законную силу приговором суда. На основании указанной презумпции невиновности нам видится более уместным употребление термина подсудимый вместо понятий осужденный и оправданный, так как речь идет о судебном решении, не вступившем в законную силу. История показывает, что согласно ст. 853 УУС правом обжалования обладал исключительно подсудимый. В комментарии к указанной статье указывается, что не осужденный, не оправданный не могли высту-

пать в качестве субъекта обжалования в силу того, что вынесенный приговор не вступил в законную силу.⁹ О возможности обращения к лицам, в отношении которых принято итоговое судебное решение, как к «подсудимым» на этапе апелляционного судебного разбирательства, упоминалось и Е.С. Шмелевой.¹⁰ Обосновывая свое мнение, хочется отметить, что только после вступления приговора в законную силу у подсудимого меняется правовой статус и процессуальное положение, он становится осужденным либо оправданным, а в течение срока апелляционного обжалования лицо, в отношении которого вынесен приговор, числится за судом, т.е. является подсудимым.

Законодатель, указывая в статье 389.1 УПК РФ такие процессуальные фигуры, как осужденный и оправданный, однако не учитывает, что промежуточные судебные решения могут быть обжалованы обвиняемым и подозреваемым. Статья 389.1 УПК РФ не относит к субъектам, имеющим право обжалования промежуточных судебных решений, вынесенных в ходе досудебного контроля, подозреваемого и обвиняемого. Подозреваемый и обвиняемый являются исключительно участниками досудебного производства по уголовному делу. Если учитывать, что многие промежуточные судебные решения выносятся на стадии досудебного производства по уголовному делу (например, постановление об избрании меры пресечения), следовательно, как подозреваемому, так и обвиняемому должно быть предоставлено право на судебную защиту. Не указаны также подозреваемый и обвиняемый и среди лиц, участие в судебном заседании апелляционной инстанции которых является обязательным.

Апелляционную жалобу вправе подать защитник осужденного, оправданного и обжаловать самостоятельно приговор как в случае его непосредственного участия в судебном разбирательстве, так и в случае, если после вынесения судебного решения он принял защиту осужденного на себя. В большинстве случаев защитник согласовывает подачу апелляционной жалобы с подсудимым. Однако, как нам видится, он имеет право принести жалобу и по собственной инициативе, если считает судебное решение незаконным и необоснованным.

Самостоятельным субъектом апелляционного обжалования является законный представитель осужденного или оправданного. В толковом словаре В. Даля дается разъяснение этого термина: представитель – заступающий чье-либо место, явившийся за кого-либо, представляющийся законно за другого.¹¹ Согласно п. 12 ст. 5 УПК РФ законные представители – это родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого), представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний обвиняемый (подозреваемый), органы опеки и попечительства. Думается, что данный список является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию.

Гражданский ответчик, его законный представитель и представитель вправе обжаловать судебное решение в части, относящейся к гражданскому иску (ч. 2 ст. 389-1 УПК РФ). Предметом его жалобы могут быть только те вопросы, которые касаются возмещения вреда, причиненного преступлением.

Таким образом, перечень субъектов апелляционного обжалования промежуточных решений суда первой инстанции, подлежит расширительному толкованию. Специфика промежуточных решений состоит в том, что значительная их часть приходится на досудебное производство, где нет осужденного, оправданного, а существуют подозреваемый, обвиняемый со стороны защиты и дознаватель, следователь, прокурор со стороны обвинения. На основании изложенного можно сделать вывод, что в апелляционном порядке будут проверяться в первую очередь итоговые решения. Хотя законодателем закреплено такое понятие как «промежуточное решение», однако не учтены особенности промежуточных решений, что в дальнейшем приведет к трудностям в реализации апелляционного производства и нарушению права участников уголовного процесса на судебную защиту. Устранение указанных недостатков правовых норм и пробелов в законодательстве будет способствовать улучшению качества правосудия и защите прав и законных интересов граждан.

-
1. Мухтасипова, Т. Н. Судопроизводство по уголовным делам частного обвинения / Под. ред. А. П. Гуськовой. – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2004. – С. 93.
 2. Воскобитова, Л. А. Современное гуманитарное знание о проблемах социального развития. Сборник науч. трудов в 2 частях / Под. ред. Е. Н. Шиянова, О. И. Лепилкиной. – М.: Илекса, 2002. – Ч. 2. – С. 3.
 3. Разинкина, А. Н. Апелляция в уголовном судопроизводстве. – М.: Изд-во Юрлитинформ, 2004. – С. 97.
 4. См.: Разинкина, А. Н. Указ соч. С. 97.
 5. См.: Вандышев, В. В. Некоторые проблемы, которые могут возникнуть в суде апелляционной инстанции после 01.01.2013 г. URL:// <http://iuaj.net/data/2012/07/28> (дата обращения: 28.07.2012).
 6. См.: Лазарева, В. А., Зекотянская, А. Ф. Порядок пересмотра промежуточных решений суда: изъяны правовой регламентации // Уголовный процесс, 2011. – № 8. – С. 10.
 7. Шмелева, Е. С. Правовое регулирование апелляционного производства в современном Российском уголовном судопроизводстве: дисс. ...канд. юрид. наук. – Оренбург, 2010. – С. 46.
 8. Сидорова, Н. В. Апелляция в системе производств в суде второй инстанции в уголовном процессе России. – Томск: Изд-во НТЛ, 2006. – С. 118-119.
 9. Российское законодательство X-XX веков. Т. 8. Судебная реформа / Под общ. ред. О. И. Чистякова. – М., 1991. – С. 341
 10. Шмелева, Е. С. Указ соч. С.42
 11. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1995. – Т. 3. – С. 389.

ПЛОТНИКОВ А.И.,

к.ю.н, доцент, заведующий кафедрой уголовного права
и криминологии, Оренбургский институт (филиал) МГЮА
имени О.Е. Кутафина, 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50,
тел.: 8(3532) 31-99-11, post@oimsla.edu.ru

ЛОПАТКИН А.П.,

старший преподаватель кафедры уголовного права
и криминологии, Оренбургский институт (филиал) МГЮА
имени О.Е. Кутафина, 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50,
тел.: 8(3532) 31-99-11, post@oimsla.edu.ru

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ НЕОКОНЧЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Ключевые слова: объективное, субъективное, предварительная преступная деятельность, приготовление, покушение, оконченное преступление, стадии преступления, добровольный отказ.

В статье характеризуются основные этапы развития преступления и их объективное и субъективное содержание.

Key words: objective, subjective, preliminary criminal activity, preparation, attempt, completed crime, criminal stages, gratuitous abandonment.

The article tells about main stage advancement of crime and her objective and subjective token.

Предварительная преступная деятельность отличается своеобразием от оконченного преступления. Анализируя преступление с точки зрения развития его объективных и субъективных элементов, мы должны отметить, что процесс его развертывания представляет собой нечто иное, как объективацию субъективного компонента, перевод, воплощение замысла во внешний мир. На предварительных стадиях внутренний образ преступления, возникший в сознании лица, еще не соответствует его реальному исполнению. Динамика взаимодействия объективного и субъективного компонента развивается в направлении все большего подстраивания, преобразования внешнего мира под субъективно сформировавшийся образ преступления. Реализация преступления должна привести к их совпадению. Недоведение преступления до конца будет означать, что полная объективация субъективного образа преступления оказалась недостижимой.

В настоящее время некоторые криминалисты подвергли критике традиционное деление преступления по стадиям его развития на приготовление, покушение и оконченное преступление. По их мнению, приготовление и покушение являются неоконченными видами преступления, но не могут быть признаны стадиями, поскольку последние представляют собой более широкий круг деяний. Как определенный этап развития преступления, стадия по их представлениям начинается с момента формирования умысла, продолжается в принятии решения и его реализации, которая не всегда может быть связана с приготовлением и покушением.

Кроме того, сторонники такого подхода отмечают, что стадии, как этапы преступной деятельности, характеризуются непрерывностью, тогда как приготовление и покушение юридически возникают только в случае прерывания преступления.

Так, Г.В. Назаренко и А.И. Ситникова пишут: «Трактовка неоконченных видов преступления в качестве стадий... имеет ряд недостатков: во-первых, множество преступлений не проходит названных стадий; во-вторых, выделение стадий возможно только в отношении самих неоконченных преступлений; в-третьих, отнесение оконченного преступления к третьей стадии совершения преступления не имеет уголовно-правового значения, поскольку оконченное преступление квалифицируется без учета норм о приготовлении и покушении... Следует различать не стадии совершения преступления, а виды неоконченной преступной деятельности: приготовление к преступлению, покушение на преступление и неоконченное преступление при добровольном отказе от совершения преступления».

Ряд доводов фактического и юридического характера приводит А.П. Козлов. Основываясь на том, что «стадии совершения преступления являются собой определенные этапы, составляющие преступление от его начала до логического завершения», он считает, что «преступная деятельность развивается по общему правилу непрерывно от возникновения психического отношения до наступления преступного результата», «поэтому о добровольном отказе от доведения преступления до конца следует говорить лишь применительно к стадиям совершения преступ-

ления... Такой же вывод исходит и из анализа соотношения стадий совершения преступления с некоторыми видами соучастия. Например, в уголовном праве выделено соучастие с предварительным сговором и без такового. Возникновение предварительного сговора тесно связано со стадиями совершения преступления, поскольку оно возможно до начала исполнения преступления, но в качестве их не могут выступать ни приготовление, ни покушение как виды неоконченной преступной деятельности, поскольку не бывает сговора во время прерывания преступной деятельности».

Вряд ли кто-либо будет спорить с тем, что в развитии преступления в психологическом смысле может быть выделено большее число ступеней, чем подготовка, начало и завершение его. Не вызывает сомнений, что их более дробное деление имеет и известный социальный смысл, особенно в плане предупреждения. В то же время, вполне очевидно и другое, что законодатель, выделяя приготовление, покушение и оконченное преступление, руководствовался не желанием обозначить узловые психологические моменты и даже не узко социальными (прикладными, когда можно прервать преступление), а существенным признаком преступления, его общественной опасностью. Исходя из этого, законодатель выделил на пути развития преступления три его социально значимые степени, которые и выражают приготовление, покушение и оконченное преступление. Более дробное деление процесса разворачивания преступления ничего не дает с точки зрения его юридической оценки и осуществления уголовной ответственности. Например, формирование умысла само по себе не наказуемо, а достижение соглашения соучастников есть этап его подготовки.

Отказ при наличии оконченного преступления фиксировать (и отдельно квалифицировать) предварительные этапы продиктован элементарным здравым смыслом: фиксация окончания предполагает логически, что было и начало, окончание в свернутом виде воплощает в себе и начало, а в социально-юридическом оно указывает на достижение преступлением наивысшей степени его опасности. Квалификация в этом случае адекватно ее отражает. Даже чисто технически раздельная квалификация каждой стадии при оконченном преступлении породила бы невообразимую путаницу и неразбериху.

Вряд ли обоснованно утверждение, что множество преступлений не проходит этих стадий. Действия, направленные на совершение преступления, производятся всегда, иначе оно не имело бы завершения. В той или иной форме чаще всего наличествует и приготовление. Другое дело, что при оценке оконченного преступления, его предварительные этапы в материально-правовом плане просто выпадают из поля зрения, а приобретают лишь процессуальное значение – свидетельствуют об умысле на преступление.

Неубедительной является ссылка на то, что выделение стадий предполагает прерывание преступления. Здесь смешиваются вопрос о наличии стадий и вопрос об их юридической квалификации. То, что

при оконченном преступлении их отдельно не квалифицируют, не означает, что этих стадий нет. Точно также как квалификация при конкуренции по одной из норм не означает, что в деянии отсутствуют признаки другой. Например, квалифицируя кражу, совершенную группой лиц в крупном размере, по ч. 4 ст. 158 УК РФ, мы, тем самым, не отрицаем наличие группы, хотя она в ч. 4 данной статьи не представлена.

Таким образом, попытка оторвать неоконченные преступления от стадий их совершения ничего не дает с точки зрения применения уголовного закона, ибо других этапов, которые бы фиксировали моменты развития преступления, различающиеся по степени опасности, закон не предусматривает. Вместе с тем, критикуемая концепция содержит весьма важный положительный момент. Она рассматривает приготовление и покушение как преступления, имеющие самостоятельный состав. Это нам представляется правильным. Такая позиция может на первый взгляд показаться противоречивой. Может возникнуть вопрос, как можно считать приготовление, покушение и оконченное преступление стадиями одного преступления и одновременно рассматривать их законодательные характеристики как самостоятельные составы. В этом на самом деле нет противоречия. Разве, например, убийство или хищение не имеет у нас несколько самостоятельных составов со своими санкциями? Почему же по составам не могут быть разделены и этапы развития преступления? Ведь, как и в случае с приведенными примерами, их разделение основано на различиях в степени опасности. Но рассмотрение предварительных стадий в качестве деяний с самостоятельными составами позволяет согласовать институт стадий с соучастием. Дело в том, что групповая форма соучастия предполагает исполнение преступления, а последнее как непосредственность его совершения требует выполнения действий, представленных в самостоятельном составе. В существующей системе норм и теоретических представлений подготовка несколькими лицами кражи, например, не может рассматриваться как преступление, совершенное группой, потому что в этот момент кража непосредственно ещё не совершается: имущество не изымается, преступников нет на месте преступления и т.п. Если же рассматривать приготовление и покушение как деяния, имеющие самостоятельные составы (тем более, что по действующему УК РФ, они имеют свои санкции в силу, введенных законом пределов (1/2 и ?) сроков или размеров наиболее строгих наказаний в статьях Особенной части УК), то нет никаких препятствий к тому, чтобы допускать возможность их оценки и в качестве групповых преступлений, что соответствовало бы реальному положению дел. Акцентируя внимание на принципиальном различии оконченного преступления и предварительных этапов, подход рассматриваемой концепции способствует и уяснению содержания и юридической природы добровольного отказа от доведения преступления до конца.

На этапах предварительной преступной деятельности возникает своеобразная юридическая раз-

вилка, связанная с причиной прерывания преступления: 1) преступление прервано по независящим от этого лица обстоятельствам – образуется состав неоконченного преступления (приготовления или покушения); 2) преступление прерывается добровольно – лицо не подлежит уголовной ответственности. Наибольшие трудности возникают при уяснении и практическом использовании признака добровольности прекращения преступления.

В УК РСФСР 1960 г. понятие добровольного отказа не раскрывалось. В теории уголовного права добровольный отказ обычно определялся как окончательный отказ лица по собственной воле в силу любых мотивов от продолжения и доведения до конца задуманного преступления при сознании объективной возможности продолжать начатое преступление.

Сходная характеристика добровольного отказа дана в ст. 31 УК РФ 1996 г. В соответствии с ней, лицо не подлежит уголовной ответственности за преступление, если оно добровольно и окончательно отказалось от доведения этого преступления до конца. Добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращения действия (бездействия), непосредственно направленного на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца.

Закрепленные в законе признаки добровольного отказа не во всем являются удачными. Их главный недостаток – акцент на второстепенных моментах. А вышеприведенные теоретические положения, положенные в их основу, носят слишком общий характер и не раскрывают практически приемлемых критериев добровольного отказа.

Так, указание на окончательность отказа, хотя и имеет некоторый практический смысл (требует от правоприменителя выяснение вопроса, не было ли прекращение преступления временным), но, по сути, к понятию отказа ничего не добавляет, поскольку по его смыслу отказ и есть окончательное прекращение преступления. Нельзя отказаться временно. Можно временно прекратить преступление, но отказаться можно лишь навсегда. Слово «отказ» в русском языке означает остановку, прекращение действия. При этом отказ предполагает прекращение полностью, до предела.⁴ Отказ на время противоречит смыслу этого понятия. Собственно говоря, в этих случаях ограничивается не окончательный отказ от неоконченного отказа, а отказ как таковой от временного прекращения или приостановления преступления.

Вторым признаком добровольного отказа называют прекращение преступления по собственной воле при сознании возможности доведения преступления до конца.⁵

Такую интерпретацию добровольности отказа также нельзя признать обоснованной. Недостаток такого распространенного в теории толкования отказа заключается в том, что, во-первых, добровольность отождествляется с «собственной» или «своей» волей – волей лица, совершающего преступление, а, во-

вторых, приравнивается к осознанию возможности доведения преступления до конца. Ни то, ни другое не выражает специфики добровольного отказа.

Характеристика добровольности как «собственной» или «своей» воли бессодержательна. Воля, если она действительно воля, может быть только своей, собственной, а не чужой. Поэтому прибавление к слову «воля» слов «своя» и «собственная» ничего в этом понятии не меняет. Собственная или своя воля означает не что иное, как просто волю. А прекращение преступления по собственной или своей воле не выходит за рамки просто волевого прекращения преступления, за рамки волевого поведения. В этом случае, добровольность интерпретируется просто как волимость, т.е. добровольное отождествляется с волевым, что не соответствует закону.

Между волевым и добровольным прекращением преступления нельзя ставить знак равенства. Конечно, всякое добровольное поведение является волевым, но не всякое волевое поведение является добровольным.

Неволеное прекращение преступления, естественно, находится за пределами добровольного отказа, не может рассматриваться как добровольное. Преступник, производя выстрел с целью убийства, оступился во время выстрела и промахнулся. Неосторожное, неконтролируемое сознанием и волей прекращение преступления исключает добровольность, так как в ее основе лежит волевое поведение. Однако волевое прекращение преступления неравносильно добровольному. Последнее имеет две основы: добро и волю. Поэтому добровольный отказ предполагает не просто *волевое* прекращение преступления, а его прекращение по *доброй воле*. Это обстоятельство оставляют без внимания те специалисты, которые истолковывают добровольность лишь как прекращение преступления по собственной или своей воле, т.е. просто как волевое прекращение преступления.

Добровольность прекращения преступления обуславливается в теории также сознанием возможности доведения преступления до конца. Данная научная рекомендация внедрена в новом законе. Однако ее нельзя признать безупречной. Сознание возможности доведения преступления до конца само по себе не предопределяет добровольности. Как и при умышленном совершении преступления, лицо лишь действует со знанием дела. Знание дела – предпосылка выбора решения при волевом акте, но осведомленность о том, как будут развиваться события, никоим образом не предопределяет добровольность. Знания могут быть использованы и при совершении умышленных преступлений.

Недостаточность критерия сознания возможности доведения преступления до конца более явно обнаруживается при рассмотрении реальных ситуаций.

Преступник выслеживает жертву, приближается к ней, готовый выстрелом из пистолета совершить убийство, но замечает, что на помощь потерпевшему спешат работники милиции. У преступника есть возможность выстрелить и убить потерпевшего, но

он не делает этого, понимая, что будет схвачен. Прекращение преступления в подобном случае нельзя признать добровольным отказом, хотя имелось сознание возможности доведения его до конца. Прекращение преступления было волевым, но не добровольным. Нельзя считать проявлением доброй воли деяние, совершенное под давлением реально существующей угрозы разоблачения.

Выдвинутое положение можно проиллюстрировать следующим примером. Н., работая проводником в вагоне пассажирского поезда, находившегося в отстое, закрывшись изнутри, пытался изнасиловать проводницу Л. С этой целью он раздел потерпевшую и повалил на полку. В это время в вагон стали стучать проводники из других вагонов, которые не имели ключа. Испугавшись, Н. отпустил Л. Он был осужден за покушение на изнасилование. Фактически, Н. имел возможность завершить преступление, но испугался разоблачения.⁶

Таким образом, выдвижение в качестве критерия добровольности отказа сознание возможности доведения преступления до конца основано на смешении волевого и добровольного поведения. Фактически, это критерий волевого, а не добровольного поведения. Сознание возможности доведения преступления до конца указывает на то, что субъект ориентируется в обстановке и имеет возможность выбора вариантов своего поведения, т.е. совершает волевое деяние. Однако волевое не значит добровольное. «Доброта» воли определяется не наличием выбора, а благородностью намерений и побуждений, благородностью мотивов и целей. Поэтому нельзя согласиться с общераспространенной точкой зрения, согласно которой мотивы прекращения преступления при добровольном отказе могут быть самыми разнообразными и не имеют значения.⁷

В вышеприведенном примере преступник прекращает преступление не потому, что у него не было сознания возможности доведения преступления до конца, а из понимания, что будет задержан и привлечен к уголовной ответственности. Его поведение предопределяется не добрыми побуждениями, а мотивами ухода от ответственности.

Проведенный опрос практических работников относительно внутренней причины прекращения преступления при добровольном отказе показал: несмотря на то, что большинство опрошенных придерживается традиционного взгляда об их незначимости, тем не менее, значительное число (37%) полагает, что это важно для оценки наличия добровольного отказа.

Внешним критерием отсутствия доброй воли, добрых побуждений может служить так называемое вынужденное прекращение преступления в обыденном значении этого слова. Вынужденное не потому, что оно парализует волю и исключает волевое поведение, а потому, что оно продиктовано корыстными интересами, интересами выгоды.

Нельзя признать поступок добрым, если он совершен под влиянием реальной угрозы разоблачения. 97 % опрошенных практических работников полагает, что в этих случаях добровольный отказ отсут-

ствует. По буквальному смыслу «вынужденное» исключает добровольное, поскольку вынужденное – значит принужденное, подавляющее волю. Однако здесь речь идет о вынужденности в ином значении, так как добровольное не может быть неволевым. Вынужденность как вмешательство внешнего фактора исключает не волю, а добрую волю, поскольку последняя предполагает социально одобряемую мотивацию, а мотивы ухода от ответственности к таковым не могут быть отнесены.

Естественно, не может быть признано добровольным прекращение преступления под физическим воздействием, например в результате сопротивления потерпевшего (в частности, в ситуации необходимой обороны).

Доброта, добрые побуждения не могут формироваться силой. Доброта не может быть принужденной. Поступать по доброй воле – значит действовать без принуждения.⁸ Однако отсутствие принуждения не всегда свидетельствует о добровольности, поскольку волевое не всегда означает добровольное. Добрый в русском языке – делающий добро другим, отзывчивый, несущий благо, добро, благополучие, хороший, нравственный, дружески близкий, милый, безукоризненный, честный. Такими побуждениями должна быть проникнута добрая воля – добровольность. Добровольность должна быть нравственно и социально одобряемой.

Материалы судебной практики свидетельствуют, что суды признают добровольным отказом именно те случаи прекращения начатого преступления, которые связаны с «добрыми» побуждениями.

Некоторые специалисты правильно отмечают, что осознание возможности доведения преступления до конца не исключается в случаях, когда лицо признается виновным в покушении. Вполне уместным является и сделанное предостережение о том, что «следует избегать расширительного толкования такого интеллектуального момента добровольного отказа, как наличие у лица осознания возможности доведения преступления до конца, ибо это может привести к необоснованному освобождению от уголовной ответственности».¹⁰

Фактически, признается в этих суждениях и связь добровольности с мотивами поведения: «Если оценивать ситуации без учета внутренних мотивов поведения виновных, можно констатировать наличие добровольного отказа».¹¹

Однако не делается естественного и логически вытекающего из предыдущих суждений вывода о недостаточности для добровольного отказа факта осознания возможности доведения преступления до конца как фиксации лишь волевого поведения и необходимости увязывания добровольности с мотивами, что и означало бы переход от волевого поведения к добровольному.

Добровольный отказ исключает ответственность за преступление, которое не доведено до конца, но не исключает ответственности за фактически нанесенный вред, поскольку отказаться от того, что уже сделано, естественно, нельзя.

Общим условием добровольного отказа является сохранение контроля над теми предметами и силами, которое использует лицо, совершающее преступление. Нежелание наступления последствий после того, как совершено действие и утрачен контроль за дальнейшим развитием событий, даже и подкрепленное активными действиями по предотвращению преступления, не может расцениваться как добровольный отказ, поскольку преступление оказывается фактически доведенным до конца и наступившие последствия охватывались умыслом этого лица.

Добровольный отказ может быть лишь в умышленных преступлениях. Это связано с тем, что отказ предполагает решение, основанное на представлении о последствиях своих действий. Нельзя отказаться от того, о чем ты не ведаешь.

Добровольный отказ невозможен в принципе, если тот, кто начал совершать преступление, утратил контроль за силами, приведенными им в движение. Выстреливший из огнестрельного оружия в жертву не может сослаться на то, что в промежутке между выстрелом и поражением цели, он передумал довести преступление до конца.

Организатор, создавший преступную группу и организовавший преступление, не может быть освобожден от ответственности, если он пытался предотвратить совершение этого преступления, но безуспешно, так как им запущен механизм, вышедший из-под его контроля.

Изменения в окружающем мире, над которыми человек не властен, становятся свершившимся фактом и подлежат оценке как результат волеизъявления.

Исключает добровольный отказ недоведение преступления до конца в результате ошибки, – полученный результат в таком случае не является предметом сознания и воли. По этой же причине отсутствует добровольность, если преступление прекращается под принуждением или вследствие непреодолимых или труднопреодолимых преград. Наконец, реальная угроза (непосредственная опасность) разоблачения и привлечения к ответственности устраняет наличие добровольности, «добрую волю».

В современной уголовно-правовой литературе добровольный отказ расценивается обычно как обстоятельство, устраняющее умысел на совершение преступления, и, соответственно, субъективную сторону, свидетельствующую об отсутствии состава преступления. Например, А.А. Тер-Акопов писал: «При добровольном отказе оценка уже совершившихся действий качественно меняется: они признаются как бы утраченными общественной опасностью, а лицо, их совершившее, перестает считаться общественно опасным. Исчезает направленность его поведения на причинение преступного результата, поскольку фактически совершенные им действия не вызвали общественно опасных последствий, а само лицо не имеет уже намерения совершить преступление».¹²

Такой довод был бы убедительным, если бы приготовление и покушение являлись деятельностью, не содержащей состава преступления, и не порожда-

ли оснований для привлечения виновного к уголовной ответственности. Поскольку же основание создается как состав оконченного, так и неоконченного преступления, то отпадение умысла не может изменить принципиально юридической сущности деяния. Отрицание при этих условиях состава преступления равносильно отрицанию преступления на том основании, что лицо после завершения преступления пересмотрело свое поведение и осудило его.

Сами сторонники критикуемого подхода вынуждены признать, как это делает А.А. Тер-Акопов, что общественная опасность отпадает «как бы». Неубедительна и ссылка на отсутствие последствий. Если под последствием понимать отрицательное изменение общественного отношения (что общепризнано в уголовном праве), то оно происходит и в случае предварительной преступной деятельности, поскольку лицо вступает в социально неодобряемое взаимодействие. А взаимодействие – необходимый компонент общественного отношения.

Если последствие рассматривать как изменение предметного субстрата отношения, то таковое не требуется по многим преступлениям (с формальным составом).

Предварительная преступная деятельность, как указывалось, содержит состав преступления, поэтому последующие действия виновного могут исключать только ответственность, но не преступность деяния. В связи с этим, по своей юридической природе добровольный отказ следует признать обстоятельством, освобождающим от уголовной ответственности.

Более последовательно в этом отношении законодательство Китайской Народной Республики. Часть 2 статьи 24 Уголовного Кодекса КНР предусматривает: «За добровольный отказ от совершения преступления, если не было причинено никакого ущерба, следует освободить от наказания либо назначить наказание ниже низшего предела».¹³

Учитывая сложность разграничения добровольного отказа и покушения, практические трудности в установлении мотивов прекращения преступления, мы предлагаем по принципу «от противного» указать в законе юридические признаки вынужденного прекращения преступления, которые уже достаточно определились в практике рассмотрения дел данной категории и подвергнуты анализу в данной работе.

Предлагается дополнить институт добровольного отказа следующей нормой: «Не признается добровольным отказом вынужденное прекращение преступления, то есть прекращение преступления при реальной угрозе разоблачения или задержания виновного, в результате допущенной им ошибки, вмешательства других лиц либо наличия трудно преодолимых или непреодолимых препятствий».

Данную норму целесообразно поместить в часть 3 статьи 31 УК РФ, поскольку в предыдущих частях этой статьи характеризуются сущностные признаки добровольного отказа. Положения рекоменду-

емой части очерчивают их смысловые границы, что логично бы завершало законодательную характеристику добровольного отказа. Соответственно части 3, 4 и 5 действующей редакции ст. 31 УК РФ должны стать частями 4, 5 и 6.

Логично было бы изменить и название статьи: «Добровольный отказ от преступления». Отказ от преступления предполагает несовершенство его. Здесь же имеется в виду прекращение уже начатого преступления. Такое название статьи может неправильно ориентировать неспециалиста (а, судя по тому, как рассуждает Гринь М.В., и специалиста),¹⁴ создавая впечатление, что освобождается от ответственности лицо, задумавшее, но не осуществившее

преступление. Более правильно было бы дать рассматриваемой статье следующее название: «Добровольный отказ от доведения начатого преступления до конца».

Таким образом, добровольный отказ имеет объективные и субъективные свойства. Линией их раздела является сознание лица, начавшего преступление. Объективный признак добровольного отказа – прекращение начатого преступления, недоведение его до конца; субъективный признак – сознательный, волевой или умышленный характер, основанный на мотивах добра (раскаяния, жалости, принятия ответственности как социальной ценности и т.п.).

1. Ситникова, А. И. Подготовка к преступлению и покушение на преступление. – М., 2006. – С. 35, 36.

2. Козлов, А. П. Учение о стадиях преступления. – СПб., 2002. – С. 35; Назаренко, Г. В., Ситникова, А. И. Неоконченные преступления. – Орел, 2002. – С. 35; Иванов В. Д., не отрицая приготовления, покушение и оконченное преступление, выделяет в качестве первоначальной стадии формирование замысла. См.: Иванов, В. Д. Предупреждение и пресечение преступлений на различных стадиях их проявления. – Ростов-на-Дону, 2000. – С. 6, 15.

3. Тер-Акопов, А. А. Добровольный отказ от совершения преступления. – М., 1982. – С. 48; Иванов, В. Д. Ответственность за покушение на преступление. – Караганда, 1974. – С. 94; Дядько, Д. Е. Добровольный отказ от совершения преступления по советскому уголовному праву: автореф. дис. канд. юрид. наук. – Харьков, 1974. – С. 4–5; Сафронов, А. Д. Добровольный отказ от совершения преступления и деятельное раскаяние преступника: автореф. дис. канд. юрид. наук. – М., 1977. – С. 15.

4. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. – М., 1987. – С. 145.

5. Добровольный отказ от совершения преступления. – С. 50; Иванов, В. Д. Ответственность за покушение на преступление. С. 95; Дядько, Д. Е. Указ. соч. – С. 4.

6. Оренбургская транспортная прокуратура, 1983. Дело № 17214.

7. Иванов, В. Д. Ответственность за покушение на преступление. С. 103 ; Сафронов, А. Д. Указ. соч. – С. 4.

8. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. – С. 45.

9. Там же.

10. Селезнев, М. Неоконченное преступление и добровольный отказ. Российская юстиция. – 1997. – № 11. – С. 20.

11. Там же.

12. Тер-Акопов, А. А. Добровольный отказ от совершения преступления. – С. 40.

13. Уголовный Кодекс Китайской Народной Республики. – СПб., 2001.

14. В литературе высказано мнение, что «...добровольный отказ от совершения преступления в неоконченном преступлении (при приготовлении к преступлению и покушении на преступление) невозможен, добровольный отказ от преступления возможен в процессе подготовки к его совершению и реализации преступного замысла, при котором нет еще признаков неоконченного преступления, а также признаков оконченного преступления», поскольку «из самого названия добровольного отказа от совершения преступления вытекает, что лицо отказывается от совершения преступления, это означает, что в действиях лица отсутствуют признаки состава как оконченного, так и неоконченного преступления, лицо еще не совершает преступления». (Гринь, М. В. Неоконченное преступление. – Краснодар, 2003. – С. 6, 21). Эти доводы нельзя признать состоятельными по существу, так как сам закон прямо указывает на добровольный отказ именно при покушении и приготовлении. Автор апеллирует к формальному наименованию института «Добровольный отказ от преступления». Однако эта общая формула конкретизирована в самой статье именно в смысле отказа от оконченного преступления. Название же статьи и института требует краткости, несет всегда определенную условность. Критикуемые доводы страдают не только формальностью, но и софистичностью. Они неправильны и по существу. Если лицо еще не начало преступления, то его действия не могут иметь никакого уголовно-правового значения и в плане юридической оценки никакого интереса представлять не могут.

РЕЗЕПКИН А.М.,

к.ю.н., доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики, Оренбургский институт (филиал) МГЮА имени О.Е. Кутафина, 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, тел.: 8 (3532) 31-99-11, post@oimsla.edu.ru

СУД И ЕГО ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ РОЛЬ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Ключевые слова: суд, беспристрастность суда, активность суда, процессуальная роль суда как участника уголовного судопроизводства, принцип состязательности сторон.

В данной статье освещены проблемные вопросы, связанные с определением процессуальной роли суда как участника уголовного судопроизводства. Автором отстаивается идея о том, что характеризуя процессуальное положение суда, в первую очередь, нужно указывать не на активность или пассивность, независимость данного органа, а на его беспристрастность.

Key words: court, fairness of the courts, court activity, court's procedural role as a party to criminal proceedings, party's contentiousness.

The article deals with the problems connected with the definition of the procedural role of the court as a party to the criminal proceedings. The author advocates the idea that describing the procedural position of the court one should begin with not its activity or passivity, but equally note the independence of the body, and its fairness.

Примечательно то, что в последнее время продолжает обсуждаться вопрос о том, какую пассивную или активную роль в ходе уголовного судопроизводства должен выполнять суд. Исходя из закономерностей состязательного процесса, необходимо отметить то, что суду отводится роль пассивного наблюдателя за активностью сторон (обвинения и защиты). Придерживаясь данного подхода, Москалев Н. считает, что, в соответствии с принципом состязательности, роль суда существенно ограничивается и должна сводиться лишь к формальному выслушиванию мнений и аргументов сторон и вынесению на их основе решений.¹

С.А. Шейфер требует от суда беспристрастности по отношению к конфликтующим сторонам и, в частности, полного отказа от действий, которые могут быть использованы как обвинительные.²

Не соглашаясь со сторонниками пассивного процессуального положения суда, З.В. Макарова заявляет: «Такая состязательность нам не нужна... Состязательность представляет собой способ исследования доказательств, способ отстаивания участниками процесса своей позиции по делу, осуществления ими своих прав и обязанностей, средство для установления истины, метод ее отыскания».³

Совершенно верно пишет И.Я. Фойницкий о том, что «состязательность процесса не лишает суд права и обязанности давать ответ, соответствующий объективной действительности или материальной истине, и отнюдь не требует, чтобы он довольствовался истиной формальной, как ее понимают и устанавливают стороны».⁴

В этой связи, интересной представляется позиция В.А. Рязановского, суть которой сводится к тому, что «и с практической стороны принцип состязательности в чистом виде может быть допустим там,

где обе тяжущиеся стороны равносильны, но этого достичь почти невозможно. Когда же с одной стороны выступает присяжный поверенный, с другой – неграмотный крестьянин, о равенстве сторон говорить не приходится. Но и мера познаний, опытности, умения патентованных юристов неодинакова. При таком положении суд, связанный таким принципом состязательности, вынужден иногда выносить заведомо ложные решения, что не совместимо ни с достоинством суда, ни с задачами правосудия. Поэтому суду и должна быть предоставлена возможность устранить указанные дефекты состязательности».⁵

Действительно, ныне существующий УПК, несмотря на отсутствие истины как цели доказывания, отнюдь не исключает возможность суда, прокурора, следователя, дознавателя собирать, проверять и оценивать доказательства для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК). Из чего следует, что суд, по мнению ряда ученых, выполняет не свойственные ему обвинительные полномочия, на недопустимость чего неоднократно указывал в своих постановлениях Конституционный Суд РФ.⁶ Примечательно и то, что 8 декабря 2003 г. Конституционным Судом РФ вынесено постановление по делу о проверке конституционности положений ряда статей УПК, а именно ч. 1 и ч. 4 ст. 237, ограничивающих возможность возвращения судом уголовного дела стороне обвинения в случае обнаружения допущенных в досудебном производстве по данному уголовному делу нарушений уголовного-процессуального закона.⁷

Особенно примечательно то, что данным постановлением ч. 1 ст. 237 УПК была признана не противоречащей Конституции РФ. В результате чего судье, лицу, осуществляющему независимую судебную власть, предоставлено право по собственной иници-

циативе возратить дело стороне обвинения (прокурору) в целях устранения препятствий к его рассмотрению судом по существу. При этом ничего не сказано о характере допущенных нарушений. Все это, как мы полагаем, в который раз подчеркивает не только неостребованность реализации воли законодателя, но и противоречивость постановлений самого Конституционного Суда РФ. Не являясь противником высказываний о существовании относительной активности суда в условиях состязательности, позволим себе, обращаясь к определению Конституционного Суда РФ от 23.01.2001 г. об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Якурина А., отметить то, что «осуществление судом в публичном по своему характеру уголовном процессе функции правосудия не исключает наличия у него права, в рамках предъявленного подсудимому обвинения, истребовать и исследовать доказательства, необходимые для проверки приводимых сторонами в обоснование своих позиций, доводов, оценивать значение тех или иных обстоятельств для правильного разрешения уголовного дела и принимать на основе такой оценки соответствующего решения».

Соглашаясь с Бормотовой Л.В., считаем, что активность суда в доказывании является второстепенной по отношению к активности сторон, кроме того, активность ни в коем случае не должна быть обязанностью суда, она может являться лишь только правом в той мере, в которой этого требует принятие правильного, а следовательно, законного, обоснованного и справедливого итогового решения по делу.⁸

Относительная активность суда необходима для преодоления факторов, тормозящих ход процесса, кроме того, она способна не допустить формирование процессуальных и социально-психологических условий, снижающих у судей чувство ответственности за проведение качественного судебного следствия, одновременно предрасполагающих к профессиональной деформации.

Полное забвение суда, отсутствие у него относительно активной роли способно привести к тому, что судьи будут руководить процессом и разрешать дело так, как это делал описанный М.Е. Салтыковым-Щедриным деятель юстиции царской России: «Я не вхожу в свою совесть, я не советуюсь с моими личными убеждениями; я смотрю на то только, соблюдены ли все формальности, и в этом отношении строг до педантизма. Если есть у меня на руках два свидетельских показания, надлежащим образом оформленные, я доволен и пишу: есть, если их нет – я тоже доволен и пишу: нет. Какое мне дело до того, совершено ли преступление в действительности или нет! Я хочу знать: доказано ли оно, или не доказано, и больше ничего».⁹

Вместе с тем, характеризуя процессуальное положение суда, как мы полагаем, в первую очередь, нужно указывать не на активность или пассивность, а равным образом независимость данного органа, а на его беспристрастность. Только беспристрастный суд не имеет предвзятого мнения, не покровительствует ни одной стороне, являясь за-

кономерным результатом и гарантией разделения основных уголовно-процессуальных функций, а также процессуального равноправия сторон. Указание на пассивное или активное положение суда не определяет в полной мере сути состязательности. Это же относится и к независимости суда. Судья, будучи независимым от кого бы то ни было, может испытывать пристрастие к определенной стороне в силу целого ряда причин, как объективного, так и в большинстве случаев субъективного свойства. Последние, в отличие от объективных условий, связанных с внутренней организацией системы правосудия, определяются личными качествами самого судьи и его поведением в судебном разбирательстве. Ни для кого не секрет, что на состояние независимости и беспристрастности правосудия оказывает колоссальное влияние слабая материальная база судебной власти, и как следствие, резкие нападки со стороны крупных правительственных деятелей, иностранных инвесторов и представителей российского бизнеса. Поэтому беспристрастность и независимость должны являться тем флагом, который определяет состязательный порядок процесса, олицетворяющий справедливость.

В.М. Лебедев отмечает органическую связь понятий «беспристрастный» и «справедливый», ибо беспристрастный – чуждый пристрастию, иными словами: беспристрастность¹⁰ является важной предпосылкой справедливости.

Каждый, кто впервые назначен на должность судьи, приносит присягу следующего содержания: «Торжественно клянусь честно и добросовестно исполнять свои обязанности, осуществлять правосудие, подчиняясь только закону, быть беспристрастным и справедливым, как велят мне долг судьи и моя совесть».¹¹

Именно беспристрастность является связующим звеном в цепи формирования так называемого судейского усмотрения, от которого нередко зависит ход и итог уголовного процесса.¹² В свою очередь, гарантией беспристрастного поведения судьи и справедливого судейского усмотрения, решения по конкретному уголовному делу служит само правосудие, осуществляемое в условиях гласности. Где «задача обвинителя состоит в собирании материала, достаточного, чтобы доказать обвинение в суде, задача защиты – показать, что обвинитель не справился с этой задачей. Задача суда – вынести приговор на основе того доказательственного материала, который представили стороны. Задача законодателя в том, чтобы создать правила игры, равные для сторон, обеспечить беспристрастность¹³ суда в оценке доказательств и вынесении решения».

Кроме того, публичный характер правосудия, обеспечивающий его наглядность и способствующий контролю со стороны обвинения, имеет и то достоинство, что стимулирует судью контролировать свое поведение, соблюдать нормы закона, достойно «играть» роль судьи. Судья, будучи беспристрастным и справедливым, своим поведением должен подтвер-

ждать это качество. Суд над человеком предполагает его право быть услышанным судьей и согражданами, право объяснить им суть своих поступков и рассчитывать на понимание. Кроме того, в обстановке гласности значительно снижается вероятность незаконного осуждения или назначения несоизмеренно сурового наказания.¹⁴

Истоком, формирующим право каждого на защиту путем обращения в справедливый, беспристрастный, независимый суд, принято считать положение Всеобщей декларации прав человека, закрепленное ст. 10 названного акта: «Каждый человек для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения имеет право на основе полного равенства, на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом».¹⁵ Это общее правило детализируется в других международно-правовых документах, например, в Основных принципах независимости судебных органов, одобренных ре-

золюцией Генеральной Ассамблеи 40/32 от 29 ноября 1985 г. и 40/146 от 13 декабря 1985 г.¹⁶

Таким образом, неактивный или пассивный суд характеризует состязательный процесс, а суд беспристрастный – обеспечивающий сторонам равные широкие возможности для выдвижения и обоснования своей позиции по всем вопросам. И активность суда, которая в той или иной мере присуща любому уголовному процессу, должна осуществляться с полным беспристрастием и объективностью без малейшего проявления преимущественного благопроявления к тому или иному участнику судопроизводства. Все это, в который раз, обуславливает необходимость расширения сферы действия судебного контроля в ходе досудебного производства с тем, чтобы важнейшие решения принимались с участием противоборствующих сторон в условиях состязательного судебного разбирательства беспристрастным, независимым, относительно активным судом, выступающим средством обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве России.

1. См.: Москалев, Н. Конституция России и проблемы судопроизводства в уголовном процессе // Российская юстиция. – 1996. – № 2. – С. 22-23.
2. См.: Шейфер, С. А. Понятие и цели доказывания в уголовном процессе // Государство и право. – 1996. – № 9. – С. 63.
3. Макарова, З. В. Состязательность нужна, но какая? // Законность. – 1999. – № 3. – С. 25.
4. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. – СПб., 1996. – С. 97.
5. Рязановский, В. А. Единство процесса: пособие. – М.: Юридическое бюро «Городец», 1996. – С. 65-66.
6. См.: Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 ч. 1 ст. 232, ч. 4 ст. 248 и ч. 1 ст. 258 УПК РСФСР в связи с запросом Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижнего Новгорода» от 20.04.1999 г. № 17-П // Российская газета. – 1999. – 27 апреля.
7. См.: Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности положений ст. 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» от 8.12.2003 г. № 18-п // Российская газета. – 2003. – 23 декабря.
8. См.: Бормотова, Л. В. Отдельные аспекты состязательности и равноправия сторон УПК РФ // Вестник ОГУ, 2004. – № 3. – С. 27-28.
9. См.: Кони, А. В. Избранные произведения. – М., 1956. – С. 79.
10. См.: Лебедев, В. М. Судейская беспристрастность и социальный контроль за судом // Российская юстиция. – 2001. – № 7. – С. 2; см. также Путин, В. В. «Мы все хотим, чтобы наш суд был «скорым, правым и справедливым». Выступление Президента РФ на V Всероссийском съезде судей // Журнал российского права. – 2001. – № 1. – С. 6.
11. См.: п. 1 ст. 8 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации»; также см.: Федеральный Конституционный закон «О судебной системе в Российской Федерации» от 31 декабря 1996 г., Федеральный закон «О дополнительных гарантиях социальной защиты судей и работников аппарата судов РФ» от 10 января 1996 г. и др.
12. См.: Папкова, О. А. Понятие судейского усмотрения // Российское право. – 1997. – № 12. – С. 102-107.
13. Александров, А. О. значении концепции объективной истины // Российская юстиция. – 1999. – № 1. – С. 23.
14. См.: Лебедев, В. М. Там же. С. 3.
15. См.: Международные акты о правах человека: сб. документов. – М., 1999. – С. 40.
16. См.: Международные акты о правах человека: сб. документов. – М., 1999. – С. 169.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕЦЕЛЕВОГО РАСХОДОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ И СРЕДСТВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВНЕБЮДЖЕТНЫХ ФОНДОВ

Ключевые слова: бюджетное преступление, механизм совершения преступлений, бюджетные средства, ГИАЦ МВД РФ, уголовная ответственность, фонд, субъекты преступления, злоупотребление должностными полномочиями.

В данной статье раскрываются уголовно-правовая и криминалистическая характеристики нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов. Автор указывает на новеллу в уголовном законодательстве РФ, приводит статистику совершенных преступлений по ст. 285.1 УК РФ за последние годы. Рассматривается специфика самого механизма совершения преступлений данного вида и приемов по их выявлению и изобличению. Подробно рассмотрены субъекты преступлений, предусмотренных ст. 285.1 УК РФ, акцентируется внимание на их громоздкой конструкции. Предлагается разграничение между ч. 3 ст. 160 УК РФ и ст. 285.1 УК РФ по объекту посягательства и по объективной стороне.

Key words: budget crime, the mechanism of crime, the budget, MIAC Interior Ministry, criminal responsibility, the foundation subjects of crime, abuse of power.

This article deals with the criminal law and forensic characterization misuse of budget funds and state funds. The author points to the novel in the criminal legislation of the Russian Federation, quoted the crimes committed by st.285.1 Criminal Code in recent years. We consider the specifics of the mechanism of this type of crime and methods for their identification and exposure of. Detail the subjects of crimes under the Criminal Code st.285.1, focusing on their bulky construction of the proposed distinction between st.160 Part 3 of the Criminal Code and the Criminal Code st.285.1 facility abuse and to the objective side.

В настоящее время в России продолжается реформирование системы государственного управления и бюджетных отношений. Серьезную угрозу порядку бюджетного финансирования, выполнению важнейших задач государственного управления представляют преступления, предусмотренные статьями 285.1 и 285.2 УК РФ.

Преступления, посягающие на бюджетные отношения, являются новеллой в уголовном законодательстве Российской Федерации, они были введены Федеральным Законом № 162 от 8 декабря 2003 года. Опыт расследования уголовных дел данной категории незначителен, ввиду недавней истории уголовно-правового предмета. Однако он имеется и, соответственно, требует анализа и обобщения. По данным ГИАЦ МВД России в 2004 году было выявлено 7 лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 285.1 УК РФ. В 2005 году – 31, в 2006 – 66, в 2007 – 116, в 2008 – 160, в 2009 году – 179, а в 2010 – 245.¹ Однако, привлечено к уголовной ответственности менее половины из них.

Таким образом, выявление и расследование преступлений данной категории представляет определенную сложность, что не в последнюю очередь связано с особенностями юридических составов преступлений данного вида. Квалификацию бюджетных преступлений необходимо рассматривать с учетом действующих норм гражданского, бюджетного, уголовного и уголовно-процессуального зако-

нодательства России, совокупность которых и определяет уголовно-правовую сущность бюджетных преступлений.

Есть определенная специфика в механизме совершения преступлений данного вида и, соответственно, в способах и приемах их выявления и изобличения.

Особую актуальность тема приобретает в свете реализации национальных проектов, под которые в бюджетах разных уровней выделяются большие средства. Существуют серьезные опасения, которые отчасти уже начали оправдываться, относительно целевого использования этих средств. Возможно увеличение числа дел данной категории, что делает возмущенными рекомендацию практическим работникам по их расследованию.

Таким образом, необходимы разработки, как в части теории доказательств, так и в части конкретных криминалистических методик выявления расследования преступлений данной категории.

Получателем бюджетных средств в соответствии со ст. 162 БК РФ² является бюджетное учреждение или иная организация, имеющие право на получение бюджетных средств в соответствии с бюджетной росписью на соответствующий год. Непосредственными получателями бюджетных средств являются в соответствии со ст. 159 БК РФ также органы государственной власти или органы местного

самоуправления, имеющие право распределять бюджетные средства по подведомственным получателям бюджетных средств (распорядители бюджетных средств). Временем и местом совершения преступления является дата и место составления соответствующего бухгалтерского документа, на основе которого осуществляется расходование выделенных средств не по целевому назначению. Преступным данное деяние становится в случае расходования средств, превышающих 1,5 млн. рублей в течение одного финансового года. Если размер средств не превышает установленного размера, то ответственность наступает в соответствии с бюджетным и административным законодательством. Таким образом, деяние является преступным уже только потому, что средства израсходованы на цели, не соответствующие условиям их выделения. В данной связи преступление является оконченным в момент списания средств с соответствующего счета.

Анализируя громоздкую конструкцию субъекта данных преступлений, признаки которых заключены в примечании к ст. 285 УК РФ, в ряде случаев лицо, допустившее нецелевое расходование бюджетных средств, не может быть привлечено к уголовной ответственности как не отвечающее всем признакам субъекта рассматриваемого преступления. Обращаясь к зарубежному опыту, обосновывается необходимость определения субъекта преступления как лица, имеющего возможность распоряжаться бюджетными средствами.

Следует иметь в виду, что на практике возможны ситуации, когда нецелевое расходование бюджетных средств совершается для предотвращения вреда правам и законным интересам граждан, общества, государства. При решении вопроса о наличии или отсутствии в таких случаях в действиях соответствующих должностных лиц признаков состава преступления, предусмотренных рассматриваемой статьей, следует руководствоваться нормативными установлениями, закрепленными в ст. 39 УК РФ «Крайняя необходимость» или ст. 41 УК РФ «Обоснованный риск».

Ст. 285.1 УК РФ следует ограничивать от смежных составов преступлений: ст. 285.2, ч. 2 ст. 176, 285, 286, ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 160 УК РФ. Важное и первостепенное отличие ст. 285.1 УК РФ от ст. 285.2 УК РФ состоит в предмете этих преступлений. Неодинаковы и отдельные признаки объективной стороны преступлений. Разграничение сравниваемых составов можно провести и по субъекту преступления.

Разграничение составов ст. 285.1 УК РФ и ч. 2 ст. 176 УК РФ следует проводить, прежде все-

го, по объекту и субъекту преступления. Различия рассматриваемых преступлений состоят также в том, что при использовании государственного целевого кредита не по прямому назначению, криминализирующим признаком являются последствия в виде «крупного ущерба гражданам, организациям или государству»; в свою очередь, при нецелевом расходовании бюджетных средств не требуется наступления общественно-опасных последствий; они находятся за рамками указанного состава преступления.

Злоупотребление должностными полномочиями и нецелевое расходование бюджетных средств имеют целый ряд отличий (в наличии предмета преступления в последнем из названных преступлений; объективной и субъективной стороне, субъекте преступления), которые не позволяют признать состав ст. 285 УК РФ общим по отношению к составу ст. 285.1 УК РФ.

Отграничение нецелевого расходования бюджетных средств от превышения должностными полномочиями необходимо осуществлять по их непосредственным объектам, наличию в составе ст. 285.1 УК РФ предмета преступления — бюджетных средств, и отсутствию такового в составе ст. 286 УК РФ. Кроме того, состав превышения должностных полномочий сконструирован как материальный; состав ст. 285.1 УК РФ — как формальный; и если для злоупотребления должностными полномочиями субъект — это должностное лицо, то применительно к нецелевому расходованию бюджетных средств им может быть только должностное лицо получателя бюджетных средств.

Отграничивать состав ст. 285.1 УК РФ от ч. 3 ст. 159 УК РФ следует по родовому, видовому и непосредственным объектам; по объективной и субъективной стороне преступления. Различие сравниваемых преступлений заключается и в субъекте (по ч. 3 ст. 159 УК РФ им является лицо, использующее свое служебное положение, а по ст. 285.1 УК РФ субъектом выступает должностное лицо получателя бюджетных средств).

Нам представляется, что разграничение между ч. 3 ст. 160 УК РФ и ст. 285.1 УК РФ следует проводить, во-первых, по объекту посягательства, во-вторых, по объективной стороне. Важное отличие заключается также в субъективной стороне этих преступлений (для преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ, обязательным признаком является корыстная цель, а в составе ст. 285.1 УК РФ законодатель не упоминает о каких-либо специальных целях).

1. <http://www.mvd.ru/mvd/structure/unit/giac/info/>
2. Бюджетный кодекс РФ.

ТАРНАВСКИЙ О.А.,

к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса ОГУ,
Оренбургский государственный университет (г. Оренбург),
тел.: 8 (3532) 22-74-94, e-mail: seva_oren@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ УЧАСТИЯ ПОСТРАДАВШЕГО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЧАСТНО-ПУБЛИЧНОГО ОБВИНЕНИЯ

Ключевые слова: частный обвинитель, пострадавший, потерпевший, уголовный иск, частные интересы, процессуальный статус.

В статье рассматриваются актуальные вопросы процессуального статуса пострадавшего при производстве по уголовным делам частного-публичного обвинения. Обосновываются теории «уголовного иска» и «частного обвинителя», предлагается концептуальная модель участия пострадавшего при производстве по уголовному делу частного-публичного обвинения.

Key words: private Prosecutor, the victim, the victim, criminal proceedings, private interests, procedural status of.

The article is devoted to the topical issues of the procedural status of the victim in the proceedings on the criminal cases of the private-public prosecution. Justified a theory of the «criminal proceedings» and «private Prosecutor», the conceptual model of the participation of the victim in the proceedings on the criminal case of the private-public prosecution.

Рассматривая деятельность лиц, пострадавших от совершения преступления, в производстве по уголовным делам частного-публичного обвинения мы придерживаемся следующей позиции: если преступлением нарушены частные интересы либо субъективные права конкретной личности (параллельно, взаимно с государственными), то уголовному делу всегда будет присущ частно-публичный характер. Публичный характер обвинения присущ, как видится, тем уголовным делам, где были нарушены только лишь государственные интересы. Это вовсе не означает, что порядок возбуждения уголовного преследования по данному делу будет целиком и полностью зависеть от потерпевшего, это означает, что обвинение по делу, возможно, будет поддерживаться двумя (либо более) обвинителями – государственным и частным.

Рассматривая участие потерпевшего в производстве по уголовным делам частного-публичного обвинения интересны для исследования два аспекта: заявление по делам такой категории самостоятельного частного уголовного иска и соответственно признание потерпевшего частным обвинителем.

Уголовный иск – это требование, с которым к органу судебной власти обращаются субъекты обвинения (прокурор и потерпевший) об исследовании всех обстоятельств уголовного дела и возложении ответственности на лицо, совершившее преступление.¹

Исковая форма обвинения есть воплощение идеи о том, что в уголовно-правовом споре «государство» и личность выступают как равные по своему правовому статусу субъекты правоотношения, поэтому обоснование концепции уголовного иска означает выбор в пользу состязательного уголовного судопроизводства и, соответственно, последовательную критику следственных, инквизиционных форм.²

Есть мнение, что право на уголовный иск потерпевшего и право на уголовный иск прокурора конкурируют между собой как проявления противоречий частного и публичного начал в уголовном судопроизводстве.³ С нашей точки зрения, нельзя предполагать конкуренцию между государственным и частным обвинением, поскольку нельзя предполагать конкуренцию между публичными и частными интересами, отстаиваемыми в уголовном судопроизводстве.

С точки зрения А.С. Александрова и В.Е. Гущина, следует терминологически разграничивать понятие «сообвинение» как частное обвинение и субсидиарное обвинение в тесном смысле. Польза от такого терминологического уточнения, по мнению авторов, тем более очевидна, что понятие сообвинения отнюдь не равнозначно субсидиарному обвинению. Под первым понимается присоединение потерпевшего к предъявленному публичному обвинению в качестве частного сообвинителя по делам частного, частного-публичного и публичного обвинения (т.е. это совместная деятельность публичного и частного обвинителей), под вторым – предъявление в суд публичного уголовного иска и самостоятельное поддержание публичного обвинения частным лицом (потерпевшим, его представителем) в случае отказа от уголовного преследования со стороны государственного обвинителя. При этом субсидиарный иск может конкурировать с должностным.⁴

Мы придерживаемся другой позиции по данному вопросу, не отождествляя понятия «сообвинитель» с понятием «частный истец».

Публичный уголовный иск – это предъявляемый по поводу и в связи с предполагаемым преступлением правопритязательный акт, состоящий в требовании публичного обвинителя (прокурора) к суду

признания конкретного лица виновным в совершении данного преступления и эвентуально пределов наказания к нему, которое вправе применить к нему исполнительная власть, согласно уголовному закону. Следует добавить, что наказание виновного не самоцель публичного уголовного иска, он направлен, в первую очередь, на восстановление нарушенных преступлением публичных (государственных) прав и интересов, достигаемое разрешением уголовного иска по существу, возмещением причиненного вреда и, в том числе, наказанием виновного в совершении преступления лица.

Следовательно, частный уголовный иск можно определить как акт правопритязания лица, пострадавшего от преступления, состоящий в требовании частного обвинителя о восстановлении его нарушенных прав и интересов путем наказания лица, виновного в совершении преступления, и возмещения вреда, причиненного преступлением, в полном объеме.

Уголовный публичный иск должен возбуждать прокурор по предоставленным ему результатам полицейского дознания. Потерпевший может не заявлять самостоятельный частный иск, а принимать участие в производстве по уголовному делу в качестве сообвинителя возможно с заявлением субсидиарного (гражданского) иска только в обосновании возмещения причиненного ему вреда. В данном случае, как представляется, уместно говорить об институте сообвинения (т.н. добавочное обвинение) и об институте субсидиарного обвинения.

Второй возможный вариант – предъявление потерпевшим самостоятельного уголовного иска с формулированием своей процессуальной позиции. При этом оба участника (прокурор и частный обвинитель) должны быть признаны равными обвинителями с соответствующими процессуальными статусами. Таким образом, иск, предъявленный по одному уголовному делу, практически может быть публичным (затронуты только лишь интересы государства, формулируется прокурором), публичным и частным (затронуты и публичные, и частные интересы, формулируется прокурором и частным обвинителем) либо частным.

Причем по искам частно-публичным и частным потерпевший должен иметь возможность в любой момент выйти из дела, отказавшись от него. Если заявлены и публичный, и частный иск и уголовное преследование носит частно-публичный характер, то, как только потерпевший посчитает, что его интересы удовлетворены, он отказывается от иска, оставляя лишь его публичную часть. И наоборот, если прокурор придет к выводу, что интересы государства в данном случае не затронуты, он отказывается от своей части иска, оставляя дальнейшее движение дела на усмотрение потерпевшего. Обвинение со стороны потерпевшего в данном случае нельзя признавать дополнителем: они полноценные сообвинители.

Концепция «потерпевший – частный обвинитель» вызывает активную критику со стороны ученых-процессуалистов. Основное препятствие для реализации данной теории состоит, по мнению

С.Р. Зеленина, в самой сущности потерпевшего как лица, имеющего право защищать свои собственные интересы. Его интерес может совпадать (и, очевидно, совпадает в большинстве случаев) с направлением деятельности органов уголовного преследования. Однако, этот интерес может быть вне сферы уголовного процесса вообще. Вот почему всякие суждения об интересах потерпевшего имеют предположительный характер.

Автор считает, что вопрос не только в том, чтобы законодатель обеспечил потерпевшему возможность эффективно содействовать органам уголовного преследования, если он пожелает это сделать. Вопрос также и в том, чтобы законодатель не навязывал ему этой роли в процессе, что будет являться излишним проявлением публичности и нарушением субъективного права лица. Концепция «потерпевший – обвинитель» фактически навязывает ему не только процессуальную позицию, но и материальный интерес. При этом упускается из вида, что от гражданина можно потребовать лишь выполнения обязанностей, но не пользования правами. Отсутствие зачастую у потерпевшего желания поддерживать обвинение превращает представление о той функции, которую, по мнению сторонников этих взглядов, он должен выполнять, в фикцию состязательности и правосудия.⁵ Свою позицию автор подкрепляет мнением, что ни исторических, ни законодательных предпосылок наделяния потерпевшего правом поддержания обвинения вместо прокурора нет.

Приведем в пример статью 309 Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года по делам, рассматриваемым в порядке публичного обвинения, которая предусматривала, что потерпевший имел право выставлять своих свидетелей, представлять в подкрепление своих обвинений доказательства, присутствовать во всех следственных действиях, предлагать вопросы обвиняемому и свидетелям в судебном заседании, требовать выдачи ему копий со всех постановлений и протоколов предварительного следствия. А статья 48 Устава закрепляла обязанность полиции по просьбе потерпевшего произвести «розыскание о преступном деянии». Вот что пишет об этом И.Я. Фойницкий: «Участие частных лиц в уголовном обвинении получило более прочную постановку лишь с введением судебных уставов 20 ноября 1864 года. Частные лица в качестве обвинителей... выступают по преступлениям публичным одни или разделяют это право с полицией».⁶

Наша концептуальная позиция такова, что деятельность, направленная на восстановление нарушенных прав и интересов, всегда имеет искомый характер. Правовая природа иска едина для всех типов судопроизводства, не важно, гражданского, арбитражного, уголовного. Разница заключается лишь в том, в результате какого правонарушения были нарушены права и интересы – гражданского, административного, уголовного.

Основания, материальная и процессуальная сторона, предмет иска будут наполнены разным содержанием, но суть останется сходной.

Мы придерживаемся еще одной концепции – теории единого понятия иска, имеющего две стороны: материально-правовую и процессуальную. В соответствии с ней, иск – это единое понятие, в котором органически соединены требования истца к ответчику (материально-правовая сторона) и требования истца к суду (процессуальная сторона).⁷

Представляется, что эта концепция является наиболее приемлемой и научно обоснованной. Так, уголовный иск – это требование (обращение) государственного либо частного обвинителя к суду рассмотреть возникший уголовно-правовой конфликт для восстановления нарушенных прав и интересов, а также их материально-правовое требование привлечь к уголовной ответственности и назначить соразмерное наказание виновному в преступлении лицу, а также возместить причиненный вред. Данные требования составляют содержание уголовного иска, без которого, соответственно, его быть не может. При этом обладание лицом (либо государством), права и интересы которого нарушены, одним лишь правом требовать у обязанного лица (обвиняемого) претерпеть неблагоприятные последствия и возместить вред, причиненный правам и интересам, еще не означает, что иск уже наличествует. Не будет его и в том случае, если данный иск будет предъявлен не в той форме. Он появится лишь тогда, когда государственный либо частный обвинитель даст ход своим требованиям в установленных законом процессуальной форме и порядке. Следовательно, правовую природу иска можно раскрыть лишь путем комплексного анализа материальной и процессуальной его стороны.

Согласно научным позициям, получившим наибольшее распространение в науке гражданского процесса, предметом иска является материально-правовое требование истца к ответчику, возникающее из спорного правоотношения.

Отсюда предметом уголовного иска является материально-правовое требование привлечь к уголовной ответственности, назначить соответствующее наказание и возместить причиненный вред, обращенное к суду и непосредственно к обвиняемому, который должен претерпеть неблагоприятные последствия и возместить причиненный вред. Все это в совокупности можно оценить как требования восстановить нарушенные преступлением права и интересы.

Основанием иска стандартно является юридический факт (совершение преступления), из которого государственный либо частный обвинитель выводит свои требования.

Виды уголовного иска, мы уже упоминали, – это публичный и частный.

Подобное видение обвинительной деятельности способно, на наш взгляд, перевернуть взгляд на пострадавшего как на «придаток» стороны обвинения, в частности, государственного обвинителя.

Законодатель и правоприменитель специфично относятся к фигуре потерпевшего в уголовном судопроизводстве, рассматривая его по сей день как заявителя о преступлении, свидетеля предварительного и судебного рассмотрения. И в этом взгляде нет

ничего нового со времен советского периода развития уголовно-процессуального законодательства.

Так, М.С. Строгович в академическом «Курсе советского уголовного процесса» 1958 года издания, говоря о потерпевшем, указывал, что в качестве заявителя он вправе обжаловать отказ в возбуждении уголовного дела, возбуждать ходатайства об истребовании доказательств и об отводе следователя. В дальнейшем, в ходе предварительного расследования и судебного рассмотрения дела потерпевший занимает положение свидетеля и субъектом уголовно-процессуальной деятельности не является. Если потерпевшему преступлением причинен материальный ущерб, он может выступать в деле в качестве гражданского истца, т.е. занимать положение стороны и быть субъектом уголовно-процессуальной деятельности.⁸

В дальнейшем развитии учения об уголовном процессе М.С. Строговичем была выделена обязанность участия потерпевшего в доказывании в той мере, в которой он поддерживает обвинение. Это имеет место по делам частного обвинения и по делам публичного и частно-публичного обвинения только тогда, когда потерпевший занимает обвинительную позицию, выступает с требованием осуждения подсудимого. Естественно, что эта обязанность потерпевшего отличается от обязанности государственного обвинителя, полностью ответственного за постановку обвинения.⁹

Как видим, обозначенные более пятидесяти лет назад положения относительно процессуального статуса потерпевшего мало изменились на современном этапе развития норм об уголовном судопроизводстве. Рассматривая известные формы обвинения, М.А. Чельцов, как автор учебника «Уголовный процесс» 1948 года издания,¹⁰ сводит их в определенную систему, в основание которой кладется различие субъектов уголовного преследования и интересов, во имя которых оно ведется. Основными их формами считаются частное преследование, ведущееся потерпевшим в его интересах, и публичное преследование, осуществляемое в интересах общества.

С чего начинается исковое производство, как таковое, в своем существовании? Начинается оно с того, что некий субъект проявляет интерес, противоречащий интересу другого субъекта и желает этот интерес реализовать. Именно интерес и противоречие интересов и являются главной движущей силой и необходимыми условиями всего искового производства. Если интерес утрачен или считается, что он утрачен, само это производство подлежит прекращению. Если интересы перестали противоречить друг другу, производство также заканчивается. В нашем случае в любой момент потерпевший (частный обвинитель) может обратиться к согласительным процедурам. Интересы перестанут противоречить, частный иск потеряет свой предмет и должен считаться разрешенным.

Не совсем справедливо мнение, что участие потерпевших в уголовном преследовании следует поставить в зависимость от их волеизъявления. По анало-

гии с немецким уголовно-процессуальным законодательством допускать потерпевшего к активному участию в производстве по уголовному делу необходимо только в случае подачи им соответствующего заявления. Те лица, которые были признаны потерпевшими по уголовному делу, но не изъявили желания участвовать в уголовном судопроизводстве в качестве частного обвинителя, также должны участвовать в производстве по уголовному делу, но только лишь в качестве иного участника уголовного судопроизводства, выполняя исключительно функцию содействия правосудию.

С нашей точки зрения, данная теория не приемлема. Даже если потерпевший по каким-либо причинам не изъявляет желания активно участвовать в производстве по уголовному делу, он не станет «иным участником» процесса. Вместе с тем, потерпевший должен быть наделен таким объемом прав, которые позволяют ему быть сообвинителем, заявлять субсидиарный гражданский иск, даже если он не захочет ими воспользоваться.

Обязанность государственных органов уголовного преследования оказывать содействие в восстановлении прав и интересов пострадавших еще никто не отменял, следовательно, они должны содействовать «пассивному» пострадавшему (в нашем случае потерпевшему) в производстве по уголовному делу.

Помимо этого, необходимо учитывать, что использование либо неиспользование возможностей по реализации прав частного обвинителя должно однозначно ставиться в зависимость от волеизъявления лица в силу предлагаемого нами принципа диспозитивности и не может вменяться в обязанность потерпевшего. Задача правоприменителя – предоставить такую возможность пострадавшим от преступлений лицам. В то же время, мы не согласны с точкой зрения, высказываемой отдельными авторами относительно подачи заявления потерпевшим при желании активно участвовать в поддержании обвинения. Формулироваться и подаваться должен уголовный иск. Потерпевший, в свою очередь, должен наделаться своим статусом, если он настаивает на производстве по уголовному делу (конечно, при наличии процессуальных оснований к тому) и не желает использовать потенциал согласительных процедур.

Потерпевший может подавать иск по разным причинам (не согласен с квалификацией, не согласен с предлагаемым прокурором наказанием, не согласен в способах возмещения причиненного вреда и т.д.). Не сведущий в юриспруденции потерпевший вряд ли сможет правильно его сформулировать. В связи с этим, желание подать частный уголовный иск должно быть основанием для назначения представителя потерпевшему.

Таким образом, частным обвинителем в уголовном судопроизводстве следует признать физическое лицо, считающее, что его права и интересы нарушены преступлением либо поставлены под угрозу нарушения, и заявившее самостоятельный уголовный иск по уголовному делу по делам частного-публичного обвинения либо подавшее заявление в суд по делам частного обвинения и поддерживающее обвинение в суде.

Процессуальной статус частного обвинителя будет характеризоваться, в первую очередь, совершенной самостоятельностью в части распоряжения иском.

Частный обвинитель должен быть наделен следующим процессуальным статусом, который должен быть закреплен в ст. 43 УПК:

1. Частный обвинитель наделяется правами, предусмотренными для потерпевшего ст. 42 настоящего кодекса, в части, не противоречащей его процессуальной позиции.

2. Частный обвинитель имеет право подать, изменить, отозвать уголовный иск в любой момент производства по делу, вплоть до удаления суда в совещательную комнату. Отзыв частным обвинителем уголовного иска не влечет прекращения судебного разбирательства по предъявленному государственным обвинителем обвинению, за исключением случаев, указанных настоящим Кодексом. Частный обвинитель в обоснование уголовного иска вправе представлять доказательства, участвовать в их исследовании, высказывать мнение по поводу предъявленного обвинения, а также по другим вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства.

3. Участие в судебном разбирательстве частного обвинителя обязательно.

4. Отказ государственного обвинителя от публичного иска полностью либо в части не влечет прекращения производства по уголовному делу в части частного уголовного иска.

5. Частному обвинителю обеспечивается возмещение имущественного, морального вреда, причиненного преступлением, а также расходов, понесенных в связи с его участием в ходе предварительного расследования и в суде, включая расходы на представителя, согласно требованиям статьи 131 настоящего Кодекса, в том числе, за счет средств федерального бюджета.

6. По иску частного обвинителя о возмещении в денежном выражении причиненного ему морального вреда при оспаривании иска в этой части обвиняемым размер возмещения определяется судом при рассмотрении уголовного дела или в порядке гражданского судопроизводства.

7. По заявлению частного обвинителя, его представителя органы исполнения наказания обязаны уведомить его о сроках и месте отбытия осужденным наказания и его освобождения, результатах тестов на ВИЧ-инфекцию осужденного.

8. Частный обвинитель не вправе:

1) уклоняться от явки по вызову дознавателя, следователя и в суд;

2) давать заведомо ложные показания или отказываться от дачи показаний;

3) разглашать данные предварительного расследования, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном статьей 161 настоящего Кодекса.

9. За отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний частный обвинитель несет ответственность в соответствии со статьями 307 и 308

Уголовного кодекса Российской Федерации. За приглашение данных предварительного расследования потерпевший несет ответственность в соответствии со статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Помимо этого, коррективы требуют и другие положения УПК РФ. В частности, согласно внесенным предложениям, следует изменить

ч. 7 ст. 246 УПК. Речь идет о том, что при наличии в уголовном деле самостоятельного частного уголовного иска и при отказе государственного обвинителя от публичного иска в целом или в части производство по уголовному делу должно продолжаться. Частный уголовный иск должен быть разрешен судом по существу, вне зависимости от позиции государственного обвинителя.

-
1. Лавдаренко, Л. И. Функции следователя в российском уголовном процессе. Проблемы реализации. Перспективы развития: автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 2001. – С. 14.
 2. Круглов, И. В. Уголовный иск и механизм его доказывания: дис... канд. юрид. наук. Новгород, 2001. – С. 13.
 3. Круглов, И. В. Там же.
 4. Александров, А. С., Гущин, В. Е. Указ. соч.
 5. Зеленин, С. Р. Значение мнения потерпевшего при отказе прокуратуры от обвинения // Журнал российского права. – 2002.
 6. Цитата по Шамардину А. А. Указ. соч.
 7. Добровольский, А. А. Исковая форма защиты права. – М., 1965. – С. 12.; Чечот, Д. М. Субъективное право и формы его защиты. – Л., 1968. – С. 70.
 8. Новиков, А. И., Новиков, И. А. Теория доказательств в уголовном процессе: от прошлого к современности: учебное пособие. Том 2. – Алматы, 2007. – С. 92.
 9. Там же. С. 103.
 10. Там же. С. 116.

ХМЕЛЕВСКАЯ Т.А.,

к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и криминологии,
Оренбургский институт (филиал) МГЮА
имени О.Е. Кутафина, 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50,
тел.: 8 (3532) 31-99-11, post@oimsla.edu.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ, ИСПОЛНЯЮЩИХ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ В РОССИИ

Ключевые слова: лишение свободы, исправительные учреждения, воспитательный центр, пенитенциарные системы, отбывание наказания, гуманизация условий, социальные лифты, исправление осуждённых, безопасность персонала, несовершеннолетние заключённые.

Статья посвящена детальному исследованию процесса реформирования уголовно-исполнительной системы в части исполнения лишения свободы. В ней рассматриваются пути решения проблем по повышению эффективности деятельности исправительных учреждений. В статье на основе анализа Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 показаны основные пути совершенствования работы с осуждёнными к лишению свободы.

Key words: deprivation of liberty, prisons, educational center, prison systems, service of sentence, humane, social elevators, correction of convicted, security personnel, young prisoners.

This article is devoted to a detailed study of the process of reforming the penal system, in terms of execution of imprisonment. It looks at ways of solving problems to improve the effectiveness of correctional facilities. In this paper, based on analysis of the Concept of development of the correctional system of the Russian Federation up to 2020 shows the main ways of improving work of convicts to prison.

В России на современном этапе наказание в виде лишения свободы на определенный срок относится к числу наиболее часто применяемых в судебной практике. Лишение свободы на определенный срок является наиболее распространенным из основных видов наказаний, содержащихся в статьях Особенной части УК РФ: оно предусмотрено в 92% статей Кодекса. На практике лишение свободы назначается более чем трети осужденным.

Лишение свободы состоит в изоляции осуждённого от общества в специальных учреждениях, где он находится под постоянными охраной и наблюдением, в условиях жёсткой регламентации всей жизни осуждённых установленных для этих учреждений режимом. В теории уголовного права нет единого определения содержания наказания в виде лишения свободы. Так, одни юристы считают, что содержание этого, наиболее сурового вида наказаний, состоит в принудительной изоляции осужденного путем помещения его в предназначенное для этого учреждение со специальным режимом содержания на срок, установленный приговором суда. Другие авторы считают, что сущность лишения свободы заключается в характере, то есть в определенных законом правоограничениях, которые не сводятся только к лишению осужденного права на передвижение, выбора места жительства и свободы труда. Основным элементом объема карательного воздействия, заложенного в лишении свободы, является отсутствие у осуждённого права на личную свободу.

Рассматриваемое наказание представлено в УК РФ двумя видами: лишением свободы на опре-

деленный срок и пожизненным лишением свободы. По своему содержанию все они состоят в изоляции осужденного от общества, одинаковом ограничении свободы передвижения и выбора места жительства, а также свободы выбора профессии, места и характера работы, бытовых условий и т.д.

Во время отбывания наказания осуждённый привлекается к обязательному труду, подвергается исправительно-воспитательному воздействию и обеспечивается возможностью общеобразовательного и профессионального обучения. Вопросы отбывания и исполнения этого наказания регулируются уголовно-исполнительным законодательством. Например, Федеральный закон «Об учреждениях и органах, исполняющих наказание в виде лишения свободы»,¹ Правила внутреннего распорядка для исправительных учреждений.²

Лишение свободы наиболее строгое наказание из тех, которые сегодня реально назначаются и исполняются в России. В период его отбытия осуждённый испытывает определённые лишения в быту, одежде, пище. После отбытия наказания лицо продолжает переносить и моральные страдания, связанные с отрицательным отношением к нему со стороны законопослушных граждан, с нежеланием работодателей принимать на работу бывших осуждённых.

Лишение свободы должно назначаться тогда, когда цели наказания не могут быть достигнуты более мягкими мерами уголовно-правового воздействия, наказание лица возможно в условиях строгой изоляции и специального режима.

Содержание лишения свободы как способа воздействия на осужденного, закрепленного в уголовном законе и могущего быть примененным судом, конкретизируется уголовно-исполнительным законодательством, которым в соответствии с ч. 2 ст. 2 УИК РФ «устанавливаются общие положения и принципы исполнения наказаний, применения иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных УК РФ; порядок и условия исполнения и отбывания наказаний, применения средств исправления осужденных; порядок деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания; порядок участия органов государственной власти и органов местного самоуправления, иных организаций, общественных объединений, а также граждан в исправлении осужденных; порядок освобождения от наказания; порядок оказания помощи освобождаемым лицам».

При этом уголовно-исполнительное законодательство не может усиливать карательный потенциал наказания, предусмотренный уголовным законом. Оно только регламентирует процедуры исполнения наказания, а не определяет его содержание.

В связи с широким применением лишения свободы в судебной практике и в литературе на протяжении длительного времени активно обсуждалась проблема эффективности этого наказания, в частности, в зависимости от его срока, определённого приговором суда.

Эффективность при исполнении наказания определяется как соответствие действительных результатов ожидаемым, что неразрывно связано с понятием цели наказания. В свою очередь, само наказание выступает в качестве средства достижения положительного социального эффекта, моделируемого с учетом двух показателей: первого — ожидания общества от наказания; второго — возможности наказания.³

За несколько лет количество осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления возросло вдвое и достигло к 2010 году 80% общей численности осужденных к лишению свободы. Более четверти осужденных приговорены к длительным срокам лишения свободы, почти половина — отбывает наказание второй раз и более, что приводит к увеличению удельного веса социально деградировавших граждан.⁴ Снижение эффективности деятельности исправительных учреждений требовало законодательного переосмысления исполнения лишения свободы.

В рамках развития России, как правового государства, проходит реформирование и либерализация уголовно-исполнительной системы.

Реформа УИС предполагает, прежде всего, поиск новых подходов к организации исполнения наказаний с учетом изменений, происходящих в обществе. На официальном уровне идеи реформирования УИС нашли свое отражение в концепциях реорганизации уголовно-исполнительной системы МВД России (на период до 2005 года), одобренной Президентом Российской Федерации 13 января 1996 г.⁵ В дальнейшем, когда система исполнения наказаний перешла в подведомственность Министерства юстиции России принимались и другие документы, в том чис-

ле 14 октября 2010 года Распоряжение правительства РФ утвердило Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (далее Концепция).⁶

«Концепция реформы уголовно-исполнительной системы — это совокупность новых взглядов и предложений, объединенных общим замыслом (целью), направленных на качественное изыскание организации исполнения наказаний с учетом новых требований, предъявляемых ее функционированию. Подчеркивая элемент новизны, который должна содержать концепция реформы УИС, важно отметить и необходимость сохранения при проведении реформы преемственности с тем положительным опытом, который был в той или иной мере накоплен ранее по вопросам исполнения наказаний, включая индивидуализацию наказаний, организацию общеобразовательной и профессиональной подготовки осужденных, обеспечение надзора, профилактики правонарушений и др.»⁷

Констатируя значительную работу по созданию и разработке концепций реформирования УИС, их практическую, следует отметить, что в науке фактически не рассматриваются теоретические основы разработки самой Концепции реформы УИС. Вместе с тем, данный вопрос имеет важное значение как для уточнения действующих концепций реформирования УИС, так и для разработки подобного рода документов в будущем, включая конкретные направления деятельности УИС.

Мы согласны с мнением В.У. Ялунина, что: «К сожалению, анализ проектов концепций реформирования УИС, разработанных за последние годы, показывает, что в данных концепциях вопрос о целях реформы УИС фактически отсутствует и последний нередко понимается как обоснование внесения тех или иных изменений в уголовно-исполнительную систему».⁸

Вопрос о сущности, т.е. основном смысле и направленности реформы УИС, является одним из ключевых при разработке ее концепции. При рассмотрении данного вопроса следует учитывать, что основной смысл и направленность реформы УИС предопределяется необходимостью построения системы исполнения наказаний с учётом современных тенденций развития общества. «Поэтому сущность реформы УИС можно определить как переход от одной модели исполнения наказаний к другой: модели советского периода в рамках исправительно-трудовой системы к новой модели, основанной на иных принципах исполнения наказаний, которую законодатель определил как уголовно-исполнительную систему».⁹

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, принятая правительством РФ, определила следующие цели деятельности государства в части становления системы исполнения наказания на современном этапе:

- повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня

европейских стандартов обращения с осужденными и потребностей общественного развития;

- сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы и развития системы постпенитенциарной помощи таким лицам;

- гуманизация условий содержания лиц, заключенных под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов.

Достижение указанных целей должно происходить постепенно посредством принятия необходимых правовых актов и применения их на практике. По словам директора ФСИН, проводимая сегодня реформа УИС предполагает «действительно кардинальное» изменение уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Прежде всего, требуется внести в Уголовный кодекс РФ изменения, предусматривающие действие совершенно новой системы исправительных учреждений. Речь идет об отказе от коллективных форм содержания осужденных и, как следствие, создании тюрьмы нового образца (с модернизацией модели системы надзора и охраны), колоний-поселений и воспитательных центров, исключающих возможность подавления личности, уточнил Александр Реймер.

По словам директора ФСИН, необходимо детальное нормативно-правовое регулирование осуществления исполнения наказаний без изоляции от общества, куда входят контроль за условно-досрочно освобожденными из мест лишения свободы, оказание им социальной и психологической поддержки, помощь в получении образования и трудоустройстве. Фактически, это составляющие службы пробации как элемента гуманизации пенитенциарной политики государства по соблюдению и защите прав человека, на создание которой в России нацелены совместные усилия ФСИН и Минюста.¹⁰

Для достижения поставленных целей необходимо решить следующие задачи:

- усовершенствовать уголовно-исполнительную политику (организации исполнения наказаний), направленной на социализацию осужденных;

- изменить структуру уголовно-исполнительной системы, создание новых видов учреждений, осуществляющих исполнение наказаний в виде лишения свободы, отказ от коллективной формы содержания осужденных;

- осуществление раздельного содержания осужденных с учетом тяжести совершенного преступления и криминологической характеристики осужденного;

- изменение идеологии применения основных средств исправления осужденных в местах лишения свободы с усилением психолого-педагогической работы с личностью и подготовки ее к жизни в обществе;

- разработка форм проведения воспитательной работы, организации образовательного процесса

и трудовой занятости осужденных в новых условиях отбывания наказания;

- модернизация и оптимизация системы охраны исправительных учреждений и следственных изоляторов, укрепление материальной базы следственных изоляторов, исправительных учреждений, уголовно-исполнительных инспекций;

- повышение эффективности управления уголовно-исполнительной системой с учетом ее новой структуры, в том числе, путем формирования современной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры;

- расширение сферы применения наказаний и иных мер, не связанных с лишением свободы;

- обеспечение необходимого уровня социальной защиты работников уголовно-исполнительной системы;

- внедрение современных технологий и технических средств в практику исполнения наказаний;

- совершенствование ведомственного контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы, обеспечение гласности в деятельности уголовно-исполнительной системы, ее подконтрольности институтам гражданского общества, создание условий для участия общественности в решении стоящих перед уголовно-исполнительной системой задач;

- развитие международного сотрудничества с пенитенциарными системами иностранных государств, международными органами и неправительственными организациями.

«Обширные криминологические исследования и опыт многих тюрем показывают, что уровень криминализации многих заключенных после освобождения выше, чем в момент заключения в тюрьму. Следовательно, тюрьма не только не защищает общество от криминала, но и воспроизводит преступников, способных совершить более тяжкие преступления». ¹² Поэтому первой задачей государства на пути реформирования уголовно-исполнительной системы стоит совершенствование уголовно-исполнительной политики (организации исполнения наказаний), направленной на социализацию осужденных. Решение этой задачи определило следующие мероприятия:

- совершенствование уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации, направленного на изменение структуры уголовно-исполнительной системы и создание новых видов учреждений, осуществляющих исполнение наказаний в виде лишения свободы;

- поиск и использование новых форм и методов исправительного воздействия на осужденных, организационных механизмов социальной работы с осужденными, закрепление в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации форм социальной, психолого-педагогической работы с осужденными в качестве основного средства исправления осужденных.

С 2013 года места лишения свободы начнут постепенно уходить от старой системы, в которой основной структурой, исполняющей лишение сво-

боды, является колония. На смену исправительным колониям придут тюрьмы с секциями, рассчитанными на размещение от двух до восьми арестантов. Режим в тюрьмах будет кардинально отличаться. Для менее опасных — режим мягче, для опасных — строже. Чтобы у преступника был стимул исправляться, планируется ввести систему так называемых социальных лифтов. Если осужденный в течение срока отбывания наказания будет соблюдать требования режима, то условия его содержания будут смягчаться.

Концепция предусматривает, что вместо 504 действующих на сегодня исправительных колоний появятся 428 тюрем. Кроме того, число следственных изоляторов должно сократиться с 228 до 196 (а освобождаемые СИЗО также планируется перепрофилировать в тюрьмы). При этом, со 160 до 210 планируется увеличить число колоний-поселений, где предусмотрен самый мягкий режим содержания. Колонии-поселения останутся единственными из колоний и будут работать наряду с тюрьмами. Вместо 62 воспитательных колоний для несовершеннолетних, согласно концепции реформы, должны появиться 39 воспитательных центров, где планируется также усилить реабилитационную и психологическую работу с нарушившими закон подростками.¹³

Следующая задача состоит в разработке форм проведения воспитательной работы, организации образовательного процесса и трудовой занятости осужденных в новых условиях отбывания наказания.

Существующая система организации воспитательной работы с осужденными создавалась в 60-70-ые годы прошлого века и в основном соответствовала задачам исправительно-трудовой системы того времени. В основу воспитательной работы была положена концепция, согласно которой воздействие на человека должно осуществляться через труд и коллектив. Однако в современных условиях эта система уже не работает или работает малоэффективно.

Сегодня Федеральной службой исполнения наказаний взят курс на усиление индивидуализации социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными с привлечением к исправительному процессу представителей органов исполнительной власти, а также институтов гражданского общества.

В рамках реализации Концепции начата разработка новых индивидуальных форм работы, обеспечивающих оказание адресной социальной, психологической и педагогической помощи каждому осужденному с учетом его социально-демографической, уголовно-правовой и индивидуально-психологической характеристики. При проведении этой работы мы начали использовать компьютерные технологии. Сегодня разрабатывается компьютерная программа, которая позволит обеспечить ведение обширной компьютерной базы данных на каждого осужденного (электронный дневник), в которой будут отражаться результаты социального анкетирования осужденного, психологических тестов, его социально-демогра-

фическая, уголовно-правовая и индивидуально-психологическая характеристика. Это позволит обеспечить глубокое изучение личности осужденного, подготовку для него эффективной индивидуальной программы для ресоциализации к жизни после освобождения.

Вместе с тем, ФСИН России не отказывается от положительно зарекомендовавших себя форм воспитательной работы с осужденными, предполагается дальнейшее совершенствование правового, духовно-нравственного, патриотического и эстетического воспитания осужденных, пропаганды здорового образа жизни.

Предполагается расширение форм организации культурного досуга осужденных, клубной и кружковой работы, привлечение к этой работе деятелей искусства, культуры и спорта, в том числе имеющих широкую известность и позитивный авторитет.

В полной мере используется потенциал религиозных конфессий в духовно-нравственном просвещении и воспитании осужденных и работников уголовно-исполнительной системы, а также для социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы.

В соответствии с требованиями Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года активно участвуют в воспитательном процессе деятели культуры и искусства, спортсмены, представители молодежных движений. Представители общественных организаций привлекаются к работе по повышению уровня правосознания и правовой грамотности осужденных и работников уголовно-исполнительной системы. Пример подобной работы: организация на базе ИК-2 УФСИН России по Воронежской области по инициативе Общественного совета при УФСИН России по Воронежской области в марте т.г. консультативного центра «Юридическая клиника».

С целью реализации положений Концепции ФСИН России разработана новая организационно-структурная форма — модель учреждения для содержания осужденных в возрасте от 14 до 25 лет — воспитательный центр. Разработка осуществлена с учетом рекомендаций международных нормативных правовых документов по обращению с лицами, осужденными в несовершеннолетнем возрасте, и опыта работы по исполнению наказаний в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних и лиц молодого возраста ряда зарубежных стран.

До 1 марта 2011 года в 54 субъектах Российской Федерации функционировали 62 воспитательные колонии (ВК), в которых содержалось 3870 осужденных (данные на 01.03.2011) в возрасте от 14 до 19 лет. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 01.03.2011 № 323-р 15 воспитательных колоний перепрофилированы в исправительные учреждения для взрослых осужденных женского пола.¹⁴

ФСИН РФ был создан проект модели воспитательного центра для лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте. В соответ-

ствии с этим документом воспитательный центр – это исправительное учреждение, предназначенное для исполнения наказаний в виде лишения свободы в отношении лиц женского и мужского пола, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, а также, при наличии условий, содержания под стражей несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых.

Цели воспитательного центра:

- исправление осужденных;
- предупреждение совершения новых преступлений, как осужденными, так и иными лицами;
- обеспечение эффективной ресоциализации осужденных к условиям жизни в современном обществе на основе применения индивидуальных форм воздействия.

Задачи воспитательного центра:

- исполнение уголовного наказания в виде лишения свободы в отношении лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте;
- создание условий, исключающих возможность подозреваемым и обвиняемым скрыться от следствия или суда, а осужденным к лишению свободы, уклониться от отбывания наказания;
- исполнение приговоров, постановлений и определений судов, актов амнистии и помилования в отношении содержащихся в воспитательном центре осужденных, а также подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений;
- обеспечение правопорядка и законности при исполнении наказаний в виде лишения свободы, и содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений;
- обеспечение личной безопасности персонала, должностных лиц и граждан, находящихся на территории воспитательного центра;
- обеспечение личной безопасности содержащихся в воспитательном центре осужденных, а также подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений;
- соблюдение прав и законных интересов содержащихся в воспитательном центре осужденных, а также подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений;
- обеспечение охраны, изоляции и надзора;
- обеспечение единого учебно-воспитательного процесса, создание условий для получения общего и профессионального образования (профессиональной подготовки) осужденными, а также подозреваемыми и обвиняемыми в совершении преступлений;
- обеспечение различных условий отбывания наказания в воспитательном центре;
- осуществление оперативно-розыскной деятельности;
- оказание помощи осужденным в социальной и трудовой адаптации;
- организация жизнедеятельности воспитательного центра, развитие его материально-технической базы и социальной сферы.

Функции воспитательного центра:

- осуществление приема, размещения и содержания осужденных, подозреваемых и обвиняемых в

соответствии с установленными нормами и требованиями;

- осуществление, в установленном порядке, учета осужденных, подозреваемых и обвиняемых;
- установление и поддержание Правил внутреннего распорядка;
- обеспечение пропускного режима, передвижения осужденных, подозреваемых и обвиняемых по охраняемой территории;
- обеспечение условий для проведения длительных и краткосрочных свиданий, телефонных переговоров, приема и передачи почтовых отправлений;
- осуществление конвоирования осужденных, подозреваемых и обвиняемых внутри и за пределами воспитательного центра;
- выявление, предупреждение и пресечение преступлений и других правонарушений со стороны осужденных, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений;
- организация и проведение социальной, психологической и педагогической (воспитательной) работы, направленной на формирование у осужденных законопослушного поведения, добросовестного отношения к труду и учебе, получение начального профессионального образования, профессиональной подготовки, повышение образовательного и культурного уровня;
- обеспечение взаимодействия с государственными органами, общественными объединениями, религиозными организациями и средствами массовой информации по вопросам, относящимся к компетенции воспитательного центра;
- оказание содействия лицам, освобождающимся из воспитательного центра, в вопросах трудового и бытового устройства;
- осуществление эксплуатации зданий, сооружений и инженерно-технических средств охраны и надзора и поддержание их в исправном состоянии;
- осуществление противопожарных и противозаразительных мероприятий, предусмотренных государственными стандартами, нормами и правилами;
- обеспечение учебно-производственных (трудовых) мастерских материально-техническими и трудовыми ресурсами, транспортным и энергетическим обслуживанием;
- осуществление мероприятий по мобилизационной подготовке и гражданской обороне, контроль готовности сил и средств к действиям в чрезвычайных ситуациях;
- осуществление правового обеспечения финансово-хозяйственной, оперативно-служебной, медицинской и иной деятельности;
- ведение бухгалтерской и статистической отчетности в порядке, установленном законодательством Российской Федерации;
- распоряжение финансовыми ресурсами, выделенными территориальным органом ФСИН России из федерального бюджета на решение поставленных перед ним задач;

- осуществление иных функций, возлагаемых на воспитательный центр в соответствии.¹⁵

Следующим направлением реформирования системы учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, выступает разработка технической документации, финансово-экономического обоснования, архитектурных проектов тюремных зданий, отвечающих требованиям европейских стандартов. Данное направление непосредственно связано с реформированием структуры учреждений, исполняющих лишение свободы, отказом от коллективного размещения осуждённых для проживания в общежитиях и помещение их в камеры. Внедрение таких изменений вызвано необходимостью повышения эффективности достижения цели исправления осуждённых в процессе исполнения лишения свободы.

В сфере материально-бытового обеспечения осуждённых Концепцией предусмотрены следующие мероприятия в отношении лиц, находящихся в учреждениях УИС:

- разработка и утверждение в 2012 году новых видов вещевого довольствия, отвечающих международным стандартам и современным потребительским свойствам, обеспечение новым вещевым довольствием осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в полном объеме к 2015 году;

- выполнение санитарно-гигиенических требований к условиям содержания осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в соответствии с установленными нормативами, повышение нормативов жилой площади для осужденных;

- совершенствование организации питания осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в соответствии с международными стандартами;

- обеспечение продовольственной безопасности и независимости уголовно-исполнительной системы от колебаний конъюнктуры рынка продуктов питания путем постоянного повышения уровня самообеспеченности учреждений уголовно-исполнительной системы основными видами продовольствия в общем объеме финансирования на продовольственное обеспечение;

- оптимизация системы закупок для нужд уголовно-исполнительной системы в целях повышения ее экономичности, эффективности и прозрачности, переход на повсеместное использование электронных торгов по закупкам товаров, работ и услуг для нужд уголовно-исполнительной системы.¹⁶

Развитие коснется и медицинского обслуживания осуждённых, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Основное содержание этого направления состоит в следующем:

- развитие медицинской службы уголовно-исполнительной системы в соответствии с основными концептуальными направлениями совершенствования системы здравоохранения Российской Федерации;

- обеспечение гарантированного объема бесплатной медицинской помощи на основе его рационального распределения между учреждениями (подразделениями) здравоохранения уголовно-исполнительной системы и учреждениями государственной

(муниципальной) системы здравоохранения, исходя из принципов повышения ее доступности и качества.¹⁷

В сфере трудовой деятельности и профессиональной подготовки осужденных Концепция предполагает:

- создание условий для трудовой занятости осужденных в зависимости от вида исправительного учреждения, совершенствование производственно-хозяйственной деятельности уголовно-исполнительной системы и повышение экономической эффективности труда осужденных;

- широкое использование в качестве одного из основных способов ресоциализации вовлечения в трудовую деятельность осужденных, отбывающих наказание в колониях-поселениях;

- разработка новых принципов привлечения к труду осужденных в условиях тюремного содержания и строгой дифференциации их содержания, создание небольших рабочих камер-мастерских и внедрение индивидуальных форм занятости;

- проработка вопроса об установлении для учреждений, в которых отбывают наказание несовершеннолетние, специального налогового режима с целью направления доходов от труда осужденных на улучшение условий их содержания;

- создание дополнительных рабочих мест и развитие производственной и социальной сферы уголовно-исполнительной системы;

- активное привлечение коммерческих организаций к созданию производственных участков в колониях-поселениях;

- расширение производства сельскохозяйственной продукции и стимулирование создания колоний-поселений с сельскохозяйственным производством в зонах с благоприятными климатическими условиями;

- разработка наиболее перспективных направлений производственной деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы в целях приоритетного обеспечения нужд уголовно-исполнительной системы собственным производством и выпуска конкурентоспособной продукции;

- обновление производственной базы учреждений уголовно-исполнительной системы с учетом сформулированных направлений и приоритетов производственной деятельности;

- оптимизация системы оплаты труда осужденных в целях повышения возможностей компенсации ущерба потерпевшим от преступлений и государству, обеспечение работающим осужденным гарантий, связанных с их трудовой деятельностью, осуществление своевременного пересмотра расценок по оплате их труда в зависимости от изменения производственного процесса, изменение размера части заработанных денежных средств, направляемых на лицевой счет осужденного;

- определение прогнозных потребностей в рабочих специальностях и специалистах по отраслям и регионам по укрупненным группам профессий, востребованных на рынке труда;

- совершенствование и развитие системы начального профессионального образования и профессиональной подготовки осужденных, сохранение, передислокация, перепрофилирование и создание новых образовательных учреждений начального профессионального образования, реализующих все формы организации образовательного процесса с различным объемом обязательных занятий осужденных;

- осуществление профессионального обучения и профессиональной подготовки осужденных с учетом результатов мониторинга прогнозных потребностей в рабочих кадрах учреждений уголовно-исполнительной системы и региональных рынков труда, в том числе по дефицитным рабочим специальностям, в целях создания высоких гарантий трудоустройства и возвращения в общество законопослушных граждан;

- участие учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в региональных целевых программах занятости населения и развитии системы социального партнерства в сфере подготовки рабочих кадров из числа осужденных;

- разработка программ профессиональной подготовки с учетом заявок от органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и организаций.¹⁸

Немалое внимание в Концепции уделяется и духовному развитию осужденных: совершенствование духовно-нравственного и патриотического воспитания осужденных, планирование, организация и проведение в исправительных учреждениях воспитательных мероприятий, направленных на формирование и развитие у осужденных стремления к общественно-полезной деятельности, соблюдению требований законов и принятых в обществе правил поведения является одним из положений данного документа. С этой целью планируется привлечение общественности к оказанию социальной помощи осужденным и воспитательной работе с ними, совершенствование сотрудничества с институтами гражданского общества. Создание условий для осуществления общественного контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы.

Для проведения в жизнь всех направлений развития уголовно-исполнительной системы необходим крепкий кадровый состав. В рамках кадрового обеспечения работников уголовно-исполнительной системы предлагается:

- подготовка высококвалифицированных специалистов за счет перехода образовательных учреждений высшего профессионального образования Федеральной службы исполнения наказаний на бакалавриат как основной уровень профессионального образования;

- повышение качества образовательных программ в области юриспруденции, экономики, государственного управления, усиление антикоррупционной направленности в образовательных программах дополнительного профессионального об-

разования работников уголовно-исполнительной системы;

- реализация политики сокращения штатной численности работников уголовно-исполнительной системы за счет использования в работе инновационных технологий;

- обеспечение высокого социального статуса и престижа труда работника уголовно-исполнительной системы, законодательное определение системы социальных гарантий, в том числе выделения жилья работникам уголовно-исполнительной системы и членам их семей, развитие сети региональных медико-реабилитационных центров для профилактики профессиональной деформации, психологической перегрузки и организации семейного отдыха работников уголовно-исполнительной системы.¹⁹

Повышению результатов оптимизации развития уголовно-исполнительной системы должно послужить развитие международного сотрудничества, изучение и распространение зарубежного опыта в сфере исполнения наказаний и содержания под стражей, совместная подготовка специалистов для уголовно-исполнительной системы, проведение научных исследований на основе реализации международных проектов.

Члены Совета при Президенте России предлагают включить в «Концепцию развития УИС» следующие разделы: «Права человека в УИС»; «Женщины в местах лишения свободы»; «Несовершеннолетние заключенные»; «Уязвимые заключенные».²⁰ Большой объем этих разделов связан с дополнительными гарантиями реализации прав и свобод отдельных категорий осужденных в период отбывания ими наказания.

Новеллой является выделение такой категории осужденных как уязвимые заключенные.

Уязвимые заключенные – это те, кто в силу своих особенностей или существующего положения (в частности, это возраст, пол, этническая и религиозная принадлежность, здоровье, правовой или политический статус) столкнулись с угрозой, относящейся к их здоровью, безопасности и защите в результате тюремного заключения. Данная категория помимо несовершеннолетних и женщин, включает лиц с душевными или психическими расстройствами, иностранцев, сексуальные меньшинства, лиц, приговоренных к смертной казни, престарелых, а также физически неполноценных и страдающих какими-либо заболеваниями заключенных.²¹

В отношении указанной категории осужденных предлагаются следующие направления развития:

- гарантии равных с остальными заключенными прав и права на специализированное медицинское обслуживание, отдельное от других заключенных помещение, услуги переводчика, повышенный надзор со стороны специально подготовленного персонала;

- обеспечение присутствия в каждом квали-

фицированного медицинского работника, имеющего познания в области психиатрии. Заключение, страдающие психическими заболеваниями, должны находиться под особым врачебным надзором;

- обучение сотрудников УИС умению идентифицировать проблемы и трудности, связанные с психическим здоровьем, тогда, когда они возникнут. Они должны быть в состоянии отличать тех заклю-

ченных, которые психически больны, от тех, которые отстают в развитии.²²

Реализация на практике указанных выше направлений должна устранить несоответствие российского уголовно-исполнительного законодательства международно-правовым стандартам и повысить эффективность деятельности всей системы исполнения наказаний.

1. Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 года N 5473-I «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. N 33. ст. 1316; 1998. N 30. ст. 3613; 2004. N 27. ст. 2711; 2009. N 39. ст. 453).
2. Правила внутреннего распорядка для исправительных учреждений утверждены приказом Минюста России от 03.11.2005 № 205 в ред. Приказов Минюста РФ от 03.03.2008 N 48, от 12.02.2009 N 39, с изм., внесенными решением Верховного Суда РФ от 02.03.2006 N ГКПИ06-54// <http://www.fsin.ru> (последнее посещение: 3 апреля 2010 г.).
3. Бикситова, Б. С. Эффективность исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. – Бишкек, 2006. – С. 2.
4. См.: Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года// URL: <http://www.fsin.ru> (последнее посещение: 20 августа 2011 г.).
5. См.: Петров, С. М. Стратегия и пути реформирования уголовно-исполнительной системы: учеб. пособие. – Саратов, 1998.
6. Распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2011 г. № 1772-р, утвердившее «Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года»// <http://base.garant.ru> (последнее посещение: 15 сентября 2012 г.).
7. Ялунин, В. У. Реформа уголовно-исполнительной системы современной России. Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 40.
8. Ялунин, В. У. Указ. раб. – С. 35.
9. Ялунин, В. У. Указ. раб. – С. 41.
10. Реймер, А. ФСИН приближается к европейским стандартам обращения с осужденными // <http://www.zakonia.ru/> (последнее посещение: 14 сентября 2011 г.).
11. Распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2011 г. № 1772-р, утвердившее «Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года»// <http://base.garant.ru> (последнее посещение: 21 сентября 2011 г.).
12. Кохман, В. Н. Реализация основных международных стандартов обращения с осужденными в Европейской пенитенциарной системе // Уголовно-исполнительное право. – 2008. – № 8. – С. 13.
13. Распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2011 г. № 1772-р, утвердившее «Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года»// <http://base.garant.ru> (последнее посещение: 21 сентября 2011 г.).
14. <http://фсин.рф> (последнее посещение: 23 сентября 2011 г.).
15. <http://фсин.рф> (последнее посещение: 23 сентября 2011 г.).
16. Распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р, утвердившее «Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года»// <http://base.garant.ru> (последнее посещение: 23 сентября 2011 г.).
17. Там же.
18. Распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р, утвердившее «Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года»// <http://base.garant.ru> (последнее посещение: 23 сентября 2011 г.).
19. Распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р, утвердившее «Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года»// <http://base.garant.ru> (последнее посещение: 23 сентября 2011 г.).
20. www.president-sovet.ru (последнее посещение: 23 сентября 2011 г.).
21. www.president-sovet.ru (последнее посещение: 23 сентября 2011 г.).
22. Там же.

Раздел четвертый

ВОПРОСЫ ТРУДОВОГО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА И ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

БЛАГОДИР А.Л.,

к.ю.н., доцент кафедры трудового права и
права социального обеспечения МГЮА
имени О.Е. Кутафина в г. Кирове

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ГРАЖДАН

Ключевые слова: социальное обслуживание, социально-консультативная помощь, меры социальной реабилитации и адаптации, граждане пожилого возраста, инвалиды, дети, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, осужденные после освобождения от наказания.

Отмечая социально-консультативную помощь как наиболее распространенную форму социального обслуживания, автор, анализируя нормативные правовые акты в этой сфере, делает вывод о том, что в российском законодательстве отсутствует единый понятийный аппарат, на основании которого можно было бы достаточно четко отнести тот или иной вид помощи к услугам по социальной адаптации и определить круг лиц, имеющих право на такие услуги.

Key words: Social service, social consulting assistance, measures of social rehabilitation and adaptation, elderly citizens, invalids, minors in difficult life situation, convicted on release.

Marking social consulting service as one of the most common forms of social service, the author analyzes regulatory legal acts in this sphere and makes a conclusion that in the Russian legislation there is no single conceptual framework on the basis of which one could clearly refer this or that type of assistance to social adaptation services and to define the groups of people entitled to these services.

Социально-консультативная помощь – наиболее распространенная форма социального обслуживания. Целью данной помощи является адаптация лиц, попавших в трудную жизненную ситуацию, содействие в снижении социальной напряженности в обществе. В учреждениях социального обслуживания клиентам социальной службы предоставляются консультации по вопросам социально-бытового и социально-культурного обеспечения жизнедеятельности, психолого-педагогической помощи, социально-правовой защиты.

Социально-консультативная помощь направлена на выявление лиц, нуждающихся в социально-консультативной помощи; профилактику различного рода социально-психологических отклонений; работу с семьями, в которых живут граждане пожилого возраста и инвалиды, организацию их досуга; консультативную помощь в обучении, профессиональную ориентацию и трудоустройство инвалидов; обеспечение координации деятельности государственных

учреждений и общественных объединений для решения проблем граждан пожилого возраста и инвалидов; правовую помощь в пределах компетенции органов социального обслуживания; иные меры по формированию здоровых взаимоотношений и созданию благоприятной социальной среды для граждан пожилого возраста и инвалидов.

Правовую основу для оказания социально-консультативной помощи гражданам пожилого возраста, инвалидам, детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации в виде услуг по социальной адаптации составляют законы «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» от 2 августа 1995 г.,² «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 г.,³ а также приказы Минздравсоцразвития РФ.

Социальная реабилитация – система и процесс восстановления способностей к самостоятельной и семейно-бытовой деятельности. Она включает в себя социально-средовую ориентацию, социально-быто-

вое образование, социально-бытовую адаптацию и социально-бытовое устройство.

Социальная адаптация ребенка – процесс активного приспособления ребенка, находящегося в трудной жизненной ситуации, к принятым в обществе правилам и нормам поведения, а также процесс преодоления последствий психологической или моральной травмы.⁴

Так, в соответствии с Федеральным законом «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов», предоставляемая социально-консультативная помощь направлена на адаптацию граждан пожилого возраста и инвалидов в обществе, ослабление социальной напряженности, создание здоровых взаимоотношений и благоприятной социальной среды. Данная форма помощи осуществляется специализированными подразделениями центров социального обслуживания и органов социальной защиты населения.⁵

В ст. 9 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24 ноября 1995 г. дано понятие реабилитации инвалидов как системы и процесса полного или частичного восстановления способностей инвалидов к бытовой, общественной и профессиональной деятельности. Реабилитация инвалидов направлена на устранение или возможно более полную компенсацию ограничений жизнедеятельности, вызванных нарушением здоровья со стойким расстройством функций организма, в целях социальной адаптации инвалидов, достижения ими материальной независимости и их интеграции в общество. Помимо восстановительных медицинских мероприятий, такая реабилитация осуществляется на основе профессиональной ориентации, обучения и образования, содействия в трудоустройстве, производственной адаптации, а также с помощью социально-средовой, социально-педагогической, социально-психологической и социокультурной реабилитации и социально-бытовой адаптации.

Государство создает гражданам с ограниченными возможностями здоровья (имеющим недостатки в физическом и (или) психическом развитии) условия для получения ими образования, коррекции нарушений развития и социальной адаптации на основе специальных педагогических подходов.⁶

Профессиональная реабилитация – система и процесс восстановления конкурентоспособности инвалидов на рынке труда. Такая реабилитация включает профессиональную ориентацию, профессиональное образование, профессионально-производственную адаптацию, рациональное трудовое устройство.

Порядок и условия оказания помощи инвалидам в профессиональной реабилитации определен приказом Минздравсоцразвития России от 07 июня 2007 г. № 400.⁷

Целью социальной адаптации безработных граждан на рынке труда является удовлетворение потребности граждан, признанных в установленном порядке безработными, в получении навыков актив-

ного, самостоятельного поиска работы, составления резюме, проведения деловой беседы с работодателем, самопрезентации, преодолении последствий длительной безработицы, повышения мотивации к труду, самокорреляции и сокращение периода поиска подходящей работы за счет формирования у безработного гражданина активной жизненной позиции.

Помимо социальной адаптации, органами службы занятости безработным гражданам, в соответствии с приказом Минздравсоцразвития России от 27 ноября 2007 г. № 726,⁸ может быть оказана психологическая поддержка.

Государство гарантирует предоставление услуг по социальной адаптации не только гражданам пожилого возраста, инвалидам и детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, но также и другим категориям граждан. Это могут быть: осужденные после освобождения от наказания,⁹ члены семей сотрудников правоохранительных органов, погибших при исполнении служебных обязанностей и сотрудников, ставших инвалидами вследствие военной травмы.¹⁰

В уголовно-исполнительном законодательстве важное значение отведено задаче оказания осужденным помощи в социальной адаптации (ч. 2 ст. 1 УИК РФ). Это обусловлено тем, что успешная социальная адаптация осужденных после освобождения от отбывания наказания существенно снижает риск совершения осужденным нового преступления. Длительный отрыв от общества, трудового коллектива, семьи ведет к утрате осужденным социально полезных связей, затрудняет решение проблем трудоустройства и жилья и т.п. В связи с этим, при исполнении наказания уделяется большое внимание ресоциализации осужденных, оказанию им содействия в трудовом и бытовом устройстве, оказанию психологической поддержки. Социальная адаптация осужденных предполагает также и контроль за поведением отдельных категорий осужденных после освобождения.¹¹

Социальная адаптация – это приспособление личности к социальной среде, усвоение ею правил, норм, социальных позиций, установок, характерных для данной среды, приобретение навыков, позволяющих нормально жить бывшему лишенному свободы лицу в условиях гражданского общества законопослушных людей.

Процесс социальной адаптации осужденного после отбытия им уголовного наказания до настоящего времени в Российской Федерации остается сложной социальной проблемой.

Социальная адаптация затруднена настолько, насколько долго осужденный находится вне социума. Чем больше срок наказания, тем труднее процесс вхождения в нормальное общество.

В статье 180 УИК РФ закреплены обязанности администрации учреждений, исполняющих наказания, по содействию в трудовом и бытовом устройстве освобожденных осужденных. Во-первых, администрация учреждения, не позднее чем за два

месяца до истечения срока ареста либо за шесть месяцев до истечения срока лишения свободы, а в отношении осужденных к лишению свободы на срок до шести месяцев – после вступления приговора в законную силу, уведомляет органы местного самоуправления и федеральную службу занятости по избранному осужденным месту жительства о его предстоящем освобождении, наличии у него жилья, его трудоспособности и имеющихся специальностях. Во-вторых, с осужденным проводится воспитательная работа в целях подготовки его к освобождению, ему разъясняются права и обязанности. В частности, право осужденного, являющегося инвалидом 1 или 2 группы, либо мужчины старше 60 лет и женщины старше 55 лет на проживание после освобождения в стационарном учреждении. По просьбе таких граждан и по представлению администрации учреждения, исполняющего наказание, они направляются органами социальной защиты в указанные учреждения.

Существенным элементом социальной помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания, является то положение закона, в соответствии с которым осужденным, освобождаемым от отбывания таких видов наказания, как арест или лишение свободы на определенный срок, обеспечивается бесплатный проезд к месту жительства. Им могут также предоставляться продукты питания или деньги на время проезда (ст. 181 УИК РФ).

При отсутствии необходимой по сезону одежды или средств на ее приобретение осужденные, освобожденные из мест лишения свободы, обеспечиваются одеждой, либо им выдается за счет средств федерального бюджета единовременное денежное пособие.

В Стратегии государственной молодежной политики в РФ на 2006-2016 годы¹² предусмотрена помощь несовершеннолетним, освобождающимся из воспитательных колоний в виде их интеграции в жизнь общества.

Осужденные, освобожденные от ограничения свободы, ареста или лишения свободы, имеют право на трудовое и бытовое устройство и получение других видов социальной помощи.

Как правило лица, освобожденные из исправительных учреждений, предпочитают трудоустроиться самостоятельно, без помощи государственных органов, и в большинстве случаев им это удается. Вместе с тем, они вправе обращаться за содействием в органы федеральной службы занятости по месту жительства.

По прибытии к месту жительства освобожденный, желающий трудоустроиться, должен обратиться в органы занятости. В этих органах он может получить бесплатную консультацию по вопросам занятости, профориентации, профессиональной подготовки и переподготовки. Обратившемуся гражданину подбирается работа и с его согласия выдается рекомендательное письмо или направление, с которым он должен в указанное время явиться для оформления.

Освобожденный имеет право на пособие по безработице, если с его трудоустройством возникли трудности.

В соответствии с законодательством Российской Федерации и нормативно-правовыми актами за лицами, освобожденными от отбывания наказания, осуществляется контроль.¹³

Помимо указанных выше лиц, услуги по социальной адаптации в соответствии с подзаконными нормативными актами предоставляются инвалидам вследствие военной травмы и членам семей погибших сотрудников некоторых правоохранительных органов.

Так, меры социальной реабилитации и адаптации гарантируются членам семей сотрудников уголовно-исполнительной системы, погибших при исполнении служебных обязанностей, и сотрудникам, ставшим инвалидами вследствие военной травмы.¹⁴ К таким услугам относятся: рассмотрение и оказание помощи в решении вопросов улучшения жилищных условий; оказание содействия в получении сотрудниками, ставшими инвалидами, лекарственных средств и другого медицинского имущества по рецептам врачей, протезов и необходимых средств передвижения в медицинских учреждениях уголовно-исполнительной системы; изучение потенциальных профессиональных способностей (образование, род профессиональной деятельности, уровень профессионализма), состояния здоровья, степени психологической готовности к труду и возможности профессиональной переподготовки; информирование о правах, возможностях в области занятости и наиболее приемлемых видах профессиональной деятельности; оказание необходимой помощи в трудоустройстве; приспособление условий труда к функциональным возможностям сотрудников, ставших инвалидами, в рамках деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

Одиноким нетрудоспособным членам семей погибших сотрудников и сотрудникам, ставшим инвалидами, нуждающимся в повседневной помощи и постороннем уходе, руководители учреждений и органов уголовно-исполнительной системы оказывают помощь по месту жительства: в приобретении медикаментов, товаров первой необходимости; в получении медицинской помощи, в том числе сопровождению в медицинские учреждения; в поддержании условий проживания в соответствии с гигиеническими требованиями; юридической помощи и иных правовых услуг; организации ритуальных услуг; в обеспечении топливом и (или) водой при необходимости; в оказании надомных социальных услуг.

Для детей-сирот, детей членов семей погибших сотрудников и сотрудников, ставших инвалидами, руководители учреждений и органов уголовно-исполнительной системы организуют: шефство над каждым ребенком до достижения им совершеннолетия (в случае обучения в образовательном учреждении до его окончания) по вопросам оказания социальной поддержки, обучения, воспитания и даль-

нейшего трудоустройства; проведение оздоровительного отдыха детей в период школьных каникул; направление детей, изъявивших желание, на обучение в образовательные учреждения ФСИН России; рассмотрение возможностей финансирования обучения детей в образовательных учреждениях, не входящих в УИС, с привлечением сторонних источников финансирования; мониторинг предоставления жилья детям-сиротам в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Для восстановления разрушенных или утраченных членами семей сотрудников органов внутренних дел, погибших при исполнении служебных обязанностей, и сотрудников, ставших инвалидами вследствие военной травмы, ресурсов жизнедеятельности, социальных связей и отношений, оказания помощи в бескризисном вхождении в новую социальную среду, создания условий для самообслуживания и независимого существования руководители органов внутренних дел организуют: ¹⁵ оказание дополнительной социальной помощи органами государственной власти, органами местного самоуправления, общественными организациями и благотворительными фондами; рассмотрение и решение вопросов улучшения жилищных условий; оказание содействия в получении инвалидами вследствие военной травмы протезов и необходимых средств передвижения; изучение потенциальных профессиональных способностей (образование, род профессиональной деятельности, уровень профессионализма), состояния здоровья, степени психологической готовности к труду в новых условиях и возможности профессиональной переподготовки; информирование о правах, возможностях в области занятости и наиболее приемлемых видах профессиональной деятельности; проведение мероприятий по профессиональной подготовке или переподготовке, рассмотрение и оформление персональных заявок на получение инвалидами вследствие военной травмы высшего или среднего специального образования; изучение возможности прохождения службы в органах внутренних дел; оказание необходимой помощи в трудоустройстве в органах внутренних дел неработающим членам семей погибших и инвалидам вследствие военной травмы с учетом возможностей для деятельности, перемещения к месту работы и обратно, условий режима труда; приспособление условий труда к функциональным возможностям инвалидов вследствие военной травмы.

Общественный социальный патронаж в отношении одиноких нетрудоспособных членов семей погибших и инвалидов вследствие военной травмы, нуждающихся в повседневной помощи и постороннем уходе, организуется органами внутренних дел во взаимодействии с органами социальной защиты населения. Общественный социальный патронаж одиноких членов семей погибших и инвалидов вследствие военной травмы включает: организацию питания, включая доставку продуктов на дом; помощь в приобретении медикаментов первой необходимости; содействие в получении медицинской помощи, в

том числе, сопровождение в медицинские учреждения; поддержание условий проживания в соответствии с гигиеническими требованиями; содействие в организации юридической помощи и иных правовых услуг; содействие в организации ритуальных услуг; содействие в обеспечении топливом и (или) водой при необходимости; другие надомные социальные услуги.

Для детей-сирот, детей членов семей погибших сотрудников и инвалидов вследствие военной травмы, руководители органов внутренних дел организуют: шефство над каждым ребенком до достижения им совершеннолетия по вопросам оказания социальной поддержки, обучения, воспитания и дальнейшего трудоустройства; помощь в устройстве детей в детские дошкольные и общеобразовательные учреждения; подготовку к началу учебного года, контролируют дисциплину и успеваемость в период обучения и участвуют в проведении выпускных мероприятий; проводят оздоровительный отдых детей в период школьных каникул; направляют детей, изъявивших желание, на обучение в ведомственные образовательные учреждения МВД России, суворовские училища и колледжи милиции, оказывают помощь в подготовке к поступлению в гражданские учебные заведения; осуществляют контроль за предоставлением жилья детям-сиротам.

Исходя из вышесказанного, право на социальное обслуживание в виде услуг по социальной адаптации имеют следующие категории граждан: лица пожилого возраста, инвалиды, дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей и оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, осужденные после освобождения от наказания, члены семей сотрудников правоохранительных органов (уголовно-исполнительной системы, органов внутренних дел), погибших при исполнении служебных обязанностей и сотрудников, ставших инвалидами вследствие военной травмы.

Для всех категорий граждан, нуждающихся в социальной адаптации, едиными являются услуги по психологической поддержке и по содействию в бытовом устройстве. Основной целью социальной адаптации нуждающихся граждан является их интеграция в общество.

Анализ действующего российского законодательства, регулирующего предоставление социально-консультативной помощи в виде услуг по социальной адаптации указанных категорий граждан, позволяет сделать вывод, что федеральные законы не имеют прямого действия. Как следствие, данный факт влечет принятие соответствующих решений со стороны органов исполнительной власти по вопросам объема и условий реализации права граждан на услуги по социальной адаптации.

Очевидно, что в российском законодательстве отсутствует единый понятийный аппарат, на основании которого можно было бы достаточно четко отнести тот или иной вид помощи к услугам по социальной адаптации и определить круг лиц, имеющих право на такие услуги.

В ведомственных нормативных актах к социальной адаптации относятся социальные услуги, хотя и гарантированные государством, но на основании федеральных законов, предоставляемые в других формах социального обслуживания.¹⁶

Произвольная интерпретация со стороны органов исполнительной власти понятия социальных услуг

по социальной адаптации недопустима. Российскому законодателю следует, во-первых, четко разработать понятийный аппарат в сфере указанного законодательства; во-вторых, конкретизировать гарантированные государством услуги по социальной адаптации; в-третьих, определить условия и порядок предоставления таких услуг для всех граждан, нуждающихся в них.

1. Право социального обеспечения / под ред. К. Н. Гусова. – М., 2009. – С. 549.
2. СЗ РФ. 1995. № 32. ст. 3198.
3. СЗ РФ. 1998. № 31. ст. 3802.
4. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ (в ред. от 21.07.2011 г.) // СЗ РФ. 1998. № 31. ст. 3802.
5. Лушникова, М. В., Лушников, А. М. Курс права социального обеспечения. – 2-е изд., доп. М.: «Юстицинформ», 2009.
6. Статья 5 Закона РФ «Об образовании» от 10.07.1992 г. № 3266-1 (в ред. от 18.07.2011 г.) // СЗ РФ. 1996. № 3. ст. 150.
7. Административный регламент предоставления государственной услуги по социальной адаптации безработных граждан на рынке труда: приказ Минздравсоцразвития России от 07.06.2007 г. № 400 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2008. № 34.
8. Административный регламент предоставления государственной услуги по психологической поддержке безработных граждан: приказ Минздравсоцразвития России от 27 ноября 2007 г. № 726 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2008. № 4.
9. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 27.06.2011 г.) // СЗ РФ. 1997. № 2. ст. 198.
10. Приказ МВД РФ от 24.09.2007 г. № 824 «Об организации социальной работы с членами семей сотрудников органов внутренних дел, погибших при исполнении служебных обязанностей, и сотрудниками, ставшими инвалидами вследствие военной травмы» // СПС «Консультант Плюс»; Приказ Минюста РФ от 09.08.2011 г. № 283 «Об утверждении Инструкции по организации социальной работы с членами семей сотрудников уголовно-исполнительной системы, погибших при исполнении служебных обязанностей, и сотрудниками уголовно-исполнительной системы, ставшими инвалидами вследствие военной травмы» // СПС «Консультант Плюс».
11. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Бриллиантов А. В., Курганов С. И.; под ред. А. В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2011.
12. Стратегия государственной молодежной политики в РФ на 2006-2016 годы: распоряжение Правительства РФ от 18 декабря 2006 г. N 1760-р // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. III). Ст. 5622.
13. Уголовно-исполнительное право России: учебник / под ред. П. Е. Конегера, М. С. Рыбака. – «Ай Пи Эр Медиа», 2010. – СПС «Консультант Плюс».
14. Приказ Минюста РФ от 09.08.2011 г. № 283 «Об утверждении Инструкции по организации социальной работы с членами семей сотрудников уголовно-исполнительной системы, погибших при исполнении служебных обязанностей, и сотрудниками уголовно-исполнительной системы, ставшими инвалидами вследствие военной травмы» // СПС «Консультант Плюс».
15. Приказ МВД РФ от 24.09.2007 г. № 824 «Об организации социальной работы с членами семей сотрудников органов внутренних дел, погибших при исполнении служебных обязанностей, и сотрудниками, ставшими инвалидами вследствие военной травмы» // СПС «Консультант Плюс».
16. Например: для членов семей погибших сотрудников правоохранительных органов и сотрудникам, ставшим инвалидами: протезно-ортопедическая помощь, профессиональная переподготовка и трудоустройство, социальная помощь на дому, ритуальные услуги, юридическая помощь, оздоровительный отдых детей в период школьных каникул; помощь в устройстве детей в детские дошкольные и общеобразовательные учреждения; направление детей, изъявивших желание, на обучение в ведомственные образовательные учреждения и др. См: Приказ Минюста РФ от 09.08.2011 г. № 283 «Об утверждении Инструкции по организации социальной работы с членами семей сотрудников уголовно-исполнительной системы, погибших при исполнении служебных обязанностей, и сотрудниками уголовно-исполнительной системы, ставшими инвалидами вследствие военной травмы» // СПС «Консультант Плюс»; Приказ МВД РФ от 24.09.2007 г. № 824 «Об организации социальной работы с членами семей сотрудников органов внутренних дел, погибших при исполнении служебных обязанностей, и сотрудниками, ставшими инвалидами вследствие военной травмы» // СПС «Консультант Плюс».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: социальное партнерство, принципы, формы, работники, улучшение условий труда, сотрудничество.

Статья посвящена актуальной в настоящее время проблеме социального партнерства с целью защиты интересов работников, участвующих в общественном производстве современной России.

Key words: social partnership, principles, forms, employees, improvement of working conditions, partnership.

This article is devoted to a current problem of social partnership in order to protect interests of employees who take part in public production of modern Russia.

Российское трудовое законодательство должно соответствовать международно-правовым нормам, содержащимся в источниках международно-правового регулирования труда, к которым относятся акты ООН, МОТ и акты, принятые региональными организациями государств, в частности, Европейским Союзом. Наиболее значимыми международными нормативными правовыми актами, безусловно, выступают:

1) Всеобщая Декларация прав человека от 10.12.1948 г., которая в ст. 23, 24 провозглашает право человека на труд, на свободный выбор работы, защиту от безработицы, запрет дискриминации, справедливое и удовлетворительное вознаграждение, дополняемое средствами социального обеспечения, право на объединение в профсоюзы, на отдых, включая разумное ограничение рабочего дня и отпуск.

2) Международный Пакт «Об экономических, социальных и культурных правах» от 16.12.1966 г., ратифицированный СССР в 1973 г., в ст. 6 которого сформулировано ключевое положение, согласно которому государства, участвующие в Пакте, «признают право на труд, которое включает право каждого человека на получение возможности зарабатывать себе на жизнь трудом, который он свободно выбирает или на который он свободно соглашается, и предпримут надлежащие шаги в обеспечении этого права». Кроме того, в ст. 7 и 8 данного международного договора дается расшифровка права каждого человека на справедливые и благоприятные условия труда, включающие в себя: а) право на справедливую зарплату и равное вознаграждение за труд равной ценности без какого бы то ни было различия, причем, в частности, женщинам должны гарантироваться условия труда не хуже тех, которыми пользуются мужчины, с равной оплатой за равный труд; б) право на условия работы, отвечающие требованиям безопасности и гигиены; в) право на одинаковую для всех возможность продвижения в работе на соответствующие более высокие ступени исключительно на основании трудового стажа и квалификации; г) право

на отдых, досуг, разумное ограничение рабочего времени и оплачиваемый периодический отпуск; д) право на объединение в профсоюзы для защиты своих прав; е) право на забастовку при условии его осуществления в соответствии с законами каждой страны. По своей сути, данный Пакт служит международным стандартом условий труда, и национальные законодательства о труде должны к нему стремиться.

3) Международный Пакт о гражданских и политических правах, принятый ООН также в 1966 г., который содержит права общественно-политического характера, к которым относится запрет принудительного труда и свободное осуществление права на ассоциацию, включая право на создание профсоюзов.

4) Конвенция ООН «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» 1979 г., которая обязывает государства в случае ее ратификации ликвидировать дискриминацию женщин в области занятости и обеспечить трудящимся женщинам равные права с мужчинами.

5) Декларация Международной организации труда (МОТ) об основополагающих принципах и правах в сфере труда от 18.06.1998 г., которая должна применяться всеми государствами-членами МОТ независимо от того, ратифицировали ли они декларацию или нет. Данная Декларация провозгласила следующие фундаментальные принципы в сфере регулирования трудовых и связанных с ними отношений: свобода объединения и действительное признание права на ведение коллективных переговоров; упразднение всех форм принудительного или обязательного труда; действительное запрещение детского труда; недопущение дискриминации в области труда и занятий.

Основополагающими международными стандартами, имеющими значение для правового регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними соглашений, выступают конвенции и рекомендации Международной организации труда (МОТ), при этом конвенция МОТ – это международное соглашение, подлежащее возможной ратифи-

кации государствами-членами МОТ, а рекомендация МОТ – необязательный документ, регламентирующий те же вопросы, что и конвенция, но расшифровавшие более детально определенные нормы, при этом рекомендацию можно рассматривать как определенный источник информации, предложение внести соответствующие нормы в национальное законодательство. Целью Конвенций и Рекомендаций МОТ является воздействие на конкретные условия труда и практику правового регулирования трудовых отношений в каждой стране мира.

МОТ при принятии Декларации 1998 г. особо подчеркнула, что фундаментальные принципы международного трудового права получили свое выражение и развитие в форме конкретных прав и обязательств в конвенциях, признанных в качестве основополагающих как в самой Организации, так и за ее пределами. К числу таких основополагающих конвенций МОТ относится, в частности, Конвенция о минимальном возрасте для приема на работу № 138 (1973), ратифицированная СССР и действующая в настоящее время в Российской Федерации.

Международные трудовые нормы играют важную роль в разработке национального законодательства даже в тех странах, которые не ратифицировали ту или иную Конвенцию. Положение норм используется в качестве основы при разработке национального законодательства, т.к. нормы МОТ представляют собой значительный объем самых разнообразных вопросов правового регулирования труда и трудовых отношений.

В РФ фактически действует 60 ратифицированных конвенций. Среди них можно выделить наиболее значимые для практики регулирования трудовых отношений: Конвенцию 1957 года об упразднении принудительного труда (№ 105), Конвенцию 1948 года о свободе объединения и защите права на организацию (№ 87), Конвенцию 1949 года о применении принципов права на организацию и ведение коллективных переговоров (№ 98), Конвенцию 1951 года о равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности (№ 100), Конвенцию 1958 года о дискриминации в области труда и занятий (№ 111), Конвенцию 1999 года о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда (№ 182), ратифицированную РФ в 2003 году.

Что касается регионального уровня, то в данном случае, источниками международно-правового регулирования труда следует признать нормативные акты, принятые европейскими региональными объединениями государств. Совет Европы (СЕ) объединяет более 40 государств, включая и РФ. Среди важнейших актов СЕ выделяется Европейская социальная хартия, принятая в 1961 г. и пересмотренная в 1996 г., в которой провозглашаются права человека в социальной и экономической областях, закрепленные в актах ООН и МОТ. Европейский союз (ЕС) также провозгласил важнейшие социальные права человека в Хартии основных прав работников 1989 г. и Хартии основных прав граждан Евросоюза 2000 г.

Итак, общепризнанные принципы и нормы международного права представляют собой квинтэссенцию мирового опыта человечества в стремлении создания для каждого его члена достойных условий жизни. В сфере труда международные нормы направлены на достижение целей всеобщего и прочного мира, который может быть установлен только на основе социальной справедливости. Международные трудовые нормы способствуют унификации трудового законодательства государств, входящих в систему международных организаций, на новой прогрессивной основе.¹

В международных трудовых нормах провозглашаются и расшифровываются основные права человека в сфере труда: право на труд и запрещение принудительного труда; равенство в труде и запрещение дискриминации; право на объединение, включая право на объединение в профессиональные союзы; право на коллективные переговоры; право на забастовку. В частности, право на труд одновременно включает в себя право на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы (п. 1 ст. 23 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.). При этом право на труд является несовместимым с принудительным трудом, который Конвенция МОТ № 29 о принудительном или обязательном труде (1930 г.) определяет как всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания (ст. 2). Конвенция № 105 об упразднении принудительного труда (1959 г.) в ст. 1 дополняет обязанность каждого члена МОТ упразднить принудительный или обязательный труд и не прибегать к какой-либо его форме в качестве средства политического воздействия или воспитания или в качестве меры наказания за наличие или за выражение политических взглядов или идеологических убеждений, противоположных установленной политической, социальной или экономической системой; в качестве метода мобилизации и использования рабочей силы для нужд экономического развития; в качестве средства поддержания трудовой дисциплины; в качестве средства наказания за участие в забастовках; в качестве меры дискриминации по признакам расовой, социальной и национальной принадлежности или вероисповедания.

ООН в своих актах уделяет особое внимание обеспечению равенства женщин и мужчин в области труда и пользованию всеми экономическими, социальными и культурными правами. ООН рассматривает общепризнанный принцип и нормы международного трудового права об обеспечении гендерного равенства и запрете дискриминации в сфере труда и занятости в качестве основы развития прав человека и возлагает на государства обязанности не только по признанию равных прав, но и обеспечению равных возможностей их реализации трудящимися женщинами и мужчинами. Нормативные акты ООН не только провозглашают принцип гендерного равенства как общепризнанный принцип, как принцип равных прав и возможностей, но и устанавливают общепризнанные международно-правовые нормы, которые обес-

печивают также и равные возможности осуществления этих прав.²

Международно-правовые нормы приобретают в настоящее время огромное значение в связи с процессом глобализации, т.к. глобализация как процесс международной интеграции затрагивает все сферы функционирования государств, включая общественное производство, сферу труда и занятости, миграцию рабочей силы и интересы всех слоев населения.

Глобализация имеет как позитивные, так и негативные последствия. Уже сейчас очевидно, что она сама по себе не выравнивает уровень жизни, трудовые стандарты и заработные платы в различных странах. Глобализация стимулирующим образом влияет на развитие экономики, ведет к созданию практически всемирного рынка. Но многие государства не могут найти своего места в глобальном разделении труда, что уже сейчас приводит к регрессу в правовом регулировании трудовых отношений. Например, в целом ряде развивающихся стран до недавнего времени вообще не стояла проблема детского труда в связи с бесплатной системой начального образования и достаточно жесткими правовыми ограничениями.³

Огромное значение международное правовое регулирование имеет для сферы социального партнерства. Концепция социального партнерства, по мнению Э.Б. Френкеля, имеет широкое распространение в странах с развитой экономикой. В современных условиях она является основой регулирования отношений между лицами наемного труда и работодателями. Смысл ее состоит в проведении политики, которая сводила бы к минимуму, а по возможности и исключала бы вероятность возникновения социальных конфликтов в сфере производства. Сохранение социального мира на предприятии является главным содержанием и целью социального партнерства.⁴

Международно-правовое регулирование социального партнерства осуществляется на уровне организации объединенных наций (ООН). Акты ООН не предусматривают право на коллективные договоры или переговоры. Зато этому вопросу уделяет большое внимание Международная организация труда (МОТ), в актах которой содержится основной массив норм и положений, касающихся права на объединение, защиты профсоюзных прав. В этой области действуют две главные конвенции универсального значения: Конвенция МОТ № 87 «О свободе объединений и защите права объединяться в профсоюзы» 1950 г. и Конвенция № МОТ № 98 «О свободе ассоциации и защите права на организацию» 1948 г.

Так, в Конвенции МОТ № 98 «О свободе ассоциации и защите права на организацию» 1948 г. свобода ассоциаций понимается как право трудящихся и предпринимателей образовывать организации (союзы, ассоциации) по своему выбору и без предварительного разрешения, а также право вступать в такие организации при единственном условии — подчинении уставам этих организаций. Указанные организации: имеют право вырабатывать уставы и административные регламенты, свободно выбирать своих пред-

ставителей; организовывать свой аппарат и свою деятельность и формулировать программу действий, при этом государственные власти должны воздерживаться от вмешательства, способного ограничить это право или воспрепятствовать его законному осуществлению; не подлежат роспуску или временному запрещению в административном порядке; могут создавать федерации и конфедерации, а также присоединяться к ним, и каждая такая организация имеет право вступать в международные организации трудящихся и предпринимателей.

Конвенция МОТ № 87 «О свободе объединений и защите права объединяться в профсоюзы» 1950 г. допускает профсоюзный плюрализм, но не делает его обязательным. В соответствии с принятым толкованием профсоюзная монополия, противоречащая Конвенции МОТ № 87, возникает лишь тогда, когда единственная профсоюзная организация конституируется и поддерживается законодательством, но не тогда, когда единый профсоюз существует на практике, поскольку работники добровольно объединяются в единую профсоюзную организацию. Надзорные инстанции МОТ считают, что общий запрет в национальном законодательстве политической активности профсоюзов противоречит Конвенции МОТ № 87, т.к. на практике трудно различить экономические и политические аспекты в деятельности профсоюзов.⁵

Конвенция МОТ № 87 «О свободе объединений и защите права объединяться в профсоюзы» 1950 г. обязывает государства принять меры с целью гарантировать трудящимся и предпринимателям свободное осуществление права на организацию. Это обеспечивается дополнительными гарантиями, имеющимися в Конвенции МОТ № 98 «О свободе ассоциации и защите права на организацию» 1948 г. Во-первых, там установлена защита трудящихся от любых дискриминационных действий, направленных на ущемление свободы объединения, особенно от действий, целью которых является: а) подчинить прием трудящегося на работу или сохранение им работы условию, согласно которому он не должен вступать в профсоюз или должен выйти из профсоюза; б) увольнять или наносить какой-либо другой ущерб трудящемуся на том основании, что он является членом профсоюза или принимает участие в профсоюзной деятельности. Во-вторых, организации трудящихся и предпринимателей должны пользоваться надлежащей защитой против любых актов вмешательства со стороны друг друга, в частности, не допускать создания «компанийских», «домашних» профсоюзов, т.е. организаций работников, находящихся под контролем предпринимателей. Запрет руководящим работникам предприятий (менеджерам) состоять в одном профсоюзе с рядовыми работниками с точки зрения контрольно-надзорных органов МОТ не противоречит конвенциям МОТ о свободе объединений при условии, что менеджеры имеют право создавать свои собственные профсоюзы и категория «менеджеры» не определяется чересчур широко.

Права представителей трудящихся на предприятиях защищают Конвенция МОТ № 135 «О защите прав представителей работников на предприятии и предоставляемых им возможностях» 1971 г. и Рекомендация № 143 «О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении работникам-мигрантам равенства возможностей и обращения» 1978 г. Согласно Конвенции МОТ № 135 «О защите прав представителей работников на предприятии и предоставляемых им возможностях» 1971 г., представители трудящихся на предприятиях должны пользоваться эффективной защитой от любого действия, которое может нанести им ущерб, включая увольнение в связи с законной деятельностью как представителей трудящихся. Им должны предоставляться возможности быстро и эффективно выполнять свои функции с учетом особенности системы трудовых отношений данной страны и потребностей, размеров и возможностей соответствующего предприятия, причем наличие таких прав у представителей трудящихся не должно снижать эффективность работы предприятия.

Рекомендация МОТ № 143 «О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении работникам-мигрантам равенства возможностей и обращения» 1978 г. расширяет и детализирует общие положения Конвенции МОТ № 135 «О защите прав представителей работников на предприятии и предоставляемых им возможностях» 1971 г., и содержит большое число конкретных норм о правах на предприятиях как профсоюзов, так и выборных органов трудовых коллективов. В ней предлагаются конкретные меры для обеспечения защиты представителей трудящихся.

Основной массив конкретных норм, относящихся к коллективному договорному регулированию труда, содержится в Конвенции МОТ № 154 «О содействии коллективным переговорам» 1983 г., а также в одноименной Рекомендации МОТ № 163. Конвенция МОТ № 154 «О содействии коллективным переговорам» 1983 г. охватывает все области экономической деятельности. Она не распространяется лишь на армию и полицию; кроме того, национальное законодательство может установить особые способы применения Конвенции в отношении государственной службы. Под коллективными переговорами Конвенция понимает переговоры, которые проводятся между предпринимателем, группой предпринимателей или одной или несколькими организациями предпринимателей, с одной стороны, и отдельной или несколькими организациями трудящихся — с другой, в целях определения условий труда и занятости. Конвенция в числе прочего регулирует вопрос о таких коллективных переговорах, субъектом которых являются не профсоюзы, а другие выборные организации работников. Решение этого вопроса передано на усмотрение национального законодательства или практики; именно национальные правила призваны определять, в какой степени термин «коллективные переговоры» распространяется на переговоры с этими представителями. Причем, в случае необходимо-

сти должны приниматься меры для обеспечения того, чтобы присутствие таких представителей не могло ослабить позиций других заинтересованных организаций трудящихся, т.е. прежде всего профсоюзов.

Конвенция МОТ № 154 «О содействии коллективным переговорам» 1983 г. содержит специальные положения относительно содействия коллективным переговорам. Предполагается, что для этого должны приниматься меры, соответствующие национальным условиям. Они направлены на то, чтобы коллективные переговоры были возможны для всех предпринимателей и категорий трудящихся в отраслях деятельности, предусмотренных Конвенцией, и постепенно распространялись бы на все вопросы, входящие, согласно Конвенции, в сферу коллективно-договорного регулирования. Конвенция устанавливает требования к осуществляемым государственными органами мерам поощрения и содействия развитию коллективных переговоров. Специально предусмотрено, что положения Конвенции МОТ № 154 «О содействии коллективным переговорам» 1983 г. не препятствуют функционированию систем трудовых отношений, где коллективные переговоры проходят в рамках примирительного и/или арбитражного механизма или органов, в которых стороны, ведущие коллективные переговоры, добровольно принимают участие.

Конвенция МОТ № 135 «О защите прав представителей работников на предприятии и предоставляемых им возможностях» 1971 г. дополняет Конвенцию МОТ № 154 «О содействии коллективным переговорам» 1983 г. в отношении субъектов коллективных переговоров и условий их проведения. При необходимости предлагается принимать меры в целях содействия созданию и развитию на добровольной основе свободных, независимых и представительных организаций предпринимателей и трудящихся. Должны быть заранее определены критерии представительности этих организаций. Если это необходимо, следует содействовать тому, чтобы коллективные переговоры могли проходить на любом уровне, в частности, предприятия, отрасли или всей промышленности либо на региональном или национальном уровнях, причем должна быть обеспечена координация между этими уровнями.

Положения и нормы, относящиеся к коллективным договорам, содержатся в Конвенции МОТ № 98 «О свободе ассоциации и защите права на организацию» 1948 г. Она определяет такие договоры, как письменные соглашения относительно условий труда и найма, заключаемые, с одной стороны, между предпринимателем, группой предпринимателей или одной или несколькими организациями предпринимателей и, с другой стороны, одной или несколькими представительными организациями трудящихся или при отсутствии таких организаций — представителями самих трудящихся, надлежащим образом избранными и уполномоченными в соответствии с законодательством страны. Всякий коллективный договор должен связывать подписавшие его стороны, а также лиц, от имени которых он заключен. Пред-

приниматели и трудящиеся не должны включать в трудовые договоры условия, противоречащие положениям коллективного договора. Условия трудовых договоров, противоречащие коллективному договору, должны считаться недействительными и заменяться автоматически соответствующими положениями коллективного договора; вместе с тем, условия трудовых договоров, которые более благоприятны для трудящихся, не считаются противоречащими коллективному договору. Положения коллективного договора должны распространяться на всех трудящихся, работающих на охватываемых коллективным договором предприятиях, если в самом договоре не предусмотрено иное.

В случае необходимости и с учетом действующей в каждой стране системы социального партнерства и коллективных договоров, в национальном законодательстве должны предусматриваться меры по распространению всех или некоторых положений коллективного договора на всех предпринимателей и трудящихся, входящих по производственному и территориальному признаку в сферу действия договора. Контроль за соблюдением коллективных договоров Конвенция считает необходимым возложить на участвующие в них организации предпринимателей и трудящихся, или органы инспекции, или органы, специально создаваемые для этой цели.

Международно-правовое регулирование социально-партнерских отношений на региональном уровне прослеживается в таком акте Европейского Союза как Хартия Сообщества об основных социальных правах работников 1989 г. Такие нормы содержатся в некоторых пунктах указанного акта. В соответствии с п. 9 «Условия труда каждого работника в рамках ЕС должны регулироваться законами, коллективными договорами или индивидуальными трудовыми договорами в соответствии с положениями нацио-

нального законодательства». Свобода ассоциации и право на коллективные переговоры предусмотрены пунктом 10 акта «Предприниматели и работники в странах ЕС имеют право на ассоциацию, т.е. на создание по своему выбору профессиональных объединений или профсоюзов для защиты экономических и социальных интересов. Каждый предприниматель и работник свободен присоединяться или не присоединяться к таким организациям без какого-либо личного или профессионального ущерба для себя». Также, согласно п. 12, «предприниматели или их организации, с одной стороны, и организации работников — с другой, имеют право вести коллективные переговоры и заключать коллективные договоры на условиях, установленных национальным законодательством и практикой. Развитие социального диалога между сторонами трудовых отношений на европейском уровне может привести по желанию сторон к заключению европейских коллективных договоров, отраслевых и межотраслевых».

Если обратиться к Российской Федерации, то действующий ТК РФ во многом воспринял нормы международно-правового регулирования труда по многим проблемам, включая, безусловно, и социальное партнерство, однако по-прежнему существует множество проблем правового регулирования социально-трудовых отношений в РФ, недостаточного развития российской модели социального партнерства, которая, по сути, начала складываться только с 90-х гг. прошлого столетия в связи с развитием рыночных отношений, и поэтому дальнейшее совершенствование российского трудового законодательства и применение трудового права должно осуществляться с учетом основополагающих принципов и норм, содержащихся в конвенциях и рекомендациях МОТ, и иных источников международно-правового регулирования труда.

-
1. Молодцов, М. В., Головина, С. Ю. Трудовое право России: учебник для вузов. – М., 2003. – С. 39-40.
 2. Лушников, А. М., Лушникова, М. В., Тарусина, Н. Н. Гендерное равенство в семье и труде: заметки юристов. – М., 2006. – С. 135.
 3. Лушникова, М. В., Лушников, А. М. Указ. соч. С. 113-114.
 4. Френкель, Э. Б. Трудовое и социальное право зарубежных стран: основные институты. Сравнительно-правовое исследование. – М., 2006. – С. 158.
 5. Киселев, И. Я. Сравнительное и международное трудовое право. Учебник для вузов. – М., 1999. – С. 325-326.
 6. Киселев, И. Я. Там же. С. 328-330.
 7. Хартия Сообщества об основных социальных правах работников 1989 г. // <http://law.edu.ru/centers/labourlaw/norm/norm.asp?normID=1162680&subID=100052984,100052995>.

КУЛЕНКО Т.Н.,

старший преподаватель кафедры трудового и предпринимательского права,
Оренбургский институт (филиал) МГЮА имени О.Е. Кутафина,
460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, тел.: 8 (3532) 72-22-77,
post@oimsla.edu.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: инвестиционная деятельность, законодательство Оренбургской области, инвестиции, инвесторы, Единый специализированный инвестиционный фонд Оренбургской области, поддержка инвесторов.

В статье характеризуется законодательство Оренбургской области об инвестиционной деятельности. Отмечена инвестиционная привлекательность Оренбуржья, указаны наиболее перспективные инвестиционные проекты.

Key words: investment operations, regional legislation and regulation of investment activity, investments, investors, the Joint Specialized Fund of Orenburg region, encouragement of investors.

The article characters the legislation on investment activities in Orenburg region. The author carries out analysis of investment potential and force of attraction of the region. The advanced capital investment projects are outlined.

Инвестиции, инвестиционная деятельность являются сравнительно новыми для российского права категориями. Их возникновение связано с началом формирования рыночных отношений в Российской Федерации. Предпринимательство невозможно без осуществления по расширению, модернизации, реконструкции, совершенствованию технологий. Это позволит создать условия поступательного развития бизнеса. Но для этого необходимо обеспечить его финансирование, главным образом, за счет привлечения инвестиций.

Оренбургская область – одна из крупнейших в России. Она находится на пересечении важнейших путей, соединяющих европейские районы России с Казахстаном и Центральной Азией. Неслучайно, Оренбург называют золотыми воротами в Азию.

В недрах области разведано свыше 2500 месторождений, более чем 75 видов полезных ископаемых, в том числе: газа, нефти, бурого угля, горючих сланцев, черных, цветных и редких металлов, золота, каменной соли, известняков, асфальтитов, яшмы, мрамора и др.

Важнейшее место в экономике области занимает топливно-энергетический комплекс. Уникальное Оренбургское газоконденсатное месторождение составляет почти 6% всех запасов газа страны. Месторождение характеризуется газонасыщенностью и многокомпонентностью. В настоящее время, ежегодно добывается около 25 млрд. куб. м очищенного газа и 1 млн. тонн серы, что позволяет его использовать не только как энергоноситель, но и как ценное химическое сырье. Обеспеченность запасами в перспективном периоде остается достаточно высокой – 40-50 лет.

Балансовые запасы нефти составляют 410 млн. тонн, потенциальные ресурсы оцениваются в 1,5 млрд.

тонн. Добыча нефти в области достигла уровня 14 млн. тонн в год. Для нефтяных залежей характерны высокие газовые факторы, а для газоконденсатных – значительное содержание конденсата. Область имеет также нефтеперерабатывающий завод, который производит различные виды бензина, керосина, дизельного топлива, широкую гамму смазочных масел, нефтебитум.

Железные руды относятся к числу достаточно редких, природнолегированных с высоким содержанием никеля и хрома. Суммарные запасы железных руд по области составляют 195 млн. тонн.

В области имеется 9 месторождений меди. Все они относятся к типу медно-колчеданных с содержанием меди в руде до 4%. Кроме меди, руды содержат в своем составе в промышленных концентрациях цинк, свинец, серу, золото, серебро, редкие и рассеянные элементы: кадмий, селен, теллур, галлий, висмут. 76% запасов меди сосредоточено в крупном Гайском месторождении. Суммарные запасы медно-колчеданных руд области составляют по категориям А + В + С1 -70 млн. тонн.

В достаточном количестве для промышленной разработки имеются никелевые и кобальтовые руды.

В области многочисленны месторождения бурого и каменного угля с балансовым запасом около 800 млн. тонн, большая часть из них пригодны для открытой добычи. Разведанные запасы горючих сланцев составляют несколько млрд. тонн, среднее содержание серы в них 7%. Запасы месторождений асфальтитов оцениваются в 9 млн. тонн, содержащих в высоких концентрациях окиси ванадия и никеля.

В области имеются месторождения мрамора, преимущественно белого и серого цветов, с запасами около 8 млн. куб. метров.

В соответствии с российским законодательством администрация области на конкурсно-аукционной основе передает в настоящее время более 50 объектов инвесторам для организации геологоразведочных работ и добычи полезных ископаемых. В конкурсах и аукционах могут участвовать и зарубежные фирмы.

Наряду с полезными ископаемыми, в области сосредоточены предприятия 70 отраслей народного хозяйства: машиностроительного, топливно-энергетического, металлургического, транспорта и связи, агропромышленного и строительного профиля. В области развита черная и цветная металлургия. Черная металлургия в области представлена Орско-Халиловским металлургическим комбинатом, сегодня ОАО «Уральская сталь».

Объем производства составляет более 3-х млн. тонн проката в год, более 3 млн. тонн чугуна. Прокат, в основном, низколегированный и легированный.

В состав предприятий цветной металлургии входят 9 предприятий. Крупнейшие из них – Гайский ГОК, Медногорский медно-серный и Южно-уральский никелевый комбинаты. Гайский ГОК работает на базе одноименного месторождения медных и медно-цинковых руд, из которых получают медный, цинковый и пиритный концентраты. Медногорский медно-серный комбинат выпускает черную медь, серную кислоту, черновой свинец (вместе с висмутом), кадмий, германий в концентрате, шлаки металлургические, кварцит. Комбинат «Южуралникель» производит: никель, кобальт, ферроникель.

Все эти предприятия нуждаются в реконструкции и расширении производства. Только переработка отвальных шлаков, богатых содержанием редкоземельных металлов требует более 100 млн. долларов США. Общий объем потребных инвестиций составляет более 400 млн. долларов США.

Особое место в экономике области занимают конверсионные производства военно-промышленного комплекса. Все они обладают высокими технологиями, имеют мощную производственно-техническую базу. Предприятия нуждаются в дополнительном финансировании для организации производства многоцелевых вертолетов К-226 и перехода на производство гражданской продукции, в том числе холодильников, стиральных машин, газовых баллонов и другой сложной бытовой техники, а также необходимой для села современной техники: плуги, сеялки, культиваторы и др. Объем потребных инвестиций составляет 320 млн. долларов США.

Область имеет достаточные запасы сырья для стройиндустрии, в том числе, цементных глин, мела, гипса, каолина, керамических глин, мрамора. В проектах инвестиционных планов области предполагается провести реконструкцию этой отрасли с целью внедрения современных зарубежных технологий, позволяющих снизить затраты при высоком качестве строительства, в том числе, жилья. Ключевую роль при этом будет выполнять система ипотечного финансирования.

Природно-климатические условия нашей области позволяют выращивать практически все сельскохозяйственные культуры и, в первую очередь, зерновые, в том числе, твердые сорта пшеницы. Развито также животноводство. Область принимает активные меры по повышению продуктивности животных, производству, хранению и переработке продуктов питания. Создается сеть малых перерабатывающих предприятий, максимально приближенных к местам производства сырья в сельской местности. Планируется реконструировать старые предприятия и построить новые по переработке мяса, молока, зерна, шерсти, шкур крупного и мелкого скота.

Интересен проект реконструкции аэропорта в г. Оренбурге. Климатическая зона, в которой расположен аэропорт, позволяет выполнять полеты в течение 310 дней в году. Аэропорт очень удобен для промежуточных посадок при выполнении рейсов из Европы в Китай, стран Среднего Востока и Юго-Восточной Азии. Время полета сокращается примерно на треть. Бесперебойное снабжение топливом из близлежащего нефтеперерабатывающего завода делает проект еще более привлекательным. Ориентировочный объем необходимых инвестиций около 150 млн. долл. США.

В области проводится работа, направленная на активизацию притока иностранных инвестиций. Разработан постоянно обновляющийся банк из более 70 инвестиционных предложений предприятий нефтегазодобывающего, перерабатывающего, машиностроительного и агропромышленного комплексов региона на сумму свыше 2,5 млрд. долларов США. Каждое предложение оформлено в соответствии с нормами и правилами, существующими в западных странах, и прошли отбор международных экспертов Организации Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО).

Созданы информационные банки данных в различных регионах мира: в России, Германии, Австрии, Италии и др. Подписаны соглашения об инвестиционном сотрудничестве с рядом российских банков. С более чем 30 регионами из стран СНГ и дальнего зарубежья подписаны долгосрочные Соглашения о торгово-экономическом и гуманитарном сотрудничестве.

Для достижения целей инвестиционной политики сформирована и постоянно совершенствуется региональная законодательно-нормативная база инвестиционной деятельности. Она состоит из следующих нормативно-правовых актов:

1. Закон Оренбургской области «О стимулировании деятельности иностранных инвесторов на территории Оренбургской области». Принят решением Законодательного Собрания Оренбургской области 21 июня 1996 года (в ред. от 09.07.2007 г.). Согласно данному закону предприятия с иностранными инвестициями, занимающиеся производством товаров и услуг, у которых оплаченная доля иностранных инвесторов в их уставном капитале составляет не менее 30%, а в эквивалентной сумме не ме-

нее 300 тысяч долларов США, освобождаются от уплаты налога на имущество сроком на три года.

2. Закон Оренбургской области «О развитии малого и среднего предпринимательства в Оренбургской области» от 29.09.2009 г. № 3118/691-IV-03. Согласно данному закону, областной и муниципальные фонды поддержки малого предпринимательства предоставляют субъектам малого предпринимательства льготные кредиты, беспроцентные ссуды, краткосрочные займы, полностью или частично компенсируют затраты, понесенные при сертификации производимой ими продукции. Органы государственной власти и местного самоуправления имеют право предоставлять льготы по уплате в областной и местный бюджеты налогов и сборов для субъектов малого предпринимательства, предоставлять льготы по аренде производственных площадей и нежилых помещений.

3. Закон Оренбургской области «О порядке предоставления государственных гарантий Оренбургской области» от 13.03.2008 г. № 1958/421-IV-03 (в ред. от 09.11.2011 г.). Закон устанавливает порядок предоставления предприятиям и организациям области, муниципальным образованиям государственных гарантий Оренбургской области на конкурсной основе под заемные средства для реализации инвестиционных проектов, программ социальной и народнохозяйственной значимости.

4. Закон Оренбургской области «О стимулировании инвестиционных проектов по созданию импортозамещающих и экспортных производств в Оренбургской области» от 21.03.2001 г. № 180/255-II-03 (в ред. от 07.09.2007 г.). Настоящий закон позволяет предприятиям и организациям области получить льготы по уплате налога на имущество при создании вышеуказанных производств на весь срок окупаемости проекта, но не более 7 лет.

5. Закон Оренбургской области «Об инвестиционной деятельности на территории Оренбургской области, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 05.10.2009 г. № 3119/712-IV-03 (в ред. от 15.12.2011 г.). Согласно данному закону органы государственной власти Оренбургской области создают благоприятные условия для развития инвестиционной деятельности, в частности, путем предоставления субъектам инвестиционной деятельности налоговых льгот, льгот по аренде объектов недвижимости, инвестиционных налоговых кредитов, гарантий под инвестиционные проекты.

Данный закон дает понятие инвестиций: «Денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе, имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта».

В качестве инвесторов могут выступать органы государственной власти Оренбургской области, органы местного самоуправления, физические и юридические лица и их объединения, иностранные физические и юридические лица, государство и международные организации. Допускается объединение

средств инвесторами для осуществления совместного инвестирования.

В законе содержатся положения, определяющие особенности статуса иностранных инвесторов, а также положения о государственном регулировании инвестиционной деятельности.

Целая глава в законе посвящена Единому специализированному инвестиционному фонду Оренбургской области, который предназначен для осуществления инвестиционной политики в производственной сфере области и состоит из фонда развития, фонда инвестиций и лизингового фонда. Его средства направляются на конкурсной основе для поддержания инвестиционной деятельности, прежде всего, в высокоэффективные проекты и в агропромышленный комплекс.

В заключительных положениях закон определяет государственные гарантии субъектов инвестиционной деятельности на территории Оренбургской области и основы ее регулирования органами местного самоуправления.

6. Закон Оренбургской области «Об областном бюджете» (принимается ежегодно), где отдельной строкой выделяются средства для предоставления гарантий предприятиям и организациям области под инвестиционные проекты и пополнение оборотных средств.

Из большого количества инвестиционных проектов, разрабатываемых в Оренбургской области, можно выделить:

- Организация серийного производства многоцелевых гражданских вертолетов Ка-226. ФГУП ПО «Стрела» – 9,0 млн. долларов.
- Модернизация и реконструкция производства бытовой холодильной техники. АО «ОрМеЗ», г. Орск 29.
- Строительство завода по переработке твердых бытовых отходов. Г. Оренбург – 20,0 млн. долларов и другие.

В Оренбургскую область привлечено более 750 млн. долл. США иностранных инвестиций; в последние годы приток инвестиций значительно возрос. Приблизительно так выглядит отраслевая структура и страны-инвесторы в долевом отношении.

За счет привлеченных иностранных инвестиций области удалось увеличить добычу нефти, внедрить новые технологии по ее более глубокой переработке, получить высокооктановые неэтилированные бензины, приступить к внедрению технологии производства заготовок труб в «северном» исполнении и внепечной обработки стали, организовать переработку руды по более полному извлечению из нее полезных ископаемых (меди, цинка, свинца, золота), освоить передовые технологии производства электродвигателей, низковольтной пусковой аппаратуры и сцепных устройств для легковых автомобилей российского производства, внедрить новые телекоммуникационные системы, новые технологии производства и переработки сельскохозяйственных культур и животноводства,

новые технологии производства строительных материалов и т.д.

В настоящее время на территории области осуществляют свою деятельность более 170 коммерческих организаций с иностранными инвестициями. Накопленный иностранный капитал в уставных фондах организаций с иностранными инвестициями превышает 15 млн. USD, а объем производства продукции данных предприятий составляет почти 4% от общего объема ВВП, произведенного в области за предыдущий год.

Среди успешно работающих организаций с иностранными инвестициями:

- нефтедобывающие – ЗАО «Стимул» и ЗАО «Байтекс»;
- машиностроительные – ОАО «УралЭлектроСТМ», ООО «УралЭлектроКонтактор», ООО «Автофлекс-Кнотт»;
- строительные – ОАО «Азимут» и ООО «Хунор»;
- пищевые – ЗАО «Пивоварни Ивана Таранова», ЗАО «Феррос»;
- связи – ОАО «Оренсот» и др.

Хочется надеяться, что эти проекты и многие другие сделают Оренбургскую область одним из экономически развитых и социально-благополучных субъектов Российской Федерации.

1. <http://www.orenburg-gov.ru/magnoliaPublic/regportal/Info/Invest>.

2. Нормативно-правовая база Оренбургской области анализируется на основе информационно-правовой системы ГАРАНТ.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТПУСКАХ

Ключевые слова: трудовое законодательство, законодательство об отпусках, правовое регулирование, ежегодный отпуск, Конвенция МОТ, систематизация.

В статье проводится ретроспективный анализ трудового законодательства России об отпусках. Автор исследует генезис законодательства об отпусках и предпринимает попытку объяснить причины установления и изменения тех или иных правовых норм в этой области общественных отношений с юридических и политических позиций, выявить тенденции развития трудового законодательства об отпусках.

Key words: labor legislation; legislation on leave; legal regulation; annual leave; ILO Convention; systematization.

The paper conducts a retrospective analysis of the labor legislation of Russia on leave. Explores the genesis of the legislation on leave, tries to explain the reasons for establishing and changing of certain legal rules in this area of public relations with the legal and political position, identifies trends in labor law on leave.

Трудовое право, исторически сформировавшееся как право социальной защиты работника, призвано учитывать интересы работодателя, осуществляющего функции организации и управления процессом труда, поскольку обеспечение реализации интересов работника возможно лишь при эффективной деятельности работодателя.

Принятое 14 июня 1918 г. СНК РСФСР постановление «Об отпусках» заложило основу правового регулирования ежегодных отпусков в России, провозгласило право работников на двухнедельный отпуск и явилось первым в мире актом, гарантирующим это право. Такой шаг со стороны государства был обусловлен сложными политическими, экономическими, социальными процессами, происходившими во время в обществе.

В дальнейшем эта норма была инкорпорирована в Кодекс законов о труде 1918 года (далее – КЗоТ 1918 г.), который стал первым кодифицированным актом о труде в России.¹ Его особенность заключалась в установлении работникам, проработавшим не менее одного года, более длительного ежегодного отпуска по сравнению с общим правилом, а именно – продолжительностью в один месяц. По мнению известного специалиста в области трудового права О.С. Хохряковой, «установление такого длительного отпуска в период, когда страна находилась в тяжелейшем экономическом кризисе, когда исключительно сложными были внешнеполитическая обстановка и ситуация в стране, не имело под собой никакой экономической основы».²

В период с 1919 по 1922 год был принят ряд специальных актов, корректирующих положения КЗоТа 1918 года об ежегодных отпусках. Они либо полностью отменяли предоставление отпуска работнику, либо устанавливали меньшую, чем в КЗоТе 1918 года, продолжительность отпуска. Кроме того, в 1920 году СНК РСФСР принял Декрет, который определял, что Народный комиссариат по труду (НКТ)

может издавать «особые постановления», устанавливающие определенные сроки отпусков, то есть данный вопрос передавался в исключительное ведение высшего исполнительного органа по труду.³

Следующий принятый Кодекс законов о труде 1922 года (далее – КЗоТ 1922 г.) содержал уже целый раздел, посвященный вопросам времени отдыха, в том числе и отпускам. Продолжительность ежегодного отпуска в нем оставалась неизменной и составляла две недели. Однако была снижена продолжительность стажа, необходимого для получения права на использование отпуска за первый год работы, с шести месяцев до пяти с половиной. Кроме того, КЗоТ 1922 года, в отличие от своего предшественника, предоставлял большую самостоятельность сторонам трудовых отношений в определении порядка предоставления работнику ежегодного отпуска. При этом запрещалось ухудшать положение работника по сравнению с уровнем, обозначенным в кодексе.⁴

Некоторое время дальнейшее развитие законодательства о ежегодных отпусках в России не претерпевало изменений и дополнений. В полной мере применялись положения КЗоТа 1922 года. И только 30 апреля 1930 года НКТ СССР утвердил специальный акт, регулирующий отпуска, Правила об очередных и дополнительных отпусках (далее – Правила), достойные особого внимания.⁵

Принятые в 1930 году Правила, будучи ведомственным актом, до сих пор не отменены и действуют на территории России в части, не противоречащей Трудовому кодексу Российской Федерации (далее – ТК РФ). Так, трудовое законодательство, особенно подзаконные акты, часто содержат пояснение, что отпуска не должны приурочиваться исключительно к 1 или 15-му числу, а должны, по возможности, распределяться равномерно в течение всего года. Этот совет раз за разом законодателем с 1930 года – из Правил об очередных и дополнительных отпусках, утвержденных постановлением Народного Комиссариата труда СССР от 30.04.1930 N 169.

Долгое время в законодательстве не решался вопрос о разделении отпуска на части, в то время как в Правилах эта возможность была предусмотрена. Некоторые положения этого нормативного акта о порядке предоставления отпусков продолжали действовать вплоть до принятия действующего Трудового кодекса (ст. 125 ТК РФ), поскольку ранее в российском законодательстве они отсутствовали.

Тем не менее, анализ данных Правил показывает, что многие их положения противоречат действующему законодательству. Так, п. 1 Правил устанавливает, что каждый работник, проработавший у нанимателя не менее пяти с половиной месяцев, имеет право получить очередной отпуск. В данном случае наблюдается не только противоречие со ст. 122 ТК РФ, предусматривающей шестимесячный стаж работы для возникновения права на использование отпуска, но и несоответствие самой юридической техники Правил современной лексике (используются термины «наниматель» вместо «работодатель», «очередной» отпуск вместо «ежегодный»).

Несмотря на то, что положения Правил детализировали КЗоТ 1922 года, между данными актами существовали и некоторые противоречия. Например, КЗоТ гарантировал предоставление работнику двухнедельного отпуска, а Правила – отпуска продолжительностью 12 рабочих дней. Такая коллизия разрешалась в пользу Правил, ведомственного акта, специального по отношению к кодифицированному, что представляется не совсем логичным. Таким образом, в 1930 году в России была введена новая продолжительность ежегодного отпуска, исчисляемая в рабочих днях.

В 1931 году Правила были изменены и дополнены положениями о запрете ухода в ежегодный отпуск всех работников предприятия одновременно и передачи другим работникам при уходе в отпуск незаконченной работы.

Проводимая государством коллективизация и индустриализация потребовали привлечения значительного количества рабочей силы. В то же время, экономическая и политическая обстановка в стране не способствовала смягчению трудового законодательства. В 1938 году государство установило, что право на ежегодный отпуск предоставляется работающим лицам по истечении одиннадцати месяцев работы. Данная продолжительность сохранялась в законодательстве более 60 лет, вплоть до принятия ТК РФ.

Отметим, что в России с начала 40-х и до конца 1960-х годов законодательство о ежегодных отпусках не претерпело кардинальных изменений. Правда, в годы Великой Отечественной войны ежегодные отпуска не предоставлялись в связи с всеобщей мобилизацией и были заменены денежной компенсацией. В послевоенный период право на предоставление отпуска восстановили. А в 1967 году его продолжительность с целью «дальнейшего повышения материального благосостояния народа» увеличилась с 12 до 15 рабочих дней.⁶

В 1970 году были утверждены Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде (далее – Основы).⁷ На момент третьей кодифика-

ции в стране продолжали действовать Правила 1930 года в качестве специального акта, регулирующего основные вопросы предоставления работникам ежегодных отпусков. Основы систематизировали все существовавшие нормы, особенно принятые в период с 1930 по 1970 год, и привели их в соответствие с действующей практикой. Они практически не заимствовали норм Правил 1930 года, поскольку последние уже тогда считались устаревшими, хотя так и не были отменены. Таким образом, Правила сыграли свою историческую роль, и не было смысла сохранять далее их действие. Еще в середине XX века отечественные праведы выступали за отмену Правил, называя их устаревшими и противоречащими трудовому законодательству, действующему в те времена. Сегодня это тем более очевидно.

На базе Основ 1970 года затем принимались кодексы законов о труде союзных республик, в том числе, и Кодекс законов о труде РСФСР 1971 года (далее – КЗоТ 1971 г.). Основы установили общие положения о предоставлении ежегодных отпусков. Предполагалось, что в принимаемых позже союзными республиками кодексах указанные вопросы будут рассмотрены более подробно. Основы и новый КЗоТ закрепили продолжительность ежегодного отпуска в 15 рабочих дней с последующим «постепенным переходом к предоставлению отпуска большей продолжительности» (однако увеличение отпусков до 24 рабочих дней состоялось только в 1992 г.).

КЗоТ 1971 года в отличие от Основ подробно регламентировал порядок предоставления ежегодных отпусков работникам. Так, он устанавливал непрерывный стаж работы для получения отпуска в одиннадцать месяцев, а также предусматривал оплату отпуска не позднее, чем за один день до его начала, и др.

В 1982 году под руководством Ю.В. Андропова, была активизирована политика укрепления дисциплины труда. Одним из методов борьбы со злостными ее нарушителями стало уменьшение продолжительности ежегодного отпуска в случае совершения работником прогула без уважительных причин на число дней прогула. Однако и в этом случае отпуск не мог быть меньше 12 рабочих дней. В 1993 году Минтруд РФ своим Разъяснением закрепил такую меру дисциплинарного воздействия на работника, притом, что законодательно (в КЗоТе 1971 г.) ему гарантировалось предоставление отпуска на 24 рабочих дня. И только в 2000 году Верховный суд РФ признал данный акт недействительным.⁸

После распада СССР КЗоТ 1971 года потерял свою актуальность, многие его нормы не применялись на практике или нуждались в уточнениях. Однако до принятия в 2001 году ТК РФ законодательство о ежегодных отпусках не подвергалось кардинальным изменениям. Этот период характеризовался принятием большого количества подзаконных актов, разъясняющих отдельные положения КЗоТа 1971 года, в том числе, устанавливавших ежегодные отпуска отдельным категориям работников.

С принятием Трудового кодекса РФ правовое регулирование отпусков претерпело существенные

изменения, в том числе, в связи с внесением в него поправок в 2006 г. Важным событием для России стала и ратификация в 2010 г. Конвенции МОТ № 132 «Об оплачиваемых отпусках» 1970 г.⁹ Конвенция Международной организации труда № 132 об оплачиваемых отпусках (пересмотренная в 1970 году) (Женева, 24 июня 1970 г.),¹⁰ в рамках которой были пересмотрены Конвенция 1936 г. об оплачиваемых отпусках и Конвенция 1952 г. об оплачиваемых отпусках в сельском хозяйстве, состоит из преамбулы, мотивирующей необходимость принятия этого документа, и 24 статей, около половины которых носит организационно-процессуальный характер, а другая часть содержит нормы материального права.

В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, ст. 10 ТК РФ Российская Федерация регулирует трудовые отношения между работодателями и работниками в соответствии с международно-правовыми нормами (стандартами) и документами рекомендательного характера, в том числе, с конвенциями и рекомендациями Международной организации труда (МОТ).

Однако, в данной Конвенции, имеются положения, в меньшей степени защищающие права и свободы человека и гражданина в сфере труда, чем российское законодательство.¹¹ Как отмечает Н.Л. Лютов, в ч. 1 ст. 9 Конвенции указывается, что непрерывная часть ежегодного оплачиваемого отпуска (не менее двух недель, согласно ч. 2 ст. 8) предоставляется и используется не позже чем в течение одного года, а остаток ежегодного оплачиваемого отпуска – не позже, чем в течение 18 месяцев, считая с конца того года, за который предоставляется отпуск. Согласно ТК РФ оплачиваемый отпуск должен предоставляться ежегодно (ст. 122 ТК РФ), но он может быть перенесен на следующий год (ст. 124 ТК РФ), причем непредоставление отпуска в течение двух лет подряд запрещается (ч. 4 ст. 124 ТК РФ). В данном случае, имеет место явное несоответствие внутреннего российского законодательства ратифицированной Конвенции МОТ.¹² На это уже обратили внимание и другие отечественные специалисты.¹³

Очевидно, что в данном случае в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ применению подлежит норма МОТ как международный договор Российской Федерации, которому противоречит внутреннее законодательство. Представляется, что факт нарушения работодателем законодательства не может быть

основанием для ограничения права работников на оплату труда. В случае, если контролирующие органы обнаружат соответствующее нарушение, работодатель должен быть привлечен к ответственности за нарушение трудового законодательства, что не освобождает его от необходимости выплаты компенсации за неиспользованный отпуск, даже если эта компенсация превышает учетный период, предусмотренный Конвенцией.¹⁴

В ст. 10 Конвенции говорится о конкретном периоде, когда работнику должен предоставляться оплачиваемый отпуск. Этот период, «...если он не устанавливается правилами, коллективным соглашением, арбитражным решением или иными способами, соответствующими национальной практике, определяется работодателем после консультаций с заинтересованным лицом, работающим по найму, или с его представителями». В ст. 123 ТК РФ в этом отношении указывается, что очередность предоставления отпусков ежегодно определяется работодателем в графике отпусков, утверждаемом с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации. Однако, если такого органа в организации не существует, работодатель не обязан учитывать мнение работников при определении времени отпусков, что также не вполне соответствует содержанию ст. 10 Конвенции N 132.

Законодательство об отпусках в России формировалось достаточно длительный период. Правовое регулирование в данной сфере на протяжении многих десятилетий подвергалось изменениям и дополнениям, что отражало, в первую очередь, экономическую, социальную, идеологическую политику, проводимую государством на том или ином этапе его существования.

В настоящее время правовая база регулирования отношений трудового права об отпусках включает ратифицированную Советским Союзом Конвенцию № 52 (1936 г.) о ежегодных оплачиваемых отпусках, Конституцию РФ, ТК РФ, ряд подзаконных актов. Согласно ст. 2 Конвенции она применяется ко всем работающим по найму лицам, за исключением моряков.

Формирующееся трудовое законодательство об отпусках пока сохраняет некоторые отрицательные черты трудового права советского периода. Тем не менее, следует отметить, что законодательство об отпусках гармонично развивается и, в основном, соответствует актам международного законодательства.

1. СУ РСФСР. – 1918. – № 43. – Ст. 527; СУ РСФСР. – 1918. – № 87-88. – Ст. 905.

2. Хохрякова, О. С. Правовое регулирование отпусков: история, теория, перспективы совершенствования. Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.05 / О. С. Хохрякова. – М., 1992. – С. 32-33.

3. Декрет СНК РСФСР от 17 июня 1920 г. «Общее Положение о тарифе (Правила об условиях найма и оплаты труда рабочих и служащих всех предприятий, учреждений и хозяйств в РСФСР)» // СУ РСФСР. – 1920. – № 61-62. – Ст. 276; КЗоТ 1922 г. введен в действие Постановлением ВЦИК от 9 ноября 1922 г. «О введении в действие Кодекса законов о труде РСФСР. Изд. 1922 г.» (вместе с Кодексом законов о труде РСФСР)» // СУ РСФСР. – 1922. – № 70. – Ст. 903.

4. Цуркан, Н. А. Ежегодные оплачиваемые отпуска по российскому и зарубежному законодательству (сравнительный анализ). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук // Н. А. Цуркан. – М., 2011. – С. 10.

-
5. Известия НКТ СССР. – 1930. – № 13. – 10 мая; СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3; Лившиц, Р. З. Отпуска рабочих и служащих в СССР: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1961. – С. 3; Иванова, И. В. Правовое регулирование дополнительных отпусков, предоставляемых рабочим и служащим в СССР: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1983. – С. 4.
 6. Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 26 сентября 1967 г. № 888 «О мероприятиях по дальнейшему повышению благосостояния советского народа» // СП СССР. – 1967. – № 23. – Ст. 161.
 7. Ведомости ВС СССР. – 1970. – № 29. – Ст. 265; Ведомости ВС СССР. – 1971. – № 50. – Ст. 1007.
 8. Постановление Совмина СССР, ВЦСПС от 28 июля 1983 г. № 745 «О дополнительных мерах по укреплению трудовой дисциплины» // СП СССР. – 1983. – № 21. – Ст. 116; Постановление Минтруда РФ от 8 февраля 1993 г. № 18 «Об утверждении Разъяснения «О порядке уменьшения ежегодного оплачиваемого отпуска за прогул» // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств. – 1993. – № 7; Решение Верховного суда РФ от 8 декабря 2000 г. № ГКПИ 2000-1331 «О признании недействительным Разъяснения Минтруда РФ от 8 декабря 1993 г. № 3 «О порядке уменьшения ежегодного оплачиваемого отпуска за прогул» // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2001. – № 9.
 9. СЗ РФ, 2010. – № 27. – Ст. 3423.
 10. Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией труда. 1957-1990. Т. II. Женева, Международное бюро труда, 1991. Цивилист, 2011, № 1
 11. Амбарцумян, К. А. Ратификация Конвенции МОТ «Об оплачиваемых отпусках» в РФ // Актуальные проблемы права в XXI веке: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. – М.: РУДН, 2012. – С. 362-364.
 12. Лютов, Н. Л. Перспективы ратификации Россией конвенций МОТ // Трудовое право. 2010. – № 2 (120). – С. 89-96.
 13. Пачин, Ю. Ф. Соотношение ратифицированной Российской Федерацией Конвенции МОТ N 132 об оплачиваемых отпусках и российского законодательства об отпусках // Информационный бюллетень НП «Юристы за трудовые права». – N 69. – 2010. – С. 26.
 14. Горелик, О. В. Отпуск по принуждению // Эксперт-онлайн. 7 июля 2010 г. http://www.expert.ru/articles/2010/07/07/v_otpusk.

ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЛОГОВОГО РЕЖИМА

Ключевые слова: правовой режим, специальный налоговый режим, налоговые льготы, принципы специальных налоговых режимов, налоговое бремя.

Специальные налоговые режимы сравнительно молодое явление для России. Они были созданы для поддержки отдельных категорий налогоплательщиков, которые особо важны для развития экономики страны (для сельскохозяйственных товаропроизводителей, малого бизнеса и т.д.), путём снижения для них налогового бремени. Однако, в законодательстве точно не определено правовое положение специальных налоговых режимов. В результате, достаточно часто возникают проблемы в правоприменении. Автор в своей статье определяет место специальных налоговых режимов в системе налогов и сборов РФ, а также выделяет принципы их установления и использования.

Key words: legal regulation, special legal regulation, tax benefits, principles of special tax benefits, tax burden.

Special tax regulations are relatively new for the Russian Federation. They have been created to support some categories of tax payers, which are especially important for the development of the country's economy (agriculture, small businesses, etc.), by means of decreasing their tax burden. However, the legislature has not defined the principle of the special tax regulations. As a result, the implementation of such regulations faces issues quite often. The author of the article defines and identifies the place of the special tax regulations in the taxation system of the Russian Federation and points out their implementation and usage principles.

В соответствии со статьёй 18 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) специальные налоговые режимы предусматривают особый порядок определения элементов налогообложения, а также освобождение от обязанности по уплате отдельных налогов и сборов. Сами по себе они не являются ни налогами, ни сборами, а представляют собой целые системы правовых норм, регулирующих порядок и особенности налогообложения определенных субъектов.¹

К ним относятся:

- 1) система налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей (единый сельскохозяйственный налог);
- 2) упрощенная система налогообложения;
- 3) система налогообложения в виде единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности;
- 4) система налогообложения при выполнении соглашений о разделе продукции.²

Анализ статьи 18 НК РФ позволяет указать на ряд признаков специальных налоговых режимов:

1) Они представляют особый порядок исчисления и уплаты налогов и сборов. Этот порядок (а он будет вводиться как бессрочно, так и на определенное время) может:

- предусматривать как те элементы налогообложения, которые указаны в ст. 17 НК РФ, так и иные;
- касаться определенных категорий налогоплательщиков (например, субъектов малого предпринимательства);

- распространяться на определенные виды деятельности (например, где трудно контролировать реальные доходы и расходы налогоплательщика);

- применяться лишь на определенных территориях (например, при соглашениях о разделе продукции).

2) Эти режимы могут действовать только в тех случаях, когда это будет прямо предусмотрено в НК РФ. При этом, следует иметь в виду, что ст. 18 вступила в силу не с 1 января 1999 г., а с 1 января 2005 г.

3) Порядок применения специальных режимов налогообложения непосредственно устанавливается нормами НК РФ либо федеральных законов, иных актах законодательства о налогах и сборах, принимаемых в соответствии с НК РФ.³

Однако в НК РФ не даётся понятия, что, по сути, означает специальный налоговый режим. Из-за этого часто возникают ошибки в правоприменении. Поэтому решение вопроса о правовой сущности специального налогового режима и, что особо важно, введение понятия в налоговое законодательство, является особо важной задачей.

Для начала, необходимо определить, что же означает категория «правовой режим». В литературе данный вопрос является дискуссионным.

Так, Бахрах Д.Н. считает, что «правовой режим» «это «официально установленный особый порядок правового регулирования, отражающий совокупность юридических и организационных средств, используемых для закрепления социально-правово-

го состояния объектов воздействия и направленный на обеспечение их устойчивого функционирования. Таким образом, правовому режиму присущи следующие признаки:

1) правовое регулирование целенаправленно осуществляется в интересах определенного объекта, предмета или процесса – носителя правового режима;

2) совокупность используемых правовых средств образует специальные правила поведения, деятельности, жизнедеятельности, официально установленные и обеспеченные системой организационно-правовых мер;

3) в правовых актах закрепляется определенное правовое состояние объекта или процесса, отличное от иных участков правовой действительности и выражающееся в устойчивых взаимосвязях носителя режима с иными социальными объектами;

4) специально установленные правила направлены на создание условий, препятствующих нарушению статуса (состояния) носителя режима, поддержание заданных параметров его функционирования;

5) деятельность (действия) субъектов, реализующих режимные правила, основана на единых правовых принципах, единых правовых формах и осуществляется в точном соответствии с заранее установленным механизмом реализации прав и обязанностей».⁴

Алексеев С.С. рассматривает правовой режим «как своего рода укрупненный блок в общем арсенале правового инструментария, соединяющий в единую конструкцию определенный комплекс правовых средств. И с этой точки зрения эффективное использование правовых средств, при решении тех или иных специальных задач, в значительной степени состоит в том, чтобы выбрать оптимальный для решения соответствующей задачи правовой режим, искусно отработать его сообразно специфике этой задачи и содержанию регулируемых отношений».⁵

Представление правового режима как укрупненного блока, своеобразной системы правовых норм, которые направлены на достижение определенной цели, дает право разделить все правовые режимы на:

1) Общие правовые режимы, которые направлены на достижение схожих целей для нескольких укрупненных правовых режимов.

2) Специальные правовые режимы. «Специальный» – относящийся к роду, виду, частностям, к подробностям предмета...⁶ Поэтому специальные правовые режимы служат, в целом, достижению своей специфической цели.

Основной целью налога является финансовое обеспечение деятельности государства и (или) муниципальных образований. Это достигается путём «распределения бремени несения расходов государства и органов местного самоуправления между членами общества».⁷ Поэтому, следует вывод, что «налоговый режим включается в более крупный правовой режим, нацеленный на поступление денежных средств в бюджет России, а тот, в свою очередь, – в состав финансово-правового режима».⁸

Таким образом, «специальные налоговые режимы» являются «подробностью» (институтом) налогового права, которое регулирует определенные правоотношения в целом, а также устанавливает и определяет правовое поле налоговых режимов, имеющих отличия от общего режима налогообложения. Необходимость данного института налогового права обусловлена потребностью регулирования налоговых правоотношений субъектов специальных налоговых режимов.

Барулин С.В. и Жирова Г.В. предлагают рассматривать специальный правовой режим с двух методологических позиций: как организационно-финансовую категорию и как особую форму (механизм) налогового регулирования.

1) «Как организационно-правовая категория специальный налоговый режим имеет две субстанции: с одной стороны, ее содержание составляет движение стоимости в налоговой форме; с другой стороны – это категория особой организации налогообложения, строящаяся на специальных принципах, и управления налоговым процессом в строго определенных сферах деятельности (субъективная сущность).

2) Как форма налогового регулирования специальный налоговый режим может проявляться в двух ипостасях: в виде упрощения общей системы налогов, налогообложения учета и отчетности и в виде реального снижения налоговой нагрузки, по сравнению с общим правовым режимом».

Большинство авторов сходятся во мнении, что специальные налоговые режимы входят в понятие налоговых льгот. Постараемся разобраться в данном вопросе.

Налоговыми льготами, иначе льготами по налогам и сборам, принято называть те преимущества, которые предоставляются отдельным категориям налогоплательщиков и плательщиков сборов, по сравнению с другими плательщиками. В том числе, понятие налоговых льгот включает в себя возможность не уплачивать налог или сбор либо уплачивать их в меньшем размере, что следует из ст. 56 НК РФ.

Благодаря применению данного налогового инструмента государством достигаются две цели. Главная цель состоит в сокращении размеров налогового обязательства налогоплательщика. Вторая цель, которая на практике преследуется относительно реже, – это отсрочка или рассрочка платежа. Однако и вторую цель надлежит рассматривать как способ косвенного сокращения налоговых обязательств налогоплательщика, поскольку отсрочка или рассрочка платежа фактически являются кредитом, предоставленным бесплатно или на льготных условиях.

Несмотря на общность целей, налоговые льготы обладают различиями в механизме своего действия, который зависит от того, на изменение какого элемента структуры налога (предмета налогообложения, налоговой базы, окладной суммы) направлена льгота. По данному признаку льготы разделяются на три группы:

- изъятия;

- скидки;¹¹
- освобождения.

Налоговые льготы обладают следующими признаками:¹²

- льгота направлена на более полное удовлетворение законных интересов граждан и их объединений;
- льгота выступает исключением из общих правил, элементом специального правового статуса лица;
- льгота есть правомерное изъятие из основного стандарта поведения, существующее на основании дозволения юридической нормы.

Также особенностью налоговой льготы является то, что её использование является правом, а не обязанностью лица: налогоплательщик может отказаться от использования льготы либо приостановить ее использование на один или несколько налоговых периодов, если иное не предусмотрено НК РФ. Налоговая льгота распространяется не на всех, а на отдельную категорию налогоплательщиков, отвечающую избранному законодателем признаку, отграничивающему их от остальных плательщиков налога.¹³

Таким образом, следует выделить следующие признаки специальных налоговых режимов:

- применяются только отдельными категориями налогоплательщиков, определенными в законе, в частности, в главах НК РФ – 26.1 «Система налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей (единый сельскохозяйственный налог)», 26.2 «Упрощенная система налогообложения», 26.3 «Система налогообложения в виде единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности», 26.4 «Система налогообложения при выполнении соглашений о разделе продукции»;

- основаны на предоставлении налогоплательщикам преимуществ по сравнению с иными налогоплательщиками, уплачивающими налоги и сборы в общем порядке, в целях упрощения ведения бухгалтерского учета и налогового учёта, а также снижения налогового бремени;

- применение предполагает как освобождение от уплаты ряда федеральных, региональных и местных налогов, так и особый порядок определения элементов налогообложения по основным налогам в целях снижения налогового бремени.

Таким образом, многие признаки налоговых льгот и специальных налоговых режимов схожи между собой.

Следует отметить, что в НК РФ отсутствует указание на льготный характер специальных налоговых режимов и цели их применения, что является существенным пробелом законодательства.¹⁴

Так, Министерство финансов РФ указывает, что принятие глав 26.2 и 26.3 НК РФ, устанавливающих специальные налоговые режимы, «разработаны в целях снижения налоговой нагрузки субъектов малого предпринимательства, снятия существующих необоснованных ограничений по применению специальных режимов, создания более благоприятных условий для ускорения развития в стране малого бизнеса, устранения недостатков ранее действующей упрощенной системы».¹⁵

Однако существуют и другие мнения, в частности, М.В. Титова указывает, что налоговая льгота и специальный налоговый режим представляют собой разные явления. Данный вывод был сделан на основании действовавшего ранее нормативного определения специальных налоговых режимов, закрепленного в ст. 18 НК РФ, в котором указывалось, что элементы налогообложения, а также налоговые льготы определяются в порядке, установленном НК РФ. Следовательно, законодатель выделяет налоговую льготу в качестве лишь одного из инструментов, используемых для создания специальных налоговых режимов, тогда как специальный налоговый режим представляет собой особый порядок правового регулирования, выражающийся в определенном сочетании юридических средств и создающий желаемое социальное состояние и конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности для удовлетворения интересов субъектов права.¹⁶

Несмотря на схожесть специального налогового режима и налоговой льготы, по нашему мнению, данные категории отличны друг от друга.

Специальный налоговый режим – это правовой институт, основная цель которого – снижение налоговой нагрузки отдельных категорий налогоплательщиков и предусматривает замену ряда налогов уплатой единого налога. Из чего следует вывод, что это особый порядок правового регулирования, выражающийся в определенном сочетании юридических средств в определенной сфере деятельности. Так, например, в случае с упрощенной системой налогообложения – развитие предпринимательства и эффективное обеспечение бюджета налоговыми доходами.

А налоговые льготы – это факультативный элемент налогообложения, под которыми понимаются предоставляемые отдельным категориям налогоплательщиков и плательщиков сборов, предусмотренные законодательством о налогах и сборах, преимущества, по сравнению с другими налогоплательщиками или плательщиками сборов, включая возможность не уплачивать налог или сбор либо уплачивать их в меньшем размере. Таким образом, это всего лишь один из инструментов налогообложения.

Разграничение категорий «специальные налоговые режимы» и «налоговые льготы» позволит определить место каждого из них в налоговой системе Российской Федерации и тем самым, привести законодательство о налогах и сборах, в части исследуемой сферы, в соответствие с принципом определенности и ясности, закрепленного в ст. 3 НК РФ.

Таким образом, специальный налоговый режим представляет собой правовой институт, то есть обособленную группу юридических норм, регулирующих качественно однородные общественные отношения по поводу установления, введения и применения специальных налоговых режимов. Что подтверждается более подробным рассмотрением каждого из специальных налоговых режимов.

В связи с этим, существует необходимость введения понятия специального налогового режима в налоговый оборот, и представить его как особый по-

рядок исчисления и уплаты налоговых платежей, предусмотренного НК РФ, для отдельных категорий налогоплательщиков, в целях снижения их налоговой нагрузки путём замены уплаты ряда налогов, уплатой единого налога.

Введение данного понятия в НК РФ необходимо, в целях единообразного понимания категории специальный налоговый режим и определения его места в системе налогов и сборов РФ.

И в заключение, для наиболее полного познания специальных налоговых режимов, необходимо выделить принципы их формирования и функционирования.

В теории права под категорией «принципы» понимаются «главные, определяющие, важнейшие структурные связи в объекте правового регулирования, внутри самой правовой системы и вне её (связи с социальной средой), которые должны найти информационное отражение в содержании объективного права в виде принципов-идей».

Исходя из правовой сущности и назначения специальных налоговых режимов, в их основе лежат следующие основополагающие принципы налогообложения, но, в целом, сориентированные на данные правовые режимы:

1) Принцип законности.

Данный принцип проявляется в том, что все виды специальных налоговых режимов определены в НК РФ.

2) Принцип индивидуализации.

Состоит в выделении в каждом налоговом режиме категорий субъектов, специальных требований для перехода на ту и ли иную специальную систему налогообложения (например, при переходе на упрощенную систему налогообложения организация должна иметь в наличии не более 100 рабочих мест).

3) Принцип добровольности.

Означает, что переход на специальный налоговый режим осуществляется только в добровольном порядке.

4) Принцип замены ряда налогов уплатой единого налога (например, при применении упрощенной системы налогообложения организации освобождаются от уплаты налога на прибыль организаций и др.).

5) Принцип налоговых послаблений.

Проявляется в том, что налоговый режим субъектов, применяющих специальные налоговые режимы, должен быть мягче по сравнению с общим налоговым режимом.

Закрепление данных принципов законодательстве о налогах и сборах позволит наиболее эффективно реализовывать основную цель специальных налоговых режимов – снижение налогового бремени отдельных категорий налогоплательщиков и увеличение доходной части бюджета.

1. Карасева, М. В. Финансовое право Российской Федерации. – М.: ЮРИСТЪ, 2006. – С. 399.
2. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 06.04.2011) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Гув, А. Н. Постатейный комментарий к Налоговому кодексу РФ (часть первая). 2003 г. // СПС ГАРАНТ.
4. Бахрах, Д. Н., Россинский, Б. В., Стариков, Ю. Н. Административное право: учебник для ВУЗов. – М.: Норма, 2007. – С. 477-478.
5. Алексеев, С. С. Теория права. – М.: Издательство БЕК, 1995. – С. 244.
6. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – М.: Рус. яз. – 1999. – Т. 4. – С. 290.
7. Винницкий, Д. В. Налоги и сборы: понятие, юридические признаки. Генезис. – М., 2002. – С. 85.
8. Жданова, В. Ю. Специальный налоговый режим как разновидность правового режима // Финансовое право. – 2005. – № 2. – С. 34.
9. Матинов, А. С. Специальные налоговые режимы // Финансовое право. – 2002. – № 4. – С. 48-54.
10. Барулин, С. В., Жирова, Г. В. Специальные налоговые режимы: теоретические и организационные основы // Финансы. – № 10. – 2003. – С. 32-33.
11. Бердышев, С., Филина, Ф. Налоговые льготы // Российский бухгалтер. – 2008. URL: <http://www.rosbuh.ru> (дата обращения: 12.12.2010 г.).
12. Малько, А. В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2004. – С. 66.
13. Зимин, А. В. Правовой режим налоговых льгот // Налоговые споры: теория и практика. – 2005. – № 11. – С. 22-27.
14. Костянян, Р. К. Специальные налоговые режимы как разновидность налоговых льгот // Налоговые споры: теория и практика. – 2007. – № 7. – С. 43.
15. Письмо Министерства финансов РФ «О порядке применения упрощенной системы налогообложения индивидуальными предпринимателями» от 11.03.2004, № 04-04-06/40 // Финансовый вестник. Финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. – 2004. – № 11.
16. Титова, М. В. Налоговые льготы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004. – С. 115.
17. Протасов, В. Н. Теория государства и права. Проблемы теории государства и права: учебное пособие. – М.: ЮРАЙТ, 2001. – С. 258.

Раздел пятый

ВОПРОСЫ ПЕДАГОГИКИ И ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

НАСРЕТДИНОВА Р.Р.,

к.п.н., доцент кафедры иностранных языков,
Оренбургский институт (филиал) МГЮА имени О.Е. Кутафина,
460000, ул. Комсомольская, 50, тел.: 8 (3532) 72-22-77,
e-mail: post@oimsla.edu.ru

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

Ключевые слова: этнокультурные стереотипы, пословицы, черты характера, англичане, американцы, русские.

В статье рассматриваются некоторые теоретические аспекты проблемы этнокультурных стереотипов и то, как они выражены в английских пословицах и поговорках.

Key words: ethno cultural stereotypes, proverbs, traits of character, the English, the Americans, the Russians. The article touches upon some theoretical aspects of the problem connected with ethno cultural stereotypes and how they are reflected in English proverbs and sayings.

Термин «стереотипы» является предметом изучения различных наук: культурологи, социологии, политологии, антропологии и т.п.

Впервые это понятие было введено американским социологом У. Липпманом в книге «Общественное мнение» в 1922 году. Под стереотипами исследователь понимал особую форму восприятия окружающего мира, оказывающую определенное влияние на данные наших чувств до того, как эти данные дойдут до нашего сознания.¹ По мнению Липпмана, человек, пытаясь постичь окружающий его мир во всей его противоречивости, создает «картину в своей голове» относительно тех явлений, которые он непосредственно не наблюдал. Человек имеет ясное представление о большинстве вещей еще до того, как он с ними непосредственно сталкивается в жизни.²

Стереотипы - это устойчивые, обобщенные представления об образе жизни, обычаях, нравах, привычках, т.е. о системе этнокультурных свойств того или иного народа. Они основываются на многократно повторяющихся однообразных жизненных ситуациях, которые закрепляются в сознании человека в виде стандартных схем и моделей. Тот же механизм работает и при восприятии различных категорий людей, когда преувеличиваются сходные качества между ними и игнорируются различия. Иными словами, стереотипы помогают человеку дифференцировать и упрощать окружающий мир, навести в нем порядок.³

Стереотипы – неперемный атрибут нашей повседневной жизни. Даже относительно внешности чело-

века мы часто выстраиваем в своем сознании какие-то схемы, под которые «подгоняем» встречающихся впервые людей. Нередко мы продолжаем первично оценивать новых знакомых с этих позиций. Дело в том, что человек психологически неспособен каждый раз, сталкиваясь с новой личностью или ситуацией, относиться к ней творчески, не используя опыта, нажитого им самим и коллективом, в котором он живет. Стереотип помогает нам выстроить каркас мировидения, направляет наше поведение. Истинный или ложный, он выражает установку определенной группы или личности по отношению к определенному явлению.

Известно, что у каждого народа, каждой нации есть свои собственные представления об окружающем мире, о людях, о представителях другой культуры. В обществе складываются определенные стереотипы как относительно самих себя, относительно поведения и традиций в пределах своего культурного пространства, так и относительно представителей другого языкового и культурного пространства. Это происходит из-за естественной склонности людей при встрече с представителями иных культур воспринимать их поведение, обычаи и жизненные убеждения с позиции своей родной культуры. Нередко это вызывает негативную реакцию, непонимание, а, как следствие, настороженность, презрение и враждебность. В результате подобных контактов возникают определенные представления о наиболее типичных чертах, присущих тому или иному народу. Так, постепенно складываются этнокультурные сте-

реотипы, представляющие собой обобщенные представления о типичных чертах, характерных для какого-либо народа или его культуры.

В рамках курса «Межкультурная коммуникация в деловом общении» студентам П курса ОИ (филиала) МГЮА имени О.Е. Кутафина было предложено ответить на вопрос, какие у них возникают ассоциации с той или иной европейской страной. Эти ответы отражают стереотипы культурных представлений различных наций, имеющиеся у современной молодежи, включающие как отдельные предметы, явления жизни, так и черты характера.

Ниже приведены некоторые результаты данного опроса:

Австрия: лыжи, Альпы, Моцарт

Бельгия: шоколад, пиво

Болгария: перец, сосиски, доброжелательность

Венгрия: перец

Великобритания: туман, дождь, приведения, чопорность, своеобразный юмор

Германия: пиво, машины (Mercedes, Volkswagen, Opel), Гитлер, пунктуальность, точность

Греция: мифы, Олимп, Олимпийские игры, оливки, демократичность

Голландия: сыр, тюльпаны, свободолюбие, мельницы

Дания: Андерсен, сказки, датское печенье

Испания: оливки, коррида, фиеста, сиеста, фламенко, темперамент

Норвегия: фьорды, озера, семга, викинги

Финляндия: Санта Клаус, олени, медлительность

Франция: мода, духи, вино, аристократичность, свобода

Швейцария: банки, часы, шоколад, точность

Швеция: Карлсон, «АВВА», миролюбивость, шведская семья

Отдельным объектом исследования стали пословицы и поговорки, отражающие стереотипы англичан.

Довольно своеобразно стереотипное представление о Великобритании и ее типичном жителе у иностранцев. Многие из этих расхожих стереотипов разделяем и мы. Некогда в Северной Америке располагались колонии, принадлежащие Великобритании, поэтому многие американцы воспринимают Великобританию как что-то близкое, хотя в наши дни они уже не говорят, что хотят съездить домой, когда планируют поездку в Великобританию, и с трудом могли бы воспроизвести карту этой страны. «У многих бытует стереотипное представление о Великобритании, как о стране, состоящей из Лондона и деревушки в Шотландии, откуда когда-то приехал в Америку один из предков. Типичный британец носит котелок (*bowler hat*) и при нем обязательно зонтик, он терпеливо стоит в очереди на автобус, ест жареную рыбу с жареным картофелем (*fish chips*) и постоянно пьет чай. У него обязательно есть слуга, они есть у всех в Великобритании, и он чрезвычайно почтительно относится к королеве».⁴

Американцы восторгаются тем, как себя ведут англичане, хотя не хотели бы, чтобы в их собственной стране существовало столько церемоний. Иногда, изображая типичного англичанина, они показы-

вают, как он берет чашку чаю, церемонно отставив мизинец, и говорит, вставляя через слово «*well, eh*» или нечленораздельно растягивая слова, имитирует престижное английское произношение.

Кроме того, стереотипное представление о британце – это представление о человеке, который всегда безупречно вежлив и корректен:

- politeness costs little (or nothing) but yields much –

Вежливость ничего не стоит, но дает много; рус. – Ласковое слово не трудно, а спору;

- a civil denial is better than a rude grant – Вежливый отказ лучше, чем грубое согласие.

Он знает, какой вилкой, ложкой или ножом нужно пользоваться и постоянно говорит «пожалуйста», «извините», «спасибо».

Американцы часто подчеркивают, что британцы «чудаки» или «с чужинкой», несколько старомодны. Такое мнение о британцах, в частности, объясняется тем, что в британском варианте английского языка бытуют слова и грамматические структуры, которые давно вышли из употребления в американском английском как устаревшие или официальные. Любимое прилагательное британцев, как считают американцы, – это «*lovely*» («очаровательно»), используемое ими при описании всего, что угодно, включая погоду. Американцы начинают улыбаться, когда слышат некоторые другие слова, часто используемые британцами: *holiday* («праздник», в британском варианте английского языка имеет значение «отпуск, каникулы»), *smashing* (потрясающе), *brilliant* (блестяще, блестящий).

Насколько мы знаем и имеем представление о народе Великобритании, опираясь на стереотипы, они очень трудолюбивы и не воспринимают трудовую деятельность как неизбежную и изнуряющую обязанность. Труд в английском фольклоре предстает как постоянное, «рутинное» занятие, порой поэтическое, но чаще лишенное всякого романтического флера. А лежебока едва ли не самый отрицательный персонаж, порицаемый и осуждаемый. Человека без определенных занятий, как и любого другого преступника, наказывали плетью, заключали в тюрьму или же продавали в рабство. Лениность и праздность в глазах большинства том, что волнует его на работе. Англичанину же с его культом частной жизни и домашнего очага скорее свойственно обратное... Заниматься своим делом не ради денег или карьеры, а, так сказать, из любви к искусству, для собственного удовольствия – вот в представлении англичан кредо истинного джентльмена».⁵

В английских пословицах и поговорках с легкостью можно разглядеть еще одну стереотипную черту любого англичанина – это любовь к деньгам. Деньги – кумир англичан. Ни у кого богатство не пользуется таким почетом. Каково бы не было общественное положение англичанина, будь то ученый, адвокат, политический деятель, священнослужитель, прежде всего, он коммерсант. На каждом поприще он уделяет много времени добыванию денег. Его первая забота всегда и везде – нажить как можно больше. Но при этой необузданной алчности и страсти к наживе англичанин вовсе не скуп. Однако тема бережливости, как отличительной черты, в особенности по отно-

шению к деньгам, частенько прослеживается в английских пословицах и поговорках, неизбежно придавая ей стереотипный характер.

Жители «туманного Альбиона» очень внимательны в обращении с деньгами, они не любят жуликов и ловкачей и упорно настаивают на том, чтобы каждый имел то, что ему положено – не больше и не меньше. У них высоко развито чувство справедливости и права, к тому же они на редкость законопослушны. Взять хотя бы расхожую английскую фразу: «*That's not fair*» (это не справедливо; так не честно), которая как бы настаивает на том, чтобы справедливость была восстановлена. «Уровень честности в больших городах ниже, чем в сельской местности, но даже и в Лондоне разносчик газет смело может оставить пачку своих бумажных пенни на тротуаре, заскочив пропустить стаканчик».

Законопослушание – еще один стереотип англичан, который можно проследить через английскую идиоматику. Ведь, на самом деле, закон – это единственный показатель равенства между людьми; и, если американец смотрит на любое правило, как на вызов, а на любой запрет как сигнал к протесту, то англичанин считает сильной чертой характера способность подчиняться им. «Массы по сей день в той или иной степени склонны считать, что «противозаконно» есть синоним «плохо». Известно, что уголовное законодательство сурово и полно нелепостей, а судебные тяжбы столь дороги, что богатый всегда получает в них преимущество над бедным, однако существует общее мнение, что закон, какой он ни есть, будет скрупулезно соблюдаться, судьи неподкупны и никто не будет наказан иначе, нежели по приговору суда. В отличие от испанского или итальянского крестьянина англичанин не чует печенкой, что закон – это обыкновенное жульничество... всеобщая вера в закон».

По английским пословицам и поговоркам можно так же определить, что огромную роль в жизни британцев играет спорт и, прежде всего, отношение к собственному здоровью. Будучи жителем страны, где кумир любого мальчишки Дэвид Бэкхем, а свободное время, как дети, так и взрослые проводят в движении – на футбольном поле или теннисном корте, англичанин довольно аккуратно и осторожно подходит к вопросам здоровья. «Англичанам принадлежит авторство нескольких наиболее популярных игр мира, распространившихся куда шире любого другого порождения их культуры. Слово «футбол» на все лады звучит из уст миллионов, и слыхом не слышавших о Шекспире или о Великой хартии вольностей. Сами англичане не отличаются особым мастерством в играх, но обожают в них участвовать и с энтузиазмом в глазах иностранцев просто детским, обожают читать о них и заклю-

чать пари. Ничто так не скрашивало жизнь безработных в период между мировыми войнами, как футбольный тотализатор. Профессиональные футболисты, боксеры, жокеи, даже игроки в крикет пользуются популярностью, немислимой для ученого или художника. Однако культ спорта отнюдь не доходит до идиотизма, как могло бы показаться при чтении популярных газет. Баллотировавшись в парламент от своего родного округа, великолепный боксер легкого веса Кид Льюис получил лишь сто двадцать пять голосов».

И, хотя многие современные привычки и увлечения британцев, такие, как, например, курение или походы в местные пабы с целью отдохнуть за кружкой любимого пива, препятствуют всеобщему оздоровлению нации, пословицы и поговорки уделяют этому довольно много внимания, наставляя и советуя.

Конечно, восприятие Британии как страны, где все ведут себя хоть и странно, но мило, далеко от действительности, и люди, побывавшие в этой стране, обычно приезжают не только с положительными, но и негативными представлениями о ней. Иногда говорят, что британцы снобы и не очень дружелюбны. Прославленная сдержанность британцев часто воспринимается как холодность, кроме того, в отличие от открытой, внешне эмоциональной манеры общения американцев, создается впечатление, что британцы говорят совсем не то, что думают. Они, например, говорят: «*That's no problem*», зная, что в действительности могут возникнуть проблемы, и недоумевают, когда их собеседники не понимают, что они имеют в виду. Американцы обычно ставят в вину британцам переваренную пищу, приготовленную в огромном количестве жира и поэтому вредную для здоровья и безвкусную, сочетание в еде несочетаемых, по их мнению, продуктов, ванны вместо душа, тесноту и небольшой размер жилищ, и тоскливую или дождливую погоду. Однако, в целом, американцы очень тепло воспринимают Британию и все британское. Они с удовольствием относятся к звучанию британского английского, иногда устраивают у себя вечеринки с приглашением англичанина; просят его что-нибудь рассказать, а сами слушают, как он говорит. Они называют британский английский рафинированным, считают его несколько неестественным и жеманным, иногда говорят, что британцы несколько кичатся своим английским, традициями, культурой, щеголяют ими; британцы же в ответ заявляют, что они просто вежливы.

Таким образом, в английских пословицах и поговорках нашли отражение основные стереотипы англичан, такие как сдержанность, вежливость, молчаливость, законопослушание, терпимость, трудолюбие, воля, любовь к деньгам и забота о своем здоровье, которые отмечают иностранцы.

1. Павловская, А. В. Этнические стереотипы в свете межкультурной коммуникации // Вестник МГУ. Сер. 19 Лингвистика и межкультурная коммуникация, 1999. – № 1. – С. 95.

2. Липпман, У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т. В. Барчуновой. – М., 2004. – С. 97.

3. Садохин, А. П. Культурология: теория и история культуры. – М., 2007. – С. 221.

4. Липпман, У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т. В. Барчуновой. – М., 2004. – С. 295.

5. Ощепкова, В. В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. – М., 2004. – С. 314.

6. Овчинников, В. Сакура и дуб. – М., 1983. – С. 159.

7. Там же. С. 161.

8. Там же. С. 164.

**ТРУДЫ ОРЕНБУРГСКОГО ИНСТИТУТА (филиала) МГЮА
(выпуск шестнадцатый)**

Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.

Подписано в печать 25.12.2012 г.

Усл. печ. листов 17,5. Тираж 100. Заказ 39.

Отпечатано в ИП Осиночкин Я. В.

460044, г. Оренбург, ул. С. Лазо, 17, кв. 221.